

Андрей Феликсович Величко

Кандидатский минимум

Наследник Петра [СИ] – 2

Аннотация

Вторая книга цикла "Наследник Петра" закончена.

Величко Андрей Феликсович

Кандидатский минимум

Пролог

Наследный принц Пруссии Карл Фридрих Гогенцоллерн уже четвертый день жил в северной столице Российской империи Санкт-Петербурге. Этот город оказался вовсе не таким уж диким, как представлялось Фридриху при отъезде, но и далеко не столь цивилизованным, как Берлин. Принцу казалось — он начинает понимать, что имел в виду его отец, сказав перед самым отъездом:

— Русский царь обещал мне, что там ты быстро научишься любить свою родную Пруссию. Говорят, он всегда делает то, что обещает.

По приезде принца определили на жительство в большом дворце, расположенном вдоль реки Невы. Занимался этим сравнительно молодой парень по имени Васко, названный, похоже, в честь знаменитого португальского мореплавателя. Он вызвал у принца такое доверие, что тот даже осторожно спросил — правда ли, что по улицам русских городов свободно разгуливают медведи?

— Ну что вы такое говорите, ваше высочество, — быстро перевел ответ русского сопровождавший принца гренадерский лейтенант Леман, — им сейчас не сезон. Вот ближе к зиме, может, и появятся.

Однако, похоже, Васко говорил это только для того, чтобы успокоить гостя. Потому что вчера утром Фридрих видел медведя своими глазами. Косолапый шел вдоль фасада дворца со стороны Невы, заглядывал в окна, принимался и облизывался. Правда, он был не очень велик, но может, это просто разведчик, а вся стая прячется где-нибудь неподалеку? В общем, принц на всякий случай пока не рисковал выходить на улицу, хоть ему это вроде и не возбранялось. Нет уж, лучше дождаться приезда русского царя. Он, как сказал Васко, скоро выедет в Санкт-Петербург.

Глава 1

Его императорское величество Петр Второй получил пакет из северной столицы через неделю после успешного во всех смыслах запуска маяка. Писал ему Василий Нулин, комендант Летнего дворца. Такое звание было присвоено ему из тех соображений, что мажордомом Сергей делать его не хотел, потому как бывший начальник Нулина тоже пока оставался мажордомом. Правда, дворец в ведении Нулина был куда меньше, чем Лефортовский, но круг обязанностей несколько шире, чем у Афанасия Ершова. Комендант должен был регулярно осведомлять императора о том, что творится в городе Санкт-Петербурге. И вот, значит, пришло очередное письмо на эту тему. Оно было написано простыми буквами, а не человечками, хотя в Летнем дворце имелась и шифровальная доска, и шифровальщик. Значит, ничего хоть сколько-нибудь секретного это послание не содержит,

сделал вывод Новицкий и приступил к чтению:

"Здравствуй, ваше величество государь-батюшка, на множество лет. Как ранее сообщал ты мне, третьего дня прибыл к нам немецкий принц Фридрих. Кстати, вовсе он не карла, ростом всего на полголовы ниже меня. Но зело хлипкий, это да. Сразу меня про медведей спросил, а я, конечно, твои указания помню. Однако егеря, холеры такие, за зверя больно дорого запросили, и пошел я в свейское посольство. Они там от безденежья и бескормицы пребывают в полном расстройстве, и, чтоб хоть какую деньгу добыть, начали медведей разводить на продажу. Вот я у них и купил медведика всего за семь рублей с гривенником, хотя поначалу нехристи просили двадцать, да сделал так, чтобы принц его увидел. Немчик теперь даже на первый этаж спускаться опасается, куда там по улицам ходить. Сидит у себя и прилежно русский язык учит. Средь прочих слов знает уже и три ругательных, а самое короткое из них даже написать может.

В гишпанском же посольстве совсем стыд потеряли, торгуют безобразными тварями, коих лекарь из Академии назвал бибизянами, а Ягужинский Павел Иванович — мартышками. Где берут, никому неведомо, но я, кажется, догадался. Главному гишпанцу прислуживает арапчонок, мелкий, губастый и весь из себя кучерявый. И две кошки у них есть. Так вот, мнится мне — ежели оный арап над кошкой совершит непотребство, то как раз такая тварь и получится. Я одну, которую саксонскому послу продали за сто десять рублей, своими глазами видел. Ну прямо точно как родитель, только ростом еще меньше и с хвостом.

Есть у меня знакомая девка на кухне саксонского посольства, так она мне шепнула, что эта бибизяна посла в тот же вечер покусала. За какие места — не говорит, а токмо хихикает. Посол же с утра напился до изумления, взял фузею и начал из окна палить, но с пьяных глаз ни в кого не попал. Однако народ там ходить теперь все равно стережется. Мыслью, государь, что ежели тебе понадобится кого-нибудь наказать, но не явно, то в самый раз будет ему сию гнусную тварь бибизяну и подарить. Про французское и ганноверское посольства я помню, но пока писать про них рановато. Узнаю что с подтверждениями — отпишу тут же.

Верный твой слуга комендант Васька Нулин".

Сергей отложил письмо. Что ж, бывший камердинер, а ныне комендант, кажется, оправдывает надежды. Впрочем, точно это получится сказать только после прихода следующего письма, уже зашифрованного, в котором не будет смелых гипотез о происхождении мартышек, зато наверняка окажется отчет о том, кто, под каким видом и за какие деньги завербован в терпящих финансовое бедствие испанском и шведском посольствах. Хватит бедолагам торговать зверьем, продажа родины принесет куда большие дивиденды.

Дело в том, что император с детства, проведенного в хрущевке на Большой Черемушкинской, был довольно упорным и последовательным человеком, а обучение в Центре еще более усилили эти качества. И, значит, раз уж он определил в качестве одной из основных целей на ближайшие десять лет завоевание Крыма, то к этому надо основательно готовиться, по возможности не отвлекаясь. Но ведь не получится же! Сначала придется встывать в польскую свару, потому как через два года помрет Август Сильный, и надо будет вместо подготовки к крымскому походу гонять его преемника Лещинского по всей Польше, да еще и осаждать Данциг, который, между прочим, России совсем не нужен, зато Пруссии — позарез.

А потом французы науськают шведов, и те тоже полезут на нас, а с Крымом тогда еще наверняка не будет закончено! В общем, Сергей собирался сделать все возможное, чтобы эти ненужные войны, если уж их не удастся избежать, потребовали минимального напряжения сил.

Что интересно, агентура в Польше появилась у Новицкого благодаря пронырливости одной из ключевых фигур голицынского заговора, Лестока. Этот хмырь, увидев, что дело не срослось, тут же сбежал, захватив с собой не только красавицу любовницу, но и двух ее служанок. И всю дорогу забалтывал бедную девушку Анюту, внучку бабушки Анастасии Ивановны, рассказами о том, какие сияющие перспективы ждут их в Польше. Если, конечно,

Анюта поведет себя правильно.

Короче, сразу после проезда Калуги Лесток предложил ей стать любовницей короля Августа, сказав, что первую встречу он им обеспечит, а все остальное пойдет само собой. И, как признал Сергей, сочинил не такой уж плохой план, который действительно мог сработать именно в силу своей беспримерной наглости.

То есть в Польшу должна была въехать не простая московская девушка, совсем нет. А спасенная благородным Лестоком княжна Екатерина Долгорукова, которую бесстрашный Иоганн Герман вырвал из кровавых лап царя Петра, вывез из сибирской ссылки и помог наконец-то достичь цивилизованных мест.

Получив письмо, рассказывающее о планах Лестoka, император поначалу решил, что это авантюра, причем без малейших шансов на успех. Потому как Анюта походила на Екатерину не больше, чем Елизавета на свою подругу Мавру. Однако, немного подумав, молодой царь пришел к выводу, что именно поэтому все и может выгореть. Ибо Анюта была примерно настолько же красивей и обаятельней Катеньки Долгоруковой, насколько Лиза — Мавры. А уж если ее признает княгиней сам король, то всем прочим останется только утереться. Тем более что вряд ли хоть кто-нибудь из приближенных короля видел не только саму бывшую царскую невесту, но даже ее портрет.

В конце сентября благородный медик, "княжна Долгорукова" и две ее служанки прибыли в Варшаву, и вскоре король Август, заинтересовавшись беглянкой неординарной судьбы, снизошел до аудиенции. После которой произошло еще несколько, более продолжительных, с гораздо меньшим количеством свидетелей и в более приспособленных для этого местах, нежели зал для малых королевских приемов. Лесток довольно потирал лапки — наверное, он представлял себе, какой золотой дождь прольется на него, когда положение новой королевской пассии хоть немного упрочится. Потому как должна же она понимать, чем обязана ему и что с ней будет, если он раскроет ее действительное происхождение?

Разумеется, Анюта это отлично себе представляла, поэтому аккурат через две недели после прибытия в Варшаву Иоганн Герман исчез. Вот так — еще вчера был, а сегодня — никаких следов! Княжна даже робко попросила короля помочь ей разузнать хоть что-то о судьбе благородного доктора, буквально спасшего ее от смерти во глубине сибирских руд, Август обещал помочь, но, похоже, без особого энтузиазма. На том дело и кончилось, то есть княгиня, самую малость погоревав о своем внезапно пропавшем спасителе, с еще большим пылом ринулась искать утешения в объятиях короля.

Похоже, Август Сильный оказался отзывчивым человеком, ибо обычно половина его любовниц отсеивалась после первой же ночи. Совсем немногие смогли удержаться при короле хотя бы месяц. Правда, при дворе ходили легенды, что лет двадцать назад какая-то дама неопределенной национальности заставила Августа потерять голову почти на полгода, но Анюта и не собиралась ставить рекорды, двух с небольшим месяцев ей вполне хватило. При расставании король повел себя донельзя благородно, то есть лично подыскал мужа несчастной беглянке. Естественно, не простого, а князя, причем из довольно древнего рода Браницких. Кроме древности рода, у князя имелось и еще одно несомненное достоинство — возраст. Ему шел семьдесят третий год, и, неплохо зная как бабу Настасью, так и ее самую способную ученицу, внучку Анюту, Сергей предполагал, что вскоре княгиня Браницкая овдовеет по какой-нибудь самой что ни на есть естественной причине. Ибо князь был к тому же еще и беден до крайности. Разумеется, молодая жена имела возможность существенно поправить его финансовые дела, но с какой стати ей заниматься благотворительностью? Нет уж, дела отлично поправятся и чуть позже, когда в связи с кончиной супруга они перестанут быть чужими.

Письмо с описанием всех вышеперечисленных событий Сергей получил еще за две недели до запуска маяка, но сесть его обдумывать нашел время только сейчас.

Итак, мы имеем нашего человека в Варшаве, начал соображать император. Как раз там, где через два года в короли изберут Станислава Лещинского. Может, принять превентивные

меры? Сейчас он во Франции, и там его не достанешь. Но сразу после смерти Августа он отправится в Польшу. Так почему бы в дороге с будущим королем не произойти какой-нибудь неприятности, коя закончится его преждевременной кончиной? И тогда дальнейшие события начнут развиваться в соответствии с установкой "нет человека — нет проблемы".

Однако вскоре Новицкий вынужден был признать, что в данном случае с исчезновением человека проблемы только размножатся. Во-первых, внезапная смерть кандидата в короли сразу вызовет вопрос — кому она выгодна? Очень неудобный вопрос, потому как от него недалеко и до ответа. Во-вторых, у Лещинского есть две дочери, одна из которых замужем аж за французским королем, и немало прочих родственников. То есть замену ему найдут быстро. Значит, он должен остаться в живых, но при этом провалить выборы в короли.

Вскоре основа плана была готова, и Сергей сделал пометку в блокноте. Настала пора реализовать одну давнюю задумку — создать что-то вроде НИИ народной медицины.

Бабка Настасья в числе прочих достоинств была и неплохой травницей. Но она говорила, что у нее есть подруга, коя ее в этом вопросе многократно превосходит. Вот, значит, пусть старушки на пару и создают для начала просто лабораторию, первая задача для нее уже есть, а особо большого финансирования явно не потребуется. Ладно, с польскими вопросами на сегодня все, можно переходить к следующему пункту повестки дня.

Следующий пункт был последним и относился не столько к политике, сколько к технике. Нужно было решить два связанных между собой вопроса — что делать с управляющим контуром уже сработавшего маяка и куда пустить радиодетали, предназначенные для его ремонта, но так и не понадобившиеся?

Вообще-то Сергей довольно смутно представлял себе это устройство, за исключением системы питания и внешних измерительных цепей. Правда, в Центре ему сказали, что после выполнения задания контур переходит в его полную собственность и он вправе делать с ним что угодно. Так-то оно так, подумал Новицкий, но все же ломать такую красивую и сложную вещь почему-то не очень хочется. Хотя бы потому, что непонятно — зачем? Да и не факт, что там нет устройства самоликвидации. Мало ли чего говорили, но и такого варианта исключать нельзя. Ладно, принял решение молодой император, упакуем контур в хороший сундук и поместим в подвал на длительное хранение. Насчет же радиодеталей...

В распоряжении Сергея имелись пятнадцать мощных силовых транзисторов. На одном можно было собрать выходной каскад радиопередатчика мощностью в сто ватт, на двух — чуть больше двухсот. Два десятка мегагерцовых кварцев. Маломощных диодов хватит на сотню детекторных приемников, это если делать их с однополупериодным выпрямлением. Если же как положено, то на пятьдесят. Десяток быстродействующих операционников — их можно пустить на хорошие приемники прямого усиления. Россыпную транзисторную мелочь — на средние. С супергетеродинными приемниками император связываться не хотел. Потому как схемы и описания в планшетах имелись, но вот реальный опыт их изготовления и, главное, настройки у молодого царя отсутствовал.

На составление производственной программы для первоочередных нужд ушел весь оставшийся вечер. Новицкий решил, что начать нужно с изготовления трех комплектов, состоящих из стоваттного передатчика и среднего, то есть из рассыпных деталей, приемника прямого усиления. Один установить в Лефортовском дворце, второй в Летнем, а третий вместе с радиостом переправить княгине Браницкой. Параллельно составить телеграфную азбуку и сделать ключ с пищалкой, чтобы будущие радиотелеграфисты могли тренироваться и без радиостанций. Да и самому это тоже не помешает, потому как радиodelo Сергей изучал хоть и с разрешения руководства Центра, но самостоятельно и в свободное от обязательных занятий время.

Кроме радиотехники, эта программа предусматривала и занятия прикладной химией — пора было начинать готовиться к производству капсулей. Подумав, император отвел себе две недели на решение — что окажется проще и дешевле в местных условиях. Гремучая ртуть или составы на основе бертолетовой соли? Потому как генератор уже есть, получить хлор

методом электролиза соляного раствора нетрудно, а уж пропустить полученный газ через подогретый раствор поташа и вовсе совсем простое дело. Вот только как бы все это потом замаскировать? Не производство, с ним все ясно, пропускная система уже работает на нартовском заводе, хоть он и не достроен. Нет, с использованием-то как быть? Ведь секретное оружие перестает быть таковым почти сразу после его применения в боевых условиях.

Поразмыслив, Новицкий решил, что саму идею капсульного воспламенения не спрячешь. А вот состав и способ получения иницирующего вещества — можно! И нужно.

Сергей вспомнил одну довольно сложную для понимания, но все равно интересную фантастическую книгу, прочитанную им еще до учебы в Центре. Там люди с монгольскими именами жили в каком-то странном квадратном мире, разбитом на множество мелких и тоже квадратных островков, а посередине мира было ядовитое море. Так вот, порох в том мире получали сушкой некоего прибрежного растения. Значит, и у нас будет то же самое, только в отношении начинки для капсулей. Пусть, например, на севере Архангельской губернии растет разрыв-трава. На что она похожа? Ну, такая... эдакая... в общем, с листьями. Так вот, если ее аккуратно выкопать в ночь на полнолуние, корень сначала долго кипятить в моче молодого поросенка, а потом высушить, то после этого он у нас и будет взрываться от удара. Достаточно? Как-то не очень, вздохнул Новицкий. Желательно, чтобы вполне возможные неудачи желающих развернуть производство иницирующих взрывчатых веществ имели железное объяснение. Типа люди спутали разрыв-траву с... да с чем же? Например, с камалейником. Он на нее очень похож, но у него цветы маленькие и синенькие, а у разрыв-травы — побольше и скорее голубые. Впрочем, и то, и то цветет очень редко, только в ночь на Ивана Купала.

Император достал лист бумаги, взял карандаш и приступил к составлению черновика указа о срочной посылке экспедиции под Архангельск, за корнем разрыв-травы. Причем это будет настоящий, а не фиктивный указ, и экспедиция действительно отправится именно туда. Потому как трава — она, конечно, травой, но и огнеупорная глина лишней не будет.

Глава 2

Еще в будущем, сразу после утверждения решения о том, чье место Сергей займет в восемнадцатом веке, он задумался, какое бы чудо-оружие туда привнести. И после недолгих размышлений остановился на ракетах. Молодой человек просто не понимал, почему эти замечательные вещи были впервые массово использованы только в тысяча восемьсот седьмом году, когда англичане сожгли ими Копенгаген. Ведь примитивнейшее же устройство, Сергей сам не раз делал небольшие модели, улетающие аж на полкилометра! И если вместо шеста сзади снабдить их стабилизаторами, то вообще получится вундерваффе. Эффективное даже против живой силы противника, ведь тогда повсеместно использовался плотный строй. А уж при осаде крепостей и вовсе незаменимое. В силу каких-то соображений в планшетах имелось немало материалов по изготовлению пороховых ракет.

Для того чтобы понять, сколь невелика их реальная ценность, понадобилось совсем немного времени. Если точно, то минут пять. И произошло это сразу после того, как император решил резко интенсифицировать стрелковую подготовку Семеновского полка. Как только он сообщил, чего желает, ему тут же поведали, сколько это будет стоить, и озвученные цифры ставили жирный крест на всех мечтах о реактивной артиллерии.

Самым дорогим и дефицитным компонентом пороха была селитра. В основном ее получали в специальных селитряных ямах, куда засыпался навоз, солома, иногда добавлялись трупы животных, все это засыпалось землей и гнило несколько лет, пока образовывалась селитра. Причем для ускорения процесса эту мерзость полагалось время от времени откапывать и ворошить. Правда, селитра выходила в основном кальциевая с примесью натриевой, так что ее еще приходилось кипятить в растворе золы для замещения натрия калием. И все равно получалась дрянь, порох из которой был не очень мощным, но

зато весьма гигроскопичным. Совсем недавно вместо золы начали применять какую-то горную соль с Урала, которая, по предположениям Новицкого, являлась хлористым калием. Селитра стала получаться лучше, но и ее цена тоже выросла.

И, наконец, можно было купить индийскую селитру у англичан. Это был более или менее чистый нитрат калия, но цена! В общем, преискурант выглядел примерно так:

— Самая дрянная и самая дешевая селитра из буртов — около десяти рублей за пуд.

— Она же, только обработанная уральской солью — двадцать пять рублей.

— Индийская селитра — порядка сотни рублей за пуд, да и то не всегда. Последнюю партию пришлось покупать по сто тридцать.

И это при том, что очень хорошая корова стоила рубль, а за гривенник в придорожном трактире можно было отлично пообедать, причем не одному, а с компанией. Какие уж тут ракеты! Ведь для доставки одного и того же веса к цели им требуется в разы больше пороха, чем пушкам. Да и самих их надо много — по некоторым сведениям, для сожжения такого не слишком большого города, как Копенгаген, потребовалось сорок тысяч штук. Да так на первой же самой маленькой войнушке разоришься! Понятно, почему даже богатые англичане, которым к тому же индийская селитра обходилась дешевле, нежели всем прочим, решились на массовое применение ракет только в начале девятнадцатого века.

Так что Сергей со вздохом отложил создание ракетных войск в отдаленное светлое будущее и начал думать об устройствах, которым для доставки снаряда к цели требуется минимальное количество пороха. В настоящее время это были мортиры. Несколько позже пальму первенства у них перехватят минометы. Но все равно с селитрой надо что-то делать, в этом нет никаких сомнений. Собственно, Новицкий уже представлял, что именно, но из-за возни с маяком дело было отложено до ее завершения. И, значит, наступила пора заняться им вплотную.

Молодой царь хотел основать Московский Императорский Университет. Разумеется, он знал, что один уже есть в Питере, он был основан Петром Первым незадолго до смерти и сейчас называется Академическим. Более того, во время прошлогоднего визита в северную столицу император даже подкинул ему денег, но в Москве он собирался устроить нечто совсем другое.

Первым и главным отличием должно было стать то, что преподавать в нем будут исключительно российские подданные, ведь университет планировался закрытым учебным заведением. Правда, вопрос, где их взять, пока оставался открытым. Не то что профессоров — из шести потребных деканов в наличии имелось всего два с половиной!

Ясное дело, что руководить механическим факультетом придется Нартову, тут и думать не о чем. Второй бесспорной кандидатурой был Витус Беринг, полгода назад вернувшийся в Москву из первой камчатской экспедиции, в процессе которой был почти открыт Берингов пролив. Почти — это потому, что бот "Святой Гавриил" шел вдоль российских берегов, и моряки не могли сказать, сколь далеко на восток простирается море, за которым вроде должна находиться Америка. В общем, вопрос, кому быть деканом географического факультета, особых сомнений не вызывал.

А вот с медицинским было не так просто, отчего Новицкий и считал, что у него есть всего половинка кандидата на пост декана. Потому что ее, эту половинку, звали Шенда Кристодемус. И трудность тут состояла не в том, что он ничему не мог научить будущих студентов. В том-то и дело, что мог, еще как мог научить их слишком многому! Разве это хорошо, если все будущие российские медики поголовно станут пройдохами и жуликами?

Однако с химическим, физическим и математическим факультетами дела обстояли еще хуже. Вообще-то математику вроде бы мог взять на себя Мятный, но не сейчас, а только после того, как поработает под руководством Эйлера, для чего царь собирался взять своего придворного математика в Петербург. Но даже после этого из Александра Тихоновича декана все равно не выйдет, и даже его половинки тоже. Может, со временем потянет на четверть, да и то не факт. Хотя, конечно, мужик он головастый. Новицкий уже убедился, что изобретенный им метод счета является ничем иным, как таблицей логарифмов, а прибор,

сломанный о голову изобретателя его непосредственным начальником — логарифмической линейкой. В общем, в ближайшее время господину Мятному предстояло с немалым разочарованием узнать, что и то, и то изобретено еще лет сто назад, хотя, конечно, заслуг Александра Тихоновича это почти не умаляет. Эйлер в деканы тоже не очень годится, даже если примет российское подданство, не любит он учительствовать.

С химическим же факультетом был полный абзац. Ну нет сейчас в России и даже за границей ни одного приличного химика! По местным меркам даже сам Новицкий вполне сошел бы за Менделеева. Но не преподавать же императору в университете?

Кстати, а почему бы и нет, сообразил Сергей. Да, это могут неправильно понять, если узнают. Значит, надо читать лекции инкогнито, только и всего. Уже проверено — парик и накладные усы меняют внешность почти до полной неузнаваемости. Если же добавить в образ накладное брюхо приличных размеров, то она будет без всяких почти. Ведь мне же самому нужны химики, а не адепты теории флогистона, подытожил свои рассуждения император. Значит, и готовить их придется мне. По крайней мере, самых первых. Какой бы псевдоним выбрать?

Поначалу Сергею захотелось предстать перед студентами в образе Карла Иеронима фон Мюнхгаузена, но вскоре вынужден был признать, что, несмотря на всю привлекательность данного имени, в конкретном случае оно не подходит. Его носитель — явный немец, что само по себе не очень хорошо. Кроме того, к такому персонажу кто-нибудь может обратиться по-немецки, и что тогда? Ответ "их бин кранк" подходит далеко не во всех случаях, а в своей способности выдать что-то иное Новицкий сомневался, и вполне оправданно.

Результатом глубоких раздумий стало то, что Сергей решил принять имя Козьма Петрович Прутков. Тем более что афоризмов он помнил немало, а склад химреактивов все равно придется организовывать, так почему бы не назвать его Пробирной Палатой?

Место для будущего университета император уже присмотрел. Ведь после ссылки Ивана и Василия Долгоруковых в казну перешло их имение Горенки, вполне пригодное на роль рассадника знаний. Оно было удобно расположено — не настолько далеко от Москвы, чтобы путь туда представлял какую-то трудность, но и не в ней самой, благодаря чему будет нетрудно обеспечить пропускной режим на довольно большой территории. В двадцать первом веке это место называлось Горенским лесопарком, что в городе Балашиха. Сергей уже послал туда небольшую команду — составить подробный план, прикинуть, какие здания для чего могут использоваться, что придется строить заново и где ставить забор, дабы по территории университета не шастали лишние. Кроме основной задачи, имелась еще одна — поиск талантов. Все приближенные молодого царя знали — ему нужны люди, умеющие что-то делать хорошо. Рисовать, считать, вырезать по дереву, искать лечебные травы, дрессировать собак и так далее вплоть до пения. Кстати, до Горенок осмотровая команда работала в Узком, голицынском загородном имении, перешедшем императору по завещанию Михаила Михайловича. И привезла оттуда молодого паренька, умеющего отлично перерисовывать. Именно так, рисовать пейзажи или портреты с натуры у него не очень получалось, а вот скопировать что угодно с плоскости на плоскость — это пожалуйста. В Узком он был учеником местного иконописца, оттого, наверное, его природные способности и развились столь однобоко, но Сергею как раз и нужны были именно такие.

Императорские покои в Лефортовском дворце состояли из четырех комнат, не считая, естественно, приемной, где сидел дежурный камердинер и стояли на посту два семеновца. Так вот, сразу за приемной располагался кабинет. Из кабинета можно было попасть в трапезную и в спальню, а за ней находился маленький закуток площадью примерно десять квадратных метров, про который мало кто знал, а заходили туда до недавнего времени только Афанасий и Федор Ершовы. В этой комнатенке хранились вещи, извлеченные из контейнера. За исключением управляющего контура, недавно убранного в подвал. И вот уже четвертый день там работал Андрей Кротов, старательно перенося информацию с планшета на бумагу. Пареньку было объявлено, что перед ним величайшая ценность христианского

мира — книга апостола Андрея Первозванного. В ней есть ответы почти на все вопросы, их только нужно уметь правильно задать. Почти — это потому, что на богохульные или просто дурацкие вопросы книга отвечать не станет, а пошлет вопрошающего далеко и надолго. Кстати, в планшете действительно имелась и такая функция, причем в нескольких вариантах.

Сергей встал, прошел из кабинета в спальню, а оттуда — в тайную комнатенку. При его появлении Кротов попытался вскочить, но император махнул рукой — сиди, во время работы субординацию соблюдать не обязательно.

— Как дела? — поинтересовался Новицкий, присаживаясь рядом.

— Второй лист готов более чем наполовину, государь, — доложил Андрей, тремя пальцами развертывая изображение на экране. Получалось у него уже очень неплохо. — Ежели бы не перерывы, так я его сегодня закончил бы.

Рабочий день копировальщика длился девять часов с двумя двухчасовым перерывами, во время которых ему предписывалось не только поесть, но и обязательно погулять на улице.

— Без них нельзя, иначе скоро ослепнешь, — в который раз напомнил Кротову царь. Потому как отрывать иконописца от планшета действительно приходилось чуть ли не силой. Сейчас он, высунув от усердия кончик языка, тщательно передирал второй лист альбома чертежей яхты "Спрей", на которой в самом конце девятнадцатого века отважный американец Джошуа Слокам совершил первое в мире одиночное кругосветное плавание.

Нет, Новицкий вовсе не собирался следовать его примеру, пусть даже не в одиночку, а в небольшой компании. Ему просто не нравилась ситуация, когда корабли вроде бы есть, но хоть сколько-нибудь далеко уплыть они не могут. То, что в прошлом году "Петр Первый" дошел до Ревеля, в будущем более известного под именем Таллин, а потом вернулся обратно, считалось немалым достижением. Поход в Копенгаген приравнялся к простому подвигу, а выход из Балтийского моря — к беспримерному. Во всяком случае, когда дед нынешнего императора отправил экспедицию на Мадагаскар, ее корабли вынуждены были вернуться из-за повреждений, не дойдя даже до датских проливов. Какой уж тут Клондайк, какая Австралия, какая Южная Америка или хотя бы Африка! Русский флот чувствовал себя хоть сколько-нибудь уверенно только в Финском заливе. Причем тут имелся явно выраженный замкнутый круг. Плохие корабли делали любое плавание трудным и опасным, из-за чего походы были редкими. И морякам просто негде было набраться опыта, а с неопытной командой даже самый лучший корабль далеко не уплывет, зато быстро станет плохим. И все пойдет по следующему кругу.

Вот император и хотел разорвать эту дурную закономерность. Яхта "Спрей" — очень простое в управлении судно, это раз. И весьма недорогое в изготовлении, это два. Слокам практически в одиночку построил ее за тринадцать месяцев, так неужели двести человек на Адмиралтейской верфи не сделают десяток-другой за год? А дальше — пусть желающие учатся плавать на этих посудинках сначала по Маркизовой луже, а потом по Финскому заливу. Наберутся немного опыта, сдадут экзамен, и перед ними откроются сияющие перспективы. Экипажу, что первым сможет выйти из Балтики — личное дворянство, звание через одно и денежная премия. Тем, кто пересечет Атлантику — уже баронский титул, да и денег побольше. Ну, а первым кругосветчикам — адмиральские чины, сотни тысяч рублей и титулы светлейших князей. К обучению будут допускаться все желающие, пусть даже из крепостных. Таким образом вверх смогут пробиться самые инициативные, готовые на риск. Флот получит хороших офицеров, а затраты на эту программу будут весьма умеренными. Денег от продажи одной императорской яхты хватит на два, а то и три десятка "Спреев". Да еще и на пропитание экипажам останется.

Конкретно этот проект Новицкий выбрал по многим причинам. Одной из них была простота и дешевизна, но только этим достоинства "Спрея" не ограничивались. Во время кругосветного плавания Слокам не раз попадал в жестокие штормы, в одном из которых один раз даже утонул идущий тем же курсом большой пароход. А "Спрей" с экипажем всего из одного человека вышел из этого испытания целехоньким. То есть он оказался весьма прочным и мореходным судном, несмотря на малые размеры.

Разумеется, Новицкий не собирался отправлять в походы одиночек, на такой яхте неплохо разместятся три, а то и четыре человека.

И, наконец, последней причиной, по которой в качестве прототипа был выбран именно "Спрей", являлись детские воспоминания Новицкого. Когда мать пила еще не каждый день, она часто читала маленькому Сереже очень интересную книгу про отважного капитана, могучего старшего помощника и хитроумного матроса, и были в той книге просто великолепные картинки. Так вот, уже в Центре, рассматривая чертежи парусных судов перед загрузкой их в планшет, будущий император заметил, что "Спрей" ему что-то очень сильно напоминает. Такое впечатление, будто он уже не раз видел этот кораблик, чего, естественно, быть никак не могло. И, наконец, Новицкий сообразил — да это же вылитая яхта "Беда" капитана Врунгеля! После чего в память планшета были загружены уже не эскизы, а полный альбом чертежей.

И вот теперь Кротов заканчивал копирование второго листа из семи. Собственно, только это и держало императора в Москве, а сразу после завершения копирования он собирался отбыть в Питер. Где лично проследить за началом постройки, потому что один из этих "Спреев" он все-таки хотел оставить себе. Даже в Кронштадт на нем плавать будет приятнее, чем на лодке, а там, может, и подвернется повод к более основательному путешествию.

Но, разумеется, закладка яхт была далеко не единственным делом из тех, что звали молодого царя в северную столицу. Нет, программа предстояла не менее обширная, чем в прошлый визит.

Первым делом следовало лично проинспектировать, каких успехов добился Василий Нулин на ниве добычи информации. Затем посетить дорогого гостя, то есть Карла Фридриха Гогенцоллерна, причем в компании с Платоном Воскобойниковым. Сергей помнил, сколь точно и быстро тот разобрался, о каком идеале тоскует душа тогда еще майора, а ныне лейб-гвардии полковника Шепелева, и подыскал среди бабкиных девиц подходящую могижанскую княгиню. Теперь сему достойному мужу предстояло оказать похожую услугу будущему прусскому королю.

Само собой, в будущем Сергей читал материалы, изобличающие Фридриха Великого в гомосексуализме, причем пассивном, но считал, что еще не все потеряно. Ведь всё это относилось к зрелым годам короля. Вполне возможно, что тяжелое детство в тени отца-тирана, молодость, существенная часть которой была проведена в заключении, и первые неудачи с женщинами в конце концов и привели к столь печальному финалу. Здесь же за дело возьмутся специалисты, так что по крайней мере про неудачи можно не беспокоиться, да и отсидеть парень успел совсем немного. А там, глядишь, место рядом с королем и займет какая-нибудь башкирская, чукотская или алеутская княгиня, у нас это не дефицит. Если же окажется, что предрасположенность к своему полу у принца врожденная — жаль человека, конечно, но это еще не повод опускать руки. В конце концов, в России тогда найдется какой-нибудь ямало-ненецкий или даже вовсе альдебаранский князь.

Глава 3

С самого утра ученик первого класса Славяно-греко-латинской академии Михайло Ломоносов пребывал в несколько расстроенных чувствах. Причин тому было несколько, но меж собой связанных. Главное огорчение вызывал, конечно, невесть куда пропавший серебряный рубль. Прямо напасть какая-то! Михайло отлично помнил, что, когда они с Пашкой Хромовым выходили из кабака, он был. А потом — вроде и дрались-то всего ничего, и падать оземь не привелось, однако рубль исчез! Пятак на месте, два полугроша тоже, а его, серебряного, как не бывало. И на что теперь жить, кто бы подсказал?

Налицо была и вторая причина для не самого радужного настроения. Или, если немного точнее, то на лице. А если сказать уж совсем прямо, хмуро думал Ломоносов, рассматривая себя в отполированную бронзовую пластинку, заменявшую ему зеркало, то на

харе. Потому как назвать иначе эту образину с подбитым глазом, расцарапанной щекой и порванной губой просто язык не поворачивается. И что за придурь такая у столичных — лезть в драку, не сняв перстней? Прямо хоть кастет начинать носить, право слово.

Однако только этим поводы для кручины не ограничивались. Потому как Михайло до сих пор толком не знал, кого он бил этой ночью. Нет, то, что эти невежи получили от души, оно, конечно, правильно. Нечего на такого безответного, как Пашка, задираться! Вот только говорил потом Хромов, что вроде это были не совсем простые людишки. Один из них служит не то в лейб-регimente, не то вовсе в кавалергардии, приходилось его Павлу видеть в охране государя. Так ведь он теперь, в себя придя, может самому царю пожаловаться! Не помешают ему, гаду, зубы выбитые, разве что царь его не с первого раза поймет.

Ломоносов с сомнением посмотрел на свой левый кулак. Костяшки были сбиты, и одна почти до кости. Мало того, там, кажется, уже началось воспаление. Это что, у поганца зубы были не только гнилые, но еще и ядовитые?

Ох, выгонят меня, как есть выгонят, хмуро думал молодой человек. Вот только продолжалось это совсем недолго, потому как в келью без стука вломился коридорный смотритель.

— Добегался, злыдень? — ласково спросил он. — Допрыгался? По душу твою поганую курьер прибыл аж от самого государя! Да с тремя семеновцами. Иди, глаза бы мои на тебя не глядели. Хватит тебе академию позорить! У молодого государя не забалуешь, он тебе мигом объяснит, как кулаки-то распускать.

Хоть и был Михайло отнюдь не робкого десятка, почувствовал он холодок меж лопаток. Быстро пожаловался, паскуда, надо было ему не зубы выносить, а шею сворачивать! А вдруг еще откроется, что он самовольно назвался при поступлении в академию дворянином, на самом деле будучи сыном простого помора, хоть и весьма зажиточного? Тогда тут уже не каторга светит, а сразу плаха. Бежать, что ли, пока вроде еще можно?

Нет, решил Михайло, вставая. Некуда мне из своей страны бежать. Ладно уж, чему быть, того не миновать, а государь, может, и помилуется.

В Лефортовском дворце Ломоносова встретил разодетый в пух и прах господин — причем, судя по тому, с какой скоростью выполнялись его приказы, очень важный. Он внимательно посмотрел на лицо Михайлы, потом на его руки, покачал головой, но сказал только:

— Следуйте за мной, сударь.

И повел гостя по коридору к лестнице, далее на второй этаж, там опять по коридору. Путь закончился в небольшой комнате, где за столом сидел молодой парень в ливрее, а у двери, ведущей куда-то вглубь, стояли два солдата с фузеями.

При виде гостей сидевший привстал, повернулся к стене, передвинул на ней пару каких-то небольших рычажков и дернул за свисающий сверху шнурок. После чего раздался переливчатый звон, как будто от нескольких маленьких колокольчиков. Вскоре эти колокольчики зазвонили снова, но уже несколько по иному. Солдаты расступились, провожатый сделал шаг вперед, распахнул дверь и почтительно сказал:

— Прошу, господин Ломоносов. Государь ждет вас.

Вообще говоря, поначалу планировалась несколько иная встреча, но император, когда ему стали известны подробности ночного происшествия, сразу и довольно резко изменил ее сценарий.

Ломоносов немного ошибался — его противник был не из кавалергардии и не из лейб-регимента. Бил Михайло преображенского поручика, а сам получил от унтера того же полка. Правда, потом и тому тоже досталось. Второй унтер, быстро оценив ход битвы, побежал вроде как за подмогой, но привести ее не успел. Да и не очень хотел, потому как главной задачей было пожаловаться Павшину, с которым он вроде как прительствовал, а на самом деле просто состоял у капитана на жаловании.

Как раз наутро Тихон Петрович делал очередной доклад царю, в конце которого и сообщил, что трех его агентов отмутил какой-то студент из академии, в результате

какового прискорбного события в ближайшее время свои обязанности они выполнять не смогут. В силу чего одного студента не помешало бы примерно наказать.

— Хорошо, давай разбираться, — кивнул Новицкий. — Итак, три гвардейца ночью встряли в драку. Это входило в их обязанности, хоть служебные, хоть те, что они перед тобой исполняли?

— Нет, — вынужден был признать Павшин.

— Двигаемся дальше. Насколько я понимаю, лейб-гвардеец — это человек, основной задачей которого является защита трона. А эти трое не смогли защитить даже себя! Всего от одного противника. И что будет, если на меня нападут хотя бы двое, при такой-то охране?

— Воины, они, конечно, никудышные, но зато исправно осведомляют нас о всем, в полку происходящем, чем заслуживают милости вашего величества.

— Вы так считаете, господин капитан?

При этих словах даже левая половина лица царского собеседника слегка изменилась, а уж правая выразила совершенно откровенную панику. Потому как нынешний император, в отличие от своего дела, никогда ни на кого не кричал, со всеми был вежлив, а с доверенными людьми — подчеркнуто дружелюбен. И величал он всех на "ты", за исключением тех случаев, когда они в чем-то не оправдывали его доверия. А вот тогда обращение менялось. И, например, чем-то проштрафившийся поручик Семеновского полка после подобной беседы просто исчез. Вообще, как будто никогда и не было такого человека.

— Да, ваше величество, — собрал остатки мужества Павшин. Он уже успел неплохо узнать царя и понимал, что отстаивать свое мнение сейчас небезопасно, но куда опаснее будет от него сразу отказаться.

— Ладно, тогда взвесим их деяния по пунктам. Итак, эти трое, небось еще и спьяну, затеяли драку. Явный минус. Не смогли справиться с одним студентом, что еще хуже. Зато благодаря их дурости я узнал о существовании человека, которому, похоже, самое место в моей охране, что явно заслуживает награды. В общем, Тихон Петрович, решай сам.

При этих словах у капитана отлегло от сердца.

— Вот тебе чек на пятьдесят рублей, получишь в кассе, — продолжил молодой царь. — А уж как ты будешь разбираться со своими людьми — твое дело.

Теперь только бы тот студент подошел государю, с облегчением подумал Павшин, и вся эта история тогда даже послужит к моей пользе. Вот только деньги, пожалуй, все-таки придется передать на лечение пострадавшему. Хотя ему, недоумку пьяному, и восьми рублей хватит. Или даже семи.

Однако через полтора часа императору сообщили фамилию отличившегося студента, и весь план аудиенции пришлось срочно менять. Надо же, Михаил Васильевич прорезался! Вообще-то Новицкий собирался привлечь его несколько позже, когда он хоть немного подучится, но, раз такое дело, придется искать место Ломоносову прямо сейчас. И, ясен пень, не в охране.

Михайло зашел в небольшую комнату, по центру которой располагался стол с двумя стульями, а император стоял рядом. И вовсе он не выглядел мальчишкой — если не знать, что ему всего пятнадцать лет, то с виду можно смело дать года на четыре больше. А в глаза посмотрев, еще столько же добавить, если не вдвое.

Ломоносов в некотором смущении отвел взгляд и наткнулся им на свое отражение в одном из многих зеркал, висевших по стенам кабинета. Господи помилуй, ну и рыло! В бронзовой пластинке оно и вполтину таким похабным не гляделось. А уж одяние...

— Проходи, садись, встреча у нас сейчас неофициальная, так что ни кланяться, ни тем более на колени становиться не нужно, — приветливо сказал царь и сам первый сел на дальний от двери стул. — Как же это ты так, а? Я ведь как раз начал присматриваться к вашей академии, есть ли там способные ученики. И вдруг чуть ли не самый лучший из них такое учиняет! Будь любезен объясниться, Михаил Васильевич.

— За товарища я заступился, ваше величество! Хромову же Пашке господь сил совсем не дал и характером обидел, он за себя постоять никак не может. Зато в латинском и

греческом языках наипервейший.

— Вполне достойный мотив, — кивнул царь. — Вот только отчего ты дело свое прекратил на половине? Первому-то выдал от души, мне уже описали. Зато второй, который тебе морду слегка попортил, на своих ногах ушел, а третий и вообще убежал.

— Так ведь угрозы от них более не было, — в полной растерянности пробормотал Ломоносов. — А что донесут, я только потом сообразил.

— Вот-вот, а про это нужно было думать сразу, имей в виду на будущее. Будем считать, что с дракой мы разобрались, и переходим ко второму пункту повестки дня. В академию свободно принимают лишь детей дворянских, а всех прочих только по распоряжению из моей канцелярии. Что, трудно было зайти сюда да спросить, кому оное дается? Вместо этого ты взял да и назвался дворянским сыном.

— Не знал я о том, государь, — опустил глаза Ломоносов, считая, что уж теперь-то ему точно конец.

— То есть в академии тебе ничего не сказали?

Не дожидаясь ответа, царь встал, подошел к стене, из которой торчали рычажки наподобие тех, что в приемной, перекинул ближний к двери вниз и дернул за шнурок. Раздался звонок, но не мелодично-переливчатый, а резкий и однотонный.

— Что не знал, это плохо, — продолжил император садясь. — И то, что ты самовольно дворянином назвался, не подумав, насколько это легко проверить, тоже нехорошо. Но мы сейчас обе эти конфузии исправим, причем начнем со второй. На, держи.

Ломоносов взял бумагу и с удивлением, переходящим в обалдение, увидел, что это указ о возведении его в дворянское достоинство.

— Сам понимаешь, это аванс, его еще отработать придется. Слово такое тебе известно?

Михайло ограничился кивком, потому как горло свело, и слова из него никак не лезли.

Император снова встал, придержав попытавшегося тоже вскочить гостя.

— Значит, ты со своим товарищем будешь сопровождать меня в город Санкт-Петербург, куда мы отправимся послезавтра. В академии тебе, пожалуй, больше не учиться, но ты о том не расстраивайся, другие учителя найдутся. Сейчас сходишь туда за вещами, жить до отъезда будешь здесь.

Тут дверь отворилась, и в кабинет зашел мужик весьма внушительного вида. Ломоносов, в общем-то любивший иногда подражаться, сразу понял, что против такого в случае чего ему вообще не светит — дух вышибет одним ударом. Царь же шагнул навстречу вошедшему, ласково с ним поздоровался и молвил:

— Ох, Федя, меня тут опять расстроили. Я, можно сказать, старался, писал указ, а на него взяли да наплевали. Вот и приходится тебя беспокоить.

— Сделаем, государь, — чуть наклонил голову здоровяк. Нормального поклона у него не получилась, ибо шеи, считай, вовсе не было — голова росла прямо из туловища. — Учить-то как — со всей силы али с бережением?

— Аккуратно, и в процессе, пожалуйста, не забывай, что тебе Пряхин говорил о любви к ближнему. В общем, чтобы человек потом смог на своих ногах уйти. Студент сейчас покажет, кто так странно выполняет мои указы. Михаил Васильевич, проводи Федора до академии и покажи, где там у вас сидит ректор. Пока Федя будет с ним беседовать, собери вещички, а потом оба возвращайтесь сюда, как раз и обед подоспеет.

Ломоносов подвел Федора к дверям ректорских покоев и отошел в сторонку — ему было интересно, что последует дальше. Долго ждать не пришлось — за полуоткрытой дверью раздался возмущенный возглас "куда прешь, обра...", вдруг резко прервавшийся, вслед за чем из дверей с грохотом вылетел какой-то дьячок и, проелозив на спине до противоположной стены, там и остался, не делая попыток подняться. А из-за двери послышался уже голос ректора:

— Ты кто такой есть, невежа?!

— Царский особоуполномоченный, — гордо ответил Федор. Еще бы, он, почитай, две недели ломал язык, пока научился выговаривать это мудреное слово! Но теперь оно выходит

без запинок. Что там велел сказать ему царь перед вразумлением? Кажется, так:

— Ты пошто, архимандрит, на императорские указы хрен кладешь? Его величество оным весьма огорчиться изволили. Получи, злыдень! — это Федор добавил уже от себя.

После чего раздался звук удара, за ним еще один. Потом что-то шлепнулось и заверещало. Покачав головой, Ломоносов аккуратно прикрыл дверь и отправился в свою келью за вещами, коих было совсем немного.

На сборы ушло несколько минут, после чего Михайло снова поднялся к ректорскому кабинету. У дверей переминался с ноги на ногу Федор, причем вид у него был какой-то смущенный. Дьячок по-прежнему валялся у стенки, но вполне живой, судя по его негромким подвываниям "ох, да что же это делается, ведь совсем меня убили".

— Это самое, паря, — неуверенно обратился к Ломоносову особоуполномоченный, — сделай милость, глянь, что там с твоим начальником. Хватит ему али еще добавить? А то больно уж он ругается как-то не по-церковному.

Михайло заглянул в кабинет. Ректор стоял на четвереньках, тщетно пытаясь подняться, и матерился сквозь зубы. Ясное дело, поплыл после хорошего удара, с Михайлой такое тоже бывало. Но ежели этот ему еще добавит, то как бы не представился архимандрит, подумал теперь уже бывший студент и решительно сказал:

— Хватит с него, пошли, мы уже долго здесь возимся, а во дворце нас сам государь ждет.

Ломоносов думал, что его отправят обедать с дворней, отчего был весьма удивлен, когда уже знакомый мажордом провел "господина ученика академии" к царскому кабинету, а из него — в следующую комнату, где за накрытым столом сидел император.

— Проходи, Михаил Васильевич, садись. Кушанья выбирай по своему вкусу, мне столько все равно не съесть. И расскажи вкратце, чему ты успел выучиться. Не только за полгода в академии, но и вообще.

— Языкам церковному, латинскому и греческому, арифметике и правописанию.

— Арифметике, говоришь? Тогда скажи мне, сколько получится, если число двадцать пять умножить само на себя.

— Шестьсот двадцать пять, государь, — недоумевая, ответил Михайло.

— Правильно. Тогда, пожалуй, относительно прочих предметов я тебя спрашивать не стану, и так все понятно.

Вообще-то император говорил правду, но не всю. Он действительно не сомневался в знаниях будущего великого русского ученого. Но имелась и еще причина — Новицкому просто не хотелось позориться. Поэтому, отдав должное осетровой ухе, царь продолжил:

— А вот что такое флогистон, ты знаешь?

— Нет, ваше величество, — покраснел смущенный своей необразованностью Ломоносов. — Даже слова такого не слышал ни разу в жизни.

— Так это и замечательно!

Император был явно доволен.

— В общем, есть такая наука — химия. Она занимается взаимодействием и превращениями веществ. Так вот, именно ее тебе и придется изучать. Сначала под моим руководством, а потом и самому, потому как эту науку мало кто в мире знает. Про атомы ты слышал?

— Да, государь, греческий философ Демокрит говорил, что это мельчайшие частицы, из коих состоит все сущее.

— Ну, тогда тебе будет совсем просто. Итак, не древний грек, а один наш весьма ученый современник утверждает, что атом подобен Солнечной системе, только очень маленькой. В каждом есть свое подобие Солнца, именуемое ядром, а вокруг него вертятся планеты-электроны.

Новицкий говорил уверенно, потому что кандидат на того самого ученого современника у него был. В конце концов, если Шенда Кристодемус уже, можно сказать, стал основателем бактериологии, то что помешает ему родить еще и теорию строения атома?

Вот только, мол, учить он никого не хочет, это у него что-то вроде обета. Еле-еле удалось убедить поделиться знаниями с императором, но более он никого просвещать категорически не согласен.

Глава 4

Путешествие в северную столицу заняло те же двенадцать дней, что и в прошлом году, но организовано было несколько иначе. Ехали быстрее, но зато сделали две основательных остановки — в Твери и в Новгороде. Миних убедил царя, что теперь, когда он начал править самодержавно, следует явить обществу милость созерцания своей царственной особы, а самым достойным — даже общения с ней. Ну и прилюдно наказать, ежели кто из должностных лиц совсем потерял меру в воровстве, это тоже пойдет на пользу. Потому как любому чиновнику для наилучшего исполнения своих обязанностей время от времени необходима хорошая встряска в виде приезда высокого начальства. И чем оное начальство окажется выше, тем сильнее будет трясти местные власти, без чего они зарастают дурным салом и вообще перестают ловить мышей. Новицкий был с этим в общем-то согласен, но, кроме озвученных Минихом, у императора были и свои соображения по поводу общения с подданными. И, наконец, он хотел присмотреться на местах, с чего начинать губернскую реформу наподобие екатерининской, потому как существующая система казалась молодому царю слишком сложной, а та, что ввела вместо нее Екатерина Вторая, вроде бы доказала свою эффективность.

Сейчас в России губерний было совсем немного — всего девять. Они делились на провинции, которые и являлись основными территориальными образованиями. Например, Тверская провинция входила в состав Новгородской губернии, но всей полнотой власти в ней обладал воевода. Кстати, Сергей очень удивился, узнав, что такая должность, оказывается, до сих пор существует. Видимо, просто забыли переименовать, решил царь.

Царская кавалькада пересекла понтонный мост через Волгу в восьмом часу вечера и двинулась к резиденции того самого воеводы, где ее уже ждал ужин. Торжественная же встреча была намечена на следующий день. Впрочем, и сейчас прием явно не страдает излишней камерностью, прикинул Сергей. Проще говоря, народу на этот ужин набежало довольно много.

Воевода Карпович с супругой, довольно красивой дамой неопределенного возраста, и двумя дочерьми. Эти мало того что не отличались никакой особой красотой, так еще и не были похожи не только на отца, но даже на мать. Поначалу девы стеснялись почти до обморока, но сопровождавшая царя Елизавета отнеслась к ним милостиво и помогла хоть как-то освоиться. Наверное, потому, что сразу оценила их внешние данные и сделала вывод — никакой конкуренции ей эти юные коровы составить не смогут.

Епископ тверской и еще какой-то. Скромно сидел с краю и за весь ужин не проронил ни слова. Все правильно, владыка Феофан заранее предупредил все духовенство по маршруту царского путешествия, чтобы оно вело себя тихо, зря пред светлые очи его величества не лезло и под ногами не путалось. Мол, и без них есть кому донести до императора чаяния церкви.

Глава тверского стола канцелярии новгородского губернатора с тремя приближенными. То есть представители генерал-губернатора в провинции. Эти поначалу попытались сесть поближе к царю, но Миних так на них глянул, что они мгновенно ретировались в дальний угол, к епископу.

И, наконец, лучшие представители тверского дворянства, некоторые не то с супругами, не то с дочерьми, общим количеством в одиннадцать голов.

Когда представление присутствующих закончилось, император сказал вроде как самому себе:

— Странно, а где же купечество? Слышал я, дед мой не чурался подобной компании, а совсем даже наоборот. Наверное, купцы приглашены не на ужин, а на завтрашний

торжественный обед.

После чего сел и отдал должное искусству тверских поваров.

Хотя Сергей при каждом удобном случае и поминал своего (хотя на самом деле очень даже чужого) деда, копировать его стиль управления он не собирался. Например, Петр Первый на регулярной основе лично колотил своих проштрафившихся подданных чем под руку попадет. Причем это помогало, однако новый император считал, что в качестве физкультуры, если таковая ему вдруг понадобится, можно придумать и что-нибудь получше. С гантелями, например, поработать. А воспитательный эффект ничуть не уменьшится оттого, что вразумлением будет заниматься специально для таких случаев взятый в штат особоуполномоченный.

Точно так же Новицкий сейчас не собирался вникать, хорошо ли управляется Тверская провинция и очень ли сильно в ней воруют. В конце концов, зря что ли, он в прошлом году почти час слушал, как ругаются Миних с Ягужинским о наилучшей организации контроля за предписаниями центральной власти? Павел Иванович считал, что надо просто восстановить в полном объеме институт сенатских фискалов — мол, они в свое время неплохо справлялись. Миних же утверждал — контролирующие инстанции не могут иметь никакого промежуточного подчинения, иначе они и работать будут не на государство в лице императора, а на свое начальство. И напоминал о комиссарах Петра Великого.

Сергей тогда выслушал обоих, и в результате работа пошла по двум направлениям сразу. Ягужинскому было поручено вновь организовать фискальную службу, а Миниху — подобрать людей для работы комиссарами и представить их государю. В силу чего сейчас контролем занимались и фискалы, и комиссары. Первых было существенно больше, зато вторые имели куда более внушительный оклад и весьма широкие права. Правда, как-то незаметно получилось, что и фискалы, и комиссары тратили часть сил на присмотр друг за другом. И Миних, и Ягужинский считали, что слишком уж большую часть, но тут император с ними не согласился и, заметив, что кашу маслом не испортишь, повелел оставить все как есть.

Сейчас в свите императора ехали три комиссара. Один должен был остаться в Твери, второй в Новгороде, третьему надлежало свернуть в Псков. Потом они явятся в Питер и представят каждый по докладу. А фискалы тут уже наверняка и так есть, но про результаты их деятельности расскажет сам Ягужинский. На долю императора остается только являть свою особу с маячащим за спиной Федором Ершовым, а свита и так знает, о чем, кому и как надо под большим секретом проболтаться.

Однако оставалось одно направление, которое Новицкий пока ни на кого свалить не мог, хотя и пытался. Нет, помощники-то нашлись, но без его личного вмешательства дело так и норовило забуксовать. Называлось оно — поиск талантов.

Насколько Сергей смог выяснить, в России этим занимались совсем недолго — с начала тридцатых по конец шестидесятых годов двадцатого века. Потом, правда, на словах и на бумаге поиск продолжался до распада СССР, но уже по инерции и без особых результатов. А что при царях, что при демократах власть прилагала поистине титанические усилия для недопущения вверх самородков из народа. Разумеется, самые активные из них все-таки смогли пробиться, но чего им это стоило! Тот же Ломоносов помер на пятьдесят четвертом году жизни. Может, тут сыграла роль и его достаточно трудная молодость. Но сколько чуть менее талантливых, а может, и просто менее настойчивых сгинуло в неизвестности!

Вот Новицкий и собирался по возможности организовать поиск таких людей — самому же потом легче будет сидеть на троне, не говоря уж о пользе для России. Потому как весь его пусть пока и не очень большой, но все же отличный от нуля опыт императорства вступал в решительное противоречие с утверждениями типа "дураками проще управлять". Вот ни шиша подобного! Обирать их действительно легче, заставлять горбатиться за гроши тоже, это да. А вот хоть попросить, хоть заставить сделать что-нибудь полезное и для себя, и для страны — фигишки.

Кое-что вроде уже начинало делаться. Так, сразу после торжественных похорон Михаила Голицына император имел продолжительную беседу с владыкой Феофаном. В начале которой заявил — мол, ему уже неоднократно намекали о желательности секуляризации церковных земель. Мотивируя это тем, что они только отвлекают духовенство от молитв и забот о духовном окормлении паствы. Типа ни у одного из апостолов ни земель, ни крепостных не было, а как проповедовали! Нынешние так не могут. Но вдруг они хотя бы приблизятся к идеалу, если их поставить в схожие с апостолами условия?

Архиепископ, совсем недавно получивший массу пищи для размышления о характере молодого царя, его способностях и манере решать сложные проблемы, малость позеленел. Однако переборол себя и даже открыл было рот для возражения, но царь сделал предостерегающий жест и продолжил:

— Разумеется, я не собираюсь принимать никаких скоропалительных решений. Более того, вижу немалый смысл в том, что церковь владеет землей. Ибо она может использовать доходы от этого на благие дела. Например, почему бы в приходах не организовать школы, где детей неблагородных сословий будут учить закону божьему, грамоте и счету? Если церковь возьмется за столь богоугодное дело, то найдет в моем лице всяческую поддержку. И, разумеется, в таком случае каждый, осмелившийся в моем присутствии произнести слово "секуляризация", будет немедленно вышвырнут вон пинками. Даю тебе в этом царское слово.

Само собой, император не собирался его нарушать. Впрочем, как и оставлять церковь в числе крупнейших землевладельцев Российской империи. Например, зачем обязательно это самое слово слышать? Серьезные дела решаются не в разговорах, а насчет чтения или написания царь ничего владыке не обещал. Да и вообще он твердо знал, что поспешность нужна только при ловле блох. Сначала надо составить проект, потом его всесторонне обсудить, не произнося вслух запретного слова, а там и Феофан помрет, ему осталось всего пять лет. Вот тогда можно будет вплотную приступить к решению данной части земельного вопроса. Причем тех, кто с душой отнесется к выполнению императорского поручения, раскулачивать будут аккуратно, в некотором смысле даже нежно, оставив какую-то часть земли. Может, целую половину. Ну, а всех прочих — строго до апостольского состояния.

Первое время ужин действительно был ужином, то есть все принимали пищу по мере возможностей и аппетита, почти не отвлекаясь на разговоры. Однако по мере приближения к десерту интенсивность поедания начала уменьшаться, а обмена мнениями — увеличиваться. Впрочем, он имел явно очаговый характер, как и было задумано императором.

Протопоп Василий Пряхин пересел поближе к епископу и начал осторожно и доброжелательно расспрашивать его о состоянии церковно-приходского обучения в провинции, попутно поясняя, как это уже начало делаться в Москве. Царский духовник выполнял императорское поручение очень старательно, лишь изредка позволяя себе с тоской оглядеть стол, на котором не было ни капли спиртного.

За последние полгода практически все стороны жизни в Лефортовском дворце были упорядочены вплоть до появления писанных должностных инструкций — молодой император не любил, как он это называл, "бардака". Не избежали высочайшего внимания и некоторые пристрастия Василия.

Теперь ему разрешалось уходить в запой не абы когда, а в строго определенные отрезки времени, причем запои делились на очередные и внеочередные. Разрешение на очередные представлялись протопопу после каждого поста сроком на пять дней, за исключением пасхального запоя, который мог продолжаться восемь. Кроме очередных, Пряхин имел право и на внеочередные запои, но тут в каждом отдельном случае надо было писать заявление, утверждающая подпись на котором появлялась только в качестве поощрения за хорошо выполненные императорские поручения. Несанкционированное же утоление духовной жажды приводило к порке плетью, причем нюх у царя был просто поразительный. Собственно, протопопу хватило всего одного посещения конюшни для понимания, что

порядки, установленные молодым императором, все-таки лучше не нарушать. И теперь Пряхин объяснял епископу, как сильно поможет его карьере выявление даже одного таланта, способного хоть что-то делать много лучше среднего уровня. А уж если оных талантов окажется несколько, то царская милость может возрасти просто до невероятных размеров. Василий говорил это с полным знанием дела, потому как отлично помнил, что произошло после того, как при его участии был найден иконописец, ныне неотлучно пребывающий при царской особе. Тогда император без возражений подписал заявление аж на две недели, а когда Пряхин не удержался и прихватил лишний день, обошелся устным внушением, да и то не очень грозным. Вот протопоп и разливался соловьем, а перед его мысленным взором стояла вожденная картина — резолюция "не возражаю" на заявлении "прошу разрешения на внеочередной запой с такого-то числа по такое-то включительно".

Елизавета занималась похожим делом, хотя императору было решительно непонятно, какие такие таланты цесаревна предполагает обнаружить в дочерях тверского воеводы.

Миниху же подобное в обязанности не вменялось, и в данный момент он договаривался с представителями новгородского губернатора, в какой именно кабак они пойдут после завершения официальной части с целью компенсировать вынужденную трезвость за ужином. Фельдмаршал не без оснований предполагал, что в процессе хорошего возлияния представители расскажут о своем начальстве что-нибудь интересное. Правда, новгородцы, похоже, надеялись на то же самое, но император знал, сколь тщетны эти надежды. Напоить Христофора Антоновича до потери самоконтроля до сих пор не удавалось никому. И, что удивительно, с утра он всегда отлично помнил, что происходило во время пьянки.

Император же беседовал с самим воеводой просто с целью понять, что это за человек и нельзя ли его нагрузить еще каким-нибудь полезным делом, причем желательно без отрыва от руководства провинцией.

Воевода оказался понятливым человеком, и на торжественный обед, состоявшийся сразу после литургии, были в числе прочих приглашены и представители купечества. Двое вели себя скованно, затравленно озирались и жались к третьему, высокому жилистому старику в красной рубахе с надетой поверх нее черной безрукавкой и с шикарной седой бородой. Этот держался с достоинством, а на царя смотрел без подобострастия, зато с любопытством.

— Кто такой? — тихо спросил Новицкий у воеводы.

— Алексей Григорьевич Арефьев, богатейший тверской купчина, — последовал ответ. — Говорят, его не раз посещал проездом сам Петр Великий, но точно не знаю, меня тогда здесь еще не было.

Сергей кивнул, спросил еще про некоторых, а ближе к концу обеда встал и подошел к купцу.

— Здравствуй, Алексей Григорьевич. Говорят, ты был знаком с моим дедом?

— И тебе тоже всяческого здравия, государь, — встал и поклонился Арефьев. — Да, целых три раза у меня Петр Алексеевич останавливался.

— А с внуком, тоже Петром Алексеевичем, для полноты картины познакомиться не хочешь?

— Рад буду, государь.

— Значит, будем считать, что ты пригласил меня на ужин, а я согласился. Куда приезжать, в какое время и сколько человек можно с собой брать, дабы не вводить тебя в разорение?

Вот тут купец немного растерялся — видимо, нечасто императоры столь беззастенчиво набивались к нему в гости. Но быстро пришел в себя и снова поклонился:

— Живу я в Заволжском посаде, там мои палаты тебе любая собака покажет.

Император вопросительно глянул на воеводу — тот кивнул.

— Приезжать ко мне можешь, когда тебе более угодно будет, — продолжал Арефьев, — но ежели хочешь отведать жареной утки с солеными лимонами, коей дед твой неоднократно отдавал должное, то в восемь часов вечера. Сколь народу ты собой не

возьмешь, мне от того никакого разорения не будет, а только одна радость.

— Ладно, — кивнул Сергей, — тогда жди, в восемь часов подъеду. Со мной будут четверо приближенных и два десятка охраны. Этим тоже придется кормить, но за отдельным столом и не до отвала. Никаких горячительных напитков подавать не надо, я их не употребляю и своим людям при мне не даю.

— Как же так, государь, — осмелился немного удивиться купец, — вино, ежели им не упиваться до изумления, и для здоровья полезно, и для аппетита.

— С аппетитом у меня и так все в порядке, еще небось и добавки попрошу за ужином. Со здоровьем последнее время тоже, нет надобности его улучшать таким способом. Как пить да глупостями заниматься перестал, так оно и поправилось. Да, и вот еще что. Ты, наверное, слышал, что я собираю людей, кои хоть что-то хорошо делать умеют. Так вот, коли ты мне таких найти сможешь, то без благодарности не останешься. Например, просто за грамотного да счет знающего освобожу я тебя от всех сборов на неделю. За сильно грамотного — на месяц. Если же найдешь какого-нибудь уника, то тут и год не предел.

— Уни... кого, государь?

— Это слово означает — такой, подобных которому не найдешь, хоть полсвета обыщи.

Эх, — вздохнул Арефьев, — а я-то уже думал, что смогу угодить тебе по самому высшему разряду. Работает у меня один часовых дел мастер, но он сам говорит, что царский токарь Нартов в механике понимает лучше него.

— Ничего, — успокоил собеседника император, — полгода без налогов — это тоже хорошо. Да и почему ты знаешь, что твой механик во всем уступает Нартову? Мало ли, вдруг найдется, в чем превосходит, тогда весь год твой будет.

Глава 5

Более высокий темп, чем в прошлом путешествии, привел к тому, что к концу пути Сергей начал уставать. В результате чего последний отрезок от Тосно, которое здесь называлось Тосна, прошел в размышлениях.

Итак, рассуждал император, Россия выплавляет семь миллионов пудов чугуна в год. Метр самого легкого рельса для узкоколейки весит восемь кило. Правда, он стальной, а не чугунный. Но ведь можно, во-первых, снизить требования по нагрузке, да и увеличить вес вдвое тоже не помешает. Итого на однопутную чугунную узкоколейку от Москвы до Питера уйдет примерно четверть годовой выплавки чугуна. Много, конечно, но иначе каждый год так и придется полпути трястись в скрипучем возке, любуясь на конские хвосты и то, что под ними, а вторую половину сбивать собственную задницу в седле. По рельсам те же лошади смогут тащить гораздо более массивную, а, значит, и комфортабельную карету типа небольшого вагончика, по которому можно будет даже ходить, когда надоест сидеть или лежать. Правда, средняя скорость если и увеличится, то совсем незначительно. Да, но ведь один паровик в России уже есть! И начали строиться сразу второй и третий по образцу первого, которые Нартов заложил перед тем, как приступить к существенно более мощной машине для парохода. При весе около двух тонн, это вместе с топкой и котлом, нынешний нартовский двигатель в постоянном режиме выдает пять киловатт, а в предельном — почти десять. То есть вполне хватит для небольшого паровозика, который будет тянуть один или даже два вагона со скоростью двадцать — двадцать пять километров в час. Значит, со всеми остановками путь займет не более трех суток, ведь на царский поезд не жалко установить единственный в этом мире трехваттный светодиодный фонарь, что позволит двигаться и ночью. Причем независимо от погоды, кроме разве что очень сильных метелей.

Однако тут Сергей почувствовал некоторое неудобство. Ведь паровоз-то будет всего один! Со временем, наверное, их станет два, потом три, а там, чем черт не шутит, и до пяти дойдем. Но все равно железная, то есть чугунная, дорога так и останется игрушкой, предназначенной только для повышения скорости и комфорта императорских поездов. А это будет натуральное использование служебного положения в личных целях! Причем в особо

крупных размерах, что совсем никуда не годится. В конце концов, он же не Меншиков, чтобы вбухивать в свои личные проекты средства, соизмеримые с бюджетом империи. Значит, строить дорогу можно только в том случае, если она начнет приносить пользу не только ему, Новицкому, но и всей стране.

Так ведь обязательно начнет, принялся соображать император. Перво-наперво она позволит увеличить товарооборот между Москвой и Питером. Ведь те же лошади по рельсам смогут тащить в несколько раз больший груз, да и сезонная распутица им станет мешать гораздо меньше. Значит, следует попробовать привлечь к финансированию этой затеи купцов. Эх, ну почему же хорошая мысль если приходит, то с приличным опозданием? Нет чтобы побеседовать о дороге под утку с лимонами у Арефьева, а теперь это откладывается до обратного пути.

Что еще полезного может дать такая стройка? Разумеется, стимулирование спроса на промышленную продукцию. Сергею говорили, что многие металлургические заводы могут выплавлять и больше, но казна выделяет на закупки чугуна и железа ограниченные суммы, а других потребителей почти нет. Одно это уже очень хорошо, но ведь строительство такого суррогата явится замечательной тренировкой перед созданием нормальных железных дорог. Будет где вырастить кадрам, а ошибки при строительстве узкоколейки с пониженными требованиями гораздо проще исправить.

Почувствовав, что битва с собственной совестью практически выиграна, император продолжил размышления.

Кто будет все это строить? Нужны инженеры и рабочие. Ни тех, ни других практически нет. Значит, они должны появиться прямо в процессе стройки. В качестве исходного материала для рабочих послужат крестьяне, ранее принадлежавшие ссыльным Долгоруковым и покойным Голицыным. Заодно на них и приступим к отработке механизма освобождения от крепостной зависимости, а то ведь пока в этом направлении есть только благие пожелания.

Итак, отработал год без нареканий — получай волю, но без земли. Еще год — будет уже небольшой надел около железки, а если работал хорошо, то и не такой уж небольшой, но только после окончания строительства. Вот только... землю-то где взять? Здесь не Сибирь и Дикое Поле, она вся давно занята.

Тут Новицкий даже немного удивился своей несообразительности. Где взять, где взять. Да просто купить! Раза в три больше, чем понадобится под саму дорогу. А потом треть из нее продать. По завершении строительства земля рядом с железкой наверняка подорожает в разы, так что вся эта операция окажется вполне рентабельной даже с учетом выделения наделов рабочим. Для инженеров же придется создавать школу, преподавание в которой будет вестись прямо на стройке. Ученики сразу начнут решать не абстрактные, а вполне конкретные задачи — сколько кубометров грунта надо насыпать и сколько шпал заготовить на отрезок от этого дерева вон до того валуна, например. Ошибся в расчетах — недостающее тащишь на своем горбу, а избыточное оплачиваешь из своей стипендии, такая система оценок будет куда эффективнее, чем всякие табели с экзаменами.

Оставалось решить вопрос — вот что, так прямо сразу начинать строить большую дорогу или сначала соорудить где-нибудь совсем маленькую, в порядке эксперимента? Как сделали в той истории, которую изучал Новицкий.

Как угодно, но только не так, сразу сказал себе молодой человек. Ту — Царскосельскую — дорогу построили на виду, и она была не нужна никому, кроме царя и его приближенных. Видимо, уже тогда у российского руководства появились проблемы с совестью, расцветшие пышным цветом к моменту, когда Сергей отправился в прошлое. Оно, конечно, тоже далеко не рай, но все же не стоит здесь лишний раз свинячить, принял решение император. Да и секретность надо блюсти, вот из этого и будем исходить. То есть построим круг, а точнее овал, начинающийся от нартовского завода, проходящий по заднему краю дворцовой территории по ту сторону Яузы, а затем поворачивающий налево. Там мелкая речка, перекинем через нее мост, еще один левый поворот — и начнется небольшое

болотце. Вот и хорошо, можно будет прикинуть различные способы укладки пути в таких условиях. А после болота снова налево, через овраг и назад к заводу. Получится замкнутый маршрут длиной километров десять. По нему можно будет гонять хоть конные поезда, хоть на паровой тяге, и смотреть, сколь часто придется перепрягать лошадей или заправлять паровоз. Кроме того, оценить износ как подвижного состава, так и самих путей. Весь круг обнести забором, официально же объявить, что внутри него находится полигон, на коем проходят боевые учения Семеновского полка. Чтоб, значит, зеваки не шастали, а то разбирайся потом, кого это тут опять невзначай подстрелили. Тем более что на самом деле учения часто проходят именно в тех местах, только пока обходятся без забора.

Тут молодой император был отвлечен от раздумий какой-то незапланированной суетой, а вскоре колонна встала. Сергей потянулся было к верхним пуговицам камзола, но они и так были расстегнуты. Правда, не для того, чтобы побыстрее достать наган в случае надобности, а в силу довольно теплой погоды.

Подскакал Миних и объяснил, что наконец-то развалилась телега, везущая бочки с нефтью. На ремонт потребуется от часа до полутора, а потом можно будет продолжать движение, но все-таки лучше немного помедленней, чем до того. Так как до Питера оставалось верст двадцать пять, то фельдмаршал предлагал оставить телегу здесь и двигаться дальше, ничего с этими бочками не будет.

— А если все-таки будет, ты мне сможешь быстро, в течение пары суток, достать другие? — поинтересовался молодой царь. — Вот представь себе картину — едет кто-то по дороге, а на ней стоят три здоровые бочки. Вдруг там вино или, например, оливковое масло? И не укатить ли их в сторонку по этому поводу, потому как охраны-то никакой нет? Дробить же охрану нельзя, она у нас и так по минимуму. В общем, предлагаю сделать остановку.

Миних посмотрел на часы, установленные в императорском возке — они показывали восемь пятнадцать. Потом глянул на солнце — по нему выходило, что сейчас нет еще и шести часов вечера.

— Мне тоже кажется, что солнце все-таки точнее, — подтвердил его сомнения император, — так что мы все равно успеем до темноты, даже если на ремонт уйдет не полтора, а два часа. В общем, командуй привал, фельдмаршал.

Царь вез бочки своему лейб-медику, известному ученому, члену Лондонского королевского общества, профессору Академического университета Шенде Кристодемусу. Российским академиком сей достойный муж пока не стал, хотя император уже зондировал почву по этому поводу. Но президент Академии наук Блюментрост встал насмерть — или он, или этот шарлатан. А так как предполагалось пригласить в Питер еще нескольких европейских ученых, то Сергей решил повременить. Все-таки в Европе Блюментроста знали — и, к некоторому сожалению, Кристодемуса тоже, причем не с самой лучшей стороны.

Новицкий собирался подкинуть магу и целителю идею перегонки нефти. Потому как у того имелся качественный самогонный аппарат, на котором астральный целитель чуть ли сутками напролет гнал яд против микробов, добиваясь наибольшей крепости. Так пусть сделает перерыв, пока все население Питера не превратилось в алкоголиков! Тем более что Новицкий еще в будущем слышал — мол, керосин помогает от вшей, облысения, рака и женского бесплодия. Правда, молодой человек верил только в первое свойство, так как читал о нем в энциклопедии еще советских времен, а про все остальные узнал по телевизору, которому верить — это все равно что прилюдно расписаться в собственной дебилности. Но вдруг Шенда найдет керосину еще какое-нибудь полезное применение?

Просто за прошлую зиму Сергею основательно надоели свечи, и он решил изобрести керосиновую лампу. А то ведь не все дома каменные, как его Лефортовский дворец. Цесаревна, например, живет в деревянном Ново-Преображенском. Керосиновая же лампа не только светит лучше свечей, но и менее опасна в смысле пожара.

Кроме керосина, из той же нефти можно будет получить масло. Правда, отнюдь не "Ликви Моли", "Мютюль" и даже не автол советских времен, про который Сергею рассказывал дядя Виталий, но для здешних станков с паровиками и такое сойдет. А вот куда

девать бензин? Ведь изготовление двигателя внутреннего сгорания в ближайшие планы императора совершенно не входило. Нет, небольшая склянка не помешает для чистки одежды, но ведь его получится не так уж и мало. Продавать, что ли, населению для тех же целей? Так ему тоже много не понадобится — во всяком случае, спрос будет значительно меньше, чем на керосин. В свое время его просто выливали, но хозяйственная натура Новицкого не могла допустить такого расточительства. Ладно, придумаем что-нибудь, решил император и сходил посмотреть, что там случилось с телегой-нефтевозом.

У нее разломалась задняя ось. Вообще-то императорская процессия в числе прочего везла с собой и запчасти, то есть набор заготовок, которые, подогнав по месту, можно было использовать для любого возка, входящего в ее состав. Но в том-то и дело, что эта телега появилась в кортеже внезапно! Нефть Сергей заказал довольно давно, но она прибыла из Астрахани в Тверь за несколько дней до приезда туда императора. Вот, значит, и пришлось искать подходящую для перевозки трех бочек телегу уже в Твери.

Когда молодой царь подошел к месту происшествия, дискуссия между двумя лейб-плотниками уже заканчивалась. Ее результат можно было пересказать примерно так:

— Ежели взять вот эту ось, да железными скобами прикрепить к ней половину оглобли, а поверх примотать ствол вон той осинки, чтоб далеко за ней не бегать, то получится даже лучше, чем было до того.

Естественно, все это было высказано в гораздо более экспрессивных выражениях, но их император знал уж всяко не меньше плотников, поэтому сразу уловил суть. Глянул на место излома, прикинул силы, приведшие к такому результату, и предложил:

— Если вон с той хреновины стесать лишнее так, чтобы она встала вот сюда, то никакой осины не понадобится.

— А ведь дело государь-то советует, — хмыкнул старший плотник, — этак мы куда быстрее управимся.

Действительно, ремонт занял всего минут сорок, за которые Новицкий придумал, куда девать бензин. Да просто взять и за компанию с керосиновой лампой изобрести паяльную! Чай, электропаяльники тут еще не скоро появятся. Опять же корабли смолить, да и вообще это такая вещь, которая всегда пригодится в хорошем хозяйстве. А конструкция у нее не намного сложнее, чем у той же самой керосиновой. И примус, примус не забыть! — напомнил себе Новицкий. Чтобы чай или кофе можно было заваривать самому, не поднимая суеты среди прислуги.

Процессия уже тронулась в путь, когда впереди показался всадник. Вскоре Сергей узнал его — это был один из помощников коменданта Летнего дворца Василия Нулина. Интересно, что там случилось?

— Специальное сообщение для государя! — крикнул курьер, останавливая лошадь.

— Вот он я, — выехал из-за спины Миниха император. Фельдмаршал же сдал назад, дабы его величество мог поговорить с гонцом так, чтобы их никто не слышал.

— И что там у вас стряслось?

— Государь, днем в Санкт-Петербург прибыл очень странный корабль. Моряки просто не понимают, почему он до сих пор не утонул, у нас и куда целее шли на дно за милую душу. А его благородие комендант уже сбегал в голландское посольство. И там говорят, что это разбойничья...

Тут гонец достал мятый обрывок бумаги, пару минут смотрел на него, шевеля губами, и наконец закончил сообщение:

— Разбойничья карибская шхуна.

Глава 6

Рид Эдвардс еще успел увидеть времена расцвета пиратской вольницы в Вест-Индии, но самым краешком. Его морская карьера началась с должности юнги у контрабандистов, а в начале нового, восемнадцатого века он стал матросом на "Сент-Джордже", корабле

знаменитого Уильяма Дампира. Под его командованием Рид плавал четыре года, поучаствовав в разбоях на Тихом океане и дослужившись до должности кватермейстера, то есть начальника верхней палубы и командира абордажной команды барка "Дракон", захваченного Дампиром около Галапагосских островов и включенного в состав эскадры. По завершении похода Эдвардс вернулся на Багамы, которые в тот момент находились под полным контролем пиратов, и пять лет служил старшим помощником у капитана Бэрроу. Скопив денег, он смог приобрести корабль — хоть и небольшую, но совсем новую и качественно построенную двухмачтовую шхуну "Мария" — такой тип корабля наиболее полно подходил для многотрудной деятельности по избавлению ближних от излишних денег и ценностей, наличие которых, как известно, очень затрудняет спасение души. Так вот, шхуна подобного типа всегда могла догнать слабейшего и убежать от сильнейшего. Кроме того, однажды Эдвардс имел возможность на своей шкуре оценить еще одно ее немаловажное достоинство — простоту работы с косыми парусами. После неудачного абордажа какого-то не в меру воинственного португальца на борту "Марии" оставалось всего двенадцать человек, которые могли держаться на ногах, и, как будто этого было мало, вскоре разразился шторм. Однако остаткам команды удалось благополучно привести свой корабль на Багамы.

До середины тысяча семьсот восемнадцатого года Эдвардс был вполне доволен жизнью, потом у Англии наконец-то дошли руки до вольготно устроившейся на ее заморских землях пиратской базы — последней в Карибском море. Генерал-капитаном Багамских островов был назначен бывший корсар Вудс Роджерс, получивший инструкции — покончить с пиратством — и, что немаловажно, все необходимые полномочия для этого. Плюс два фрегата и два шлюпа королевского флота, не считая корабля "Делисия", флагмана эскадры Роджерса.

Генерал-капитан начал с объявления амнистии всем, кто отныне покончит с пиратством, а потом начал потихоньку, без резких движений, закручивать гайки. Бывшие флибустьеры вскоре поняли, что для тех, кто не хочет ковыряться в земле или тесать камни на стройках, остается не так уж много возможностей. Не возбранялось заняться контрабандой, однако только при выполнении двух непреложных условий. Во-первых, отстегивать генерал-капитану десять процентов дохода, но это еще ничего. Однако было и второе условие — доносить на тех, кто уклоняется от уплаты поборов или, упаси господь, втихую занимается грабежами. Вот это, конечно, мало кому понравилось. Люди Чарльза Вэйна подняли на своей бригантине "Антилопа" черный флаг, расстреляли барк, попытавшийся загородить им выход, и вышли в море. Через полтора года "Антилопа" была потоплена, а четверо, оставшиеся в живых из команды в двести человек, отправлены Англию, где их с соблюдением всех формальностей повесили.

Эдвардс сумел приспособиться и к новым условиям, хотя, конечно, уровень доходов заметно упал. Однако два года назад Роджерс, который при всех своих недостатках все-таки и сам жил, и другим давал жить, умер, а его преемник решил покончить теперь и с контрабандой. То, что он был дураком, являлось не очень сильным утешением, и Рид задумался о дальнейшей судьбе.

Уходить на покой было вроде рановато — а, если задуматься, то в общем-то и не на что. В королевском флоте, даже если бы его туда и взяли, самое большее светила должность боцмана на фрегате шестого класса. Становиться независимым купцом, торгующим на свой страх и риск? Для полного разорения проще раздать остатки денег нищим и самому пополнить их ряды.

Однако на "Марии" был матрос-швед, который рассказал Эдвардсу, что в далекой Московии на троне сидит царь Петр Алексеевич, который успешно воюет со Швецией и не жалеет сил и денег на создание своего флота. Правда, все сведения были как минимум десятилетней давности, но, когда в Нассау пришла почтовая бригантина из Европы, Рид на всякий случай поинтересовался, что сейчас происходит в той самой Московии. И услышал, что Петр Алексеевич умер пять лет назад, но на троне сидит его внук с точно таким же

именем. Который уже успел объявить, что будет всячески продолжать дела своего деда, в том числе и флотские.

Тем временем новый генерал-капитан обратил внимание на "Марию", и ее капитану это очень не понравилось. В общем, он собрал команду, велел шведу рассказать все, что знает о Московии, и объявил свое решение. Отправиться в неизвестность выразили желание тридцать два человека.

Плавание продолжалось более двух месяцев, что можно было считать неплохим результатом, учитывая возраст "Марии", ее непростую биографию, а так же шторм, застигший шхуну уже в Северном море. Однако корабль выдержал.

Уже на Балтике среди команды началось брожение — мол, разве обязательно предлагать свои услуги именно диким москвитам? Если уж они воюют со шведами, то почему бы не примкнуть к последним — все-таки цивилизованные люди, почти европейцы. В ответ на что матрос-швед разъяснил, что цивилизованность не мешает шведам быть бедными, как церковные мыши. А жадности у этой державы хватит на Францию и Голландию, вместе взятые! Да и дисциплина на их флоте едва ли не хуже английской.

Точку в спорах поставил датский фрегат, погнавшийся за "Марией", несмотря на поднятый ей английский торговый флаг. От датчанина удалось уйти курсом бейдевинд — так круто к ветру фрегат идти не мог. В общем, через сутки с небольшим шхуна подошла к городу, который швед опознал как Ревель. Однако тамошние власти отнеслись к путешественникам настороженно, на берег не пустили, и Рид, уточнив курс до Санкт-Петербурга, двинулся туда, несмотря на предупреждение, что этот город уже не является столицей Российской империи.

Ни в Кронштадте, ни в самом порту на шхуну не обратили никакого внимания, и вскоре она встала на якорь в полукабельтове от берега. Эдвардс ждал визита портовых властей, но они явно не торопились. Только часа через четыре, уже под вечер, на берегу возникла какая-то суета. Появились вооруженные всадники числом десятка два, народ забегал. Кажется, наша авантюра подходит к концу, подумал Рид. Вот только, черти бы его драли, к какому именно? И что за начальство явилось в порт? Понятно, что не сам царь, но, наверное, все же немалое, судя по задержке.

Вот тут англичанин ошибался — на берег напротив "Марии" прибыл сам император Петр Второй. И сейчас он ровным негромким голосом интересовался у бледно-зеленого не от страха, не то с похмелья коменданта порта:

— Если я правильно понимаю ситуацию, то она выглядит так. В акваторию города Санкт-Петербурга прибыл неизвестный вооруженный корабль. В Кронштадте даже не почесались, но это не ваша компетенция. Однако далее этот корабль бросил якорь в самом центре порта стоит тут, если мне правильно доложили, уже пятый час! А если бы он начал стрелять, пушки-то у него есть?

— Так ведь... ваше величество... нету же никакой войны, с чего же ему стрелять-то?

— Сейчас нет, а вдруг начнется? Ладно, с вами все ясно. Христофор Антонович, как думаешь — если прямо сейчас повесить господина коменданта, это хоть чему-нибудь поможет?

Миних с сомнением оглянулся.

— Вроде не на чем тут вешать, — покачал головой он. — Разве что вон там, у пакгаузов, есть ворота, но туда идти уж больно далеко — устал я что-то за день, с утра в седле. Опять же... комендант, у тебя хоть веревка-то приличная найдется? Нет? И мыла тоже нет? Я так и думал. Можно, конечно, просто пристрелить, но, по-моему, от этого станет только хуже. А вот как следует выпороть будет в самый раз. Если он через полчаса не доложит, что это за корабль, какой страны и каковы его намерения, то прямо на причале и всыпать ему плетей с полсотни.

Оказалось, что комендант все же умеет действовать быстро, и всего через двадцать пять минут император приступил к беседе с капитаном Эдвардсом. Она была краткой и началась с того, что его величество поклонился палец, определил направление ветра и встал

так, чтобы дуло от него к англичанину, ибо вонял тот весьма основательно, и отнюдь не духами. После чего царь заявил:

— Да, мне действительно нужны хорошие моряки, и я не имею ничего против того, чтобы принять вас на службу с достойным жалованьем. Но подробно мы с вами поговорим об этом чуть позже, а пока извольте всей командой посетить баню. Где это и что это, вам сейчас покажут. Аудиенция состоится завтра днем в Летнем дворце.

Миних перевел, потом отошел к коменданту и, наклонившись, что-то ему прошептал. Тот засуетился, а императорский кортеж двинулся к Летнему дворцу.

Да уж, денек выдался суетливый, подвел Сергей итог после ужина. Бывшие пираты — это, конечно, хорошо. Этим только дай хоть сколько-нибудь приличный корабль — и можно отправлять в кругосветку, причем не одних, а с сотней, а то и больше наших, чтобы учились. А то ведь действительно переход до Риги подвигом считают! И это в то время, когда англичане вот-вот откроют Австралию. Нет, капитан Эдвардс прибыл очень вовремя.

То, что денег много не бывает, Сергей точно знал еще в будущем. Например, дал ему дядя Виталий пятнадцать тысяч — какой огромной суммой казались эти три рыжие бумажки в момент получения! Даже страшно было совать их в карман — а вдруг помнутся, испачкаются или вовсе порвутся. А уж когда Новицкий покупал билет, ему казалось, что на него с подозрением смотрит половина зевак на перроне. Однако прошла всего неделя — и сумма оказалась не то чтобы маленькой, однако далеко не беспредельной.

Так и здесь. По меркам прошлого года три миллиона рублей, отправленных Баташевым, вызвали оторопь типа "да куда ж мне все это деть", а ныне приходится задумываться, на чем бы таком сэкономить, а то ведь на все может и не хватить. Вот, значит, здесь флибустьеры и помогут.

Итак, начал прикидывать Новицкий, пускай капитан Эдвардс с шумом и понтом открывает Австралию. Я, как последний дурак, которому дома заняться нечем, тут же пишу указ о ее ускоренной колонизации. Однако путь туда неблизкий, и без промежуточных баз тут не обойдешься. Значит, первое поселение будет основано на юге Африки, примерно там, где в будущем появится Дурбан. Оттуда корабли примерно по сороковой параллели быстро доберутся до юга Австралии, пользуясь попутными западными ветрами, кои там дуют всегда. Домой — в том же направлении, то есть опять на восток до юга Америки, все по той же сороковой параллели. И, значит, где-то в районе Огненной Земли устраиваем еще одну базу, эти места пока вроде свободны. Никакого удивления такой образ действий не вызовет, потому как иначе Австралию не освоить. И, пока англичане будут чесать репу — да чего же такого ценного русские нашли на том материке — мы начнем потихоньку, не поднимая шума, вывозить золото и алмазы из Африки и чилийскую селитру из Америки. Потому как Ломоносов, конечно, сможет нормально наладить процесс получения ее из дерьма, раз он справился с данной задачей в той истории. Но зачем? Пусть занимается синтезом нитрата калия и азотной кислоты из натриевой селитры.

Так, а что в это время будут делать англичане? Рыскать по Австралии и искать русские поселения. Потом, когда окончательно убедятся, что их тут нет и никогда не было, они обратят внимание на наши промежуточные базы. А оно нам надо? Да вроде не так чтобы уж очень. Значит, один небольшой поселок на южном материке все-таки нужен. В месте, которое потом назовут Балларэт. Там есть золото, хоть его и заметно меньше, чем на месте Иоханнесбурга. Зато туда легко добраться от побережья — всего около сотни километров, из которых семьдесят по реке. И, значит, как только англичане начнут проявлять нездоровый интерес к нашим базам, им кто-нибудь расскажет о богатейших золотых копях Балларэта. А параллельно с этим — аборигенам Австралии о людях в красных мундирах, которых хлебом не корми, а только дай пострелять в живые мишени. И ружей, ружей туда побольше! Нам их все равно придется снимать с вооружения, больно уж они все разные.

На этом месте размышления молодого императора были прерваны сообщением о том, что телега с нефтью так и не доехала до Питера. Опять сломалась, зараза, в трех верстах от города, причем как раз в том месте, которое было подкреплено согласно указанию царя. Но

это не страшно, успокоил Нулин, ее уже перегружают. Кроме того, нефть есть и в Питере. Еще десять лет назад государь Петр Алексеевич вместе с мастером Василием Корчминым делали какие-то огнемётные трубы, кои должны были сжигать вражеские корабли, но доделать не успели, а там и война кончилась. Потом Петр Алексеевич почил в бозе, Корчмин тоже умер, девять же бочек нефти и недоделанные трубы с тех пор так и лежат в сарае рядом с Адмиралтейской верфью.

Ну и ну, подумал Новицкий, закрывая дверь за Нулиным. Интересно, ведь если примерно так начнут исполняться мои планы относительно Африки, Австралии и Америки, то, блин, конфуз получится куда сильнее, чем сейчас! Тщательнее надо, тщательнее, пенял себе император, раздеваясь перед сном.

С самого утра пошли дела, запланированные еще в Москве. Сначала Новицкий отправился на Галерную верфь, где уже началось строительство якобы новой царской яхты, а на самом деле первого парохода. На самой верфи ничего интересного не обнаружилось, там только-только приступили к разметке стапеля, так что император обошелся внимательным рассмотрением чертежей. Причем, помня о конфузе с телегой, сразу предупредил, что все его слова следует воспринимать как вопросы, а вовсе не в качестве руководства к действию. Оглянувшись на дежурного секретаря, скромно стоящего в сторонке — тот кивнул.

Прошлой осенью молодой царь имел продолжительную беседу с купцом Иконниковым, результатом которой стало образование императорского секретариата. Но не столь простого, как у купца. Там управлялись всего два человека. Один хвостом ходил за хозяином и записывал все его распоряжения, а второй аккуратно переписывал каракули первого на карточки, клал их в специальное бюро и время от времени докладывал купцу, как исполняются его приказы.

Новицкий же сразу решил поставить дело на более широкую ногу. И сейчас в его штатах состояли три первых секретаря, задачей которых было по очереди присутствовать на всех встречах, кроме секретных, и записывать. Шесть вторых секретарей красиво оформляли их каракули и клали в библиотеку, причем не просто так, а снабдив классификаторами по дате, персоналиям, объектам и степени важности. Теперь императору достаточно было спросить что-нибудь типа "кто у нас ответственный за то-то", как не позднее чем через четверть часа он получал нужную бумагу.

Кроме первых и вторых, имелись еще и третьи секретари — они выполняли контрольные функции. По идее, кто-то должен был командовать всей этой сворой, но пока такого человека не нашлось, и обязанности генерального секретаря Новицкий вынужден был исполнять сам.

Так вот, император предупредил дежурного, что ничего из сказанного им здесь приказом не будет, после чего приступил к изучению чертежей.

Там просматривалось нечто, гораздо более похожее на галеру, нежели на яхту. Потому как для маскировки способности ходить без парусов посудина была снабжена веслами — по шесть с каждого борта.

— А сколько должно быть у нормальной галеры такого водоизмещения? — поинтересовался царь у Миниха.

— Десятка по два с борта. Но я уже распустил слухи, что мы ищем богатырей для твоей яхты. Пусть думают, что нашли, про русских чего только не говорят. Весла же эти облегченные, из липы да пустые внутри, ими только для виду шлепать по воде придется. А коли действительно найдем силачей, так они, мыслю, все равно без работы не останутся.

Вообще-то по планам после посещения верфи следовал обед с наследником прусского престола, но Новицкий решил — обедать лучше в компании англичанина, а Фридрих не барин, подождет и до ужина. Который специально надо будет назначить попозже, чтобы наследник прусского престола возвращался домой в темноте, благо белые ночи еще не начались. И пусть, значит, на всем долгом и трудном пути от Летнего дворца до Зимнего ему под каждым кустом мерещится изготавившийся к прыжку медведь.

Глава 7

Император слушал генерал-прокурора Сената Ягужинского вполуха — ибо цифры, которые пытался донести до высочайшего слуха Павел Иванович, были уже известны его собеседнику, и он просто ждал, когда докладчик перейдет к выводам. Которые, впрочем, совершенно явно из тех самых цифр вытекали. Ага, вот, кажется, потихоньку приближается суть...

— Таким образом, Баку с городками ежегодно обходятся нам как минимум в полтора миллиона рублей, а если сюда добавить неявные траты, коих, однако, не случилось бы, не займи Россия эти территории, то выйдет почти два. Прибыль же не превышает полумиллиона рублей.

Тут генерал-прокурор сделал паузу, видимо, считая, что вывод император способен сделать сам. Действительно, тот привстал, посмотрел в окно, после чего поинтересовался:

— А вот во сколько, хотелось бы мне знать, обходится казне город Санкт-Петербург? И какая от него на сегодняшний день получается прибыль? Боюсь, что цифры тут получатся даже более вопиющие. И что теперь — сжечь его и уйти с балтийского побережья? Нет, деньги для того и предназначены, чтобы их тратить. С толком, разумеется.

— Так я же и пытаюсь доказать, что никакой пользы для державы от тонкой полоски земель, коей она владеет по западному берегу Каспия, нет и в обозримом будущем не появится! А вред есть, и немалый. Даже если не вспоминать про деньги, то ведь люди в гарнизонах мрут от болезней! Больно уж там места нездоровые.

— Там джунгли или болота? — хмыкнул молодой царь. — По-моему, нет. Прекрасные места, а заболеть от дурной пищи и грязной воды можно где угодно, сие уже зависит не от климата, а от интендантской службы. На данную тему я уже имел беседу с генерал-аншефом Румянцевым, в прошлом году вернувшимся из тех краев. Так вот, он считает, там давно пора кое-кого повесить, и болезни прекратятся сами собой. В общем, мое решение остается неизменным — Россия с западного берега Каспийского моря не уйдет. Ну, а что это пока узкая полоска — действительно, нехорошо. Значит, надо думать о том, как ее сначала укрепить, а потом расширить. Еще раз повторяю — это окончательное решение, и Сенату отныне надлежит озаботиться тем, как его наилучшим образом исполнить. У вас есть вопросы по этому поводу, господин генерал-прокурор?

Император специально выделил обращение на "вы".

— Пока нет, ваше величество. Но не могу обещать, что их и далее не будет. Разрешите идти?

— Иди, Павел Иванович, и постарайся мне поверить — я знаю, что делаю. России действительно нужны те земли.

Здесь Новицкий нисколько не кривил душой. Да, земли действительно нужны. А вот для чего — это уже другой вопрос, и далеко не столь бесспорный.

Можно, конечно, поступить с ними так, как Анна Леопольдовна в изучавшейся Новицким истории. То есть в конце концов отдать их Персии на фиг, нехай подавится, но не задаром, а в обмен на обещание продолжать войну с Турцией до победного конца. И не отдавать никому полученные назад Баку с Дербентом.

Сергей подозревал, что тогда Россия сильно продешевила. И, кажется, понимал — почему. Да потому, что настроения, кои только что озвучил Ягужинский, тайной ни для кого не являлись! Персия знала, что русские и сами хотят уйти с западного берега Каспия, поэтому не собиралась платить хоть сколько-нибудь серьезную цену. Обещание продолжать войну было нарушено уже через год. Правда, второе все-таки оказалось выполненным, но просто потому, что передавать Баку с Дербентом было некому.

Теперь же все заинтересованные лица узнают, что молодой император настроен зубами вцепиться в каспийский берег, как будто это его личное любимое поместье. И, значит, если дело все-таки дойдет до переговоров о передаче, то требовать за такую прекрасную вещь можно будет куда больше, и под серьезные гарантии. Это был один вариант, но он

Новицкому не очень нравился. Сразу вспоминалась "царская морда" из кинофильма "Иван Васильевич меняет профессию". Действительно, люди старались, завоевывали, а он, Петр Второй, вот просто так возьмет и отдаст? Некрасиво, это раз. И там много нефти, это два.

Может, прикинул Сергей, отдать те земли не насовсем, а в лизинг? То, что здесь пока никто не знает, что это такое, не страшно. Да, но и сам он тоже не больно-то в курсе, что за лизинг такой и с чем его лижут! Нет уж, надо поступить проще. В нужный момент торжественно пообещать передать Персии западный берег Каспия сразу после победного окончания ее войны с Турцией! Пусть стараются, воюют, все равно ничего не выйдет. Но не задаром, разумеется, передать, а в обмен на бесплатные поставки нефти в таких-то количествах. И на ближайшем же большом приеме продемонстрировать, насколько лучше свечей светят керосиновые лампы. А то, что оный керосин каким-то хитрым образом получается из нефти — это пусть проболтается кто-нибудь из подчиненных Нулина. Само собой, не бесплатно, а то ведь мало того что это будет как-то неправильно, так ведь могут и не поверить. Тут, кажется, уже суеилось французское посольство? Вот и прекрасно, пусть Василий прикинет, кто из лакеев не устоит перед соблазном и какими тысячами будет измеряться этот самый соблазн. Чтобы, значит, французы и не пытались предлагать какие-нибудь копейки, а то ведь с них станется.

Однако пока, судя по очередному докладу коменданта Летнего дворца, подданные короля Людовика особой активности не проявляли. Узнать-то они, конечно, много чего хотели, но на хаяву, ибо с деньгами у них было туго. В отличие от ганноверцев, которые нищетой не страдали и за последнее время развили бурную деятельность. Собственно, это было не первое сообщение про их активность. Тогда, помнится, Новицкий даже удивился — эту страну и не на всякой карте сыщешь, потому как она не только незначительная, но и просто мелкая. И куда, спрашивается, лезут? Но Миних объяснил, что ныне Ганновер выступает не сам по себе, а в качестве неофициального представителя Англии. Потому что династия Стюартов, до начала восемнадцатого века правившая Англией, пресеклась со смертью королевы Анны, у которой не было прямых наследников. И английским королем стал ганноверский курфюрст Георг, чья мать была внучкой Якова Первого. Сейчас Англией правит его сын, Георг Второй, который тоже по совместительству является еще и ганноверским курфюрстом.

— Выходит, в данный момент Англия прячется за широкой спиной Ганновера? — уточнил тогда Сергей свое видение ситуации.

— Так оно и есть, — посмеявшись, подтвердил Христофор Антонович.

А неплохо они придумали, сообразил Новицкий. Надо будет перенять прогрессивный опыт британцев. Вот, например, недавно вернувшийся Беринг открыл в море своего имени довольно большой остров Святого Лаврентия. Что мешает объявить эту землю королевством, а себя, соответственно, его королем? Там ведь даже какие-то аборигены живут, так что королевство будет самым настоящим. Мало ли где и по каким причинам лаврентьевское посольство окажется выгоднее российского! Пусть Россия при случае тоже сможет за кого-то спрятаться.

Однако все это было делом достаточно далекого будущего, а сейчас Нулин докладывал про художества англичан, творимые от имени Ганновера.

Они, оказывается, недавно начали шастать по кабакам, где поили русских матросов до полной отключки, а потом подсовывали на подпись бумагу, по которой их собутыльники вдруг оказывались завербованными в американские колонии.

Сергей уже далеко не первый день пребывал императором, так что мысли выразить возмущение по дипломатическим каналам у него даже не мелькнуло — все равно толку не будет. Вербуют, гады? Надо подумать, какую из этого можно извлечь пользу. А чтобы не страдали случайные люди, не помешает организовать нечто вроде особого патруля.

— Думается мне, Вася, что тебе не составит труда найти мужиков, сильно крепких в питии, — предположил царь, — таких, чтобы они сами могли спойть кого угодно, оставаясь при этом в относительном сознании.

— Есть у меня на примете такие, государь.

— Вот, значит, пусть они посменно дежурят, вроде как в патруле. И как ганноверцы зайдут в какой-нибудь кабак, наши тут же мчатся туда и поят английских прихвостней до полного изумления. А потом вербуют на уральские заводы.

— За чей счет поят, государь?

— Разумеется, за мой. И то, что им самим придется выпить в процессе, тоже. Плюс я еще доплачу за вредность.

— Так ведь тогда в те патрули отбоя от желающих не будет!

— Вот и ладушки. Если наших будет много, а тех мало, то кто быстрее сопьется до потери человеческого облика? Но тебе, конечно, придется присмотреть, чтобы деньги тратились по делу, а то ведь могут и наврать, что пили с англичанами. Осилишь такое дело?

— Осилю, ваше величество. И еще — ты снова правым оказался, меня уже угощал в кабаке человек из французского посольства. Правда, плохо, с деньгами у них сейчас совсем никак, шорникам и то задолжали. Ради такого случая даже продали басурмане лошадь, вот только, как мне говорили, ранее такой животины у них не было. Небось украли где-нибудь, с них станется. Мне же этот мужик, Шарля его зовут, обещал баронский титул за то, что буду я ему про тебя, государь, рассказывать, да про дела твои.

— И ты, разумеется, попросил время на раздумья.

— Конечно, это и ты мне говорил, да и сам я знаю, что не след соглашаться сразу, надо цену набить. Да и узнать, кто такой барон, тоже не помешает.

— Титул такой дворянский, один из самых низших. Фон Мантейфеля знаешь? Он, кажется, и есть барон.

— Да это же голь перекатная, он, поганец, в карты себе на жизнь зарабатывает! — впал в праведное возмущение Василий. — И пьет, холера, почитай каждый день. Меня, царского коменданта, значит, вот таким похабным образом прельстить захотели? Правду, выходит, про этих французов сказывают, что они от жадности даже лягушками, и то не брезгуют.

Не совсем так, но где-то близко, подумал император. При Людовике Четырнадцатом, короле-солнце, французская разведка стала, пожалуй, лучшей в Европе, превзойдя даже английскую. Но на троне уже пятнадцать лет сидит его правнук, Людовик Пятнадцатый. Этот, хоть ему недавно перевалило за двадцать, сам не правит, за него государственными делами пока занимается кардинал Флери. Его преосвященство старается экономить на всем, чем только можно, уступая в скарденности лишь прусскому королю Фридриху, чей сын сейчас гостит в России. Понятное дело, что в таких условиях средств на разведку почти не выделяется. Но она по инерции продолжает оставаться вполне приличной, совсем же захиреет после смерти кардинала, когда бразды правления возьмут в свои прекрасные ручки любовницы Людовика во главе с маркизой де Помпадур. Тогда вся экономия накроется медным тазом, но средства потекут совсем не туда, куда надо. Впрочем, до этого остается еще больше десяти лет.

— Разумеется, баронский титул для такой персоны, как ты, сам по себе слишком мелок, — подтвердил император подозрения Василия. — Тем более что настоящий барон, кроме титула, должен еще и владеть землями, причем в изрядных количествах. Кажется, во Франции все приличные баронства уже заняты, но это не страшно, у лягушатников немалые владения в Вест-Индии. Вот, значит, пусть вместе с титулом и жалуют тебе во владение какой-нибудь остров площадью не менее десяти квадратных лье, тогда ты им про меня все расскажешь — что мы с тобой придумаем, разумеется. А ежели острова точно таких размеров не найдется, то ты, так и быть, согласен доплатить за излишки площади.

Слово "лье" император запомнил еще с детских времен, когда прочитал "Трех мушкетеров". Правда, чему именно равна эта единица длины, он не знал, но надеялся, что она все-таки не меньше километра. А то ведь иначе получится не остров, а какая-нибудь паршивая скала посреди океана.

После ухода Нулина царь сделал две пометки в своем блокноте.

— Заранее придумать, какими именно сведениями о его особе станет делиться

комендант после получения баронского титула.

— И при первом же визите в Академию наук выяснить, что такое лье. Хотя, может, это знает даже Кристодемус, а у Миниха пока лучше не спрашивать.

Утро следующего дня началось с визита капитана Эдвардса в компании Меньшикова — кораблестроителя, причем вовсе не родственника покойного светлейшего князя. Кроме того, Гаврила Авдеевич свободно говорил по-английски, чем пока не мог похвастаться император. Впрочем, он уже начал помаленьку ликвидировать свою малограмотность в данном вопросе, но успехи пока еще оставались довольно скромными. Эдвардс, принятый в русский флот в специально для такого случая изобретенном чине капитан-консультанта с окладом семьдесят рублей в месяц, начал учить русский, но пока совсем без переводчика император с бывшим пиратом обойтись не могли.

На сегодняшней встрече предполагалось решить, что делать со шхуной "Мария", ибо в том виде, коем корабль сейчас находился, любое плавание могло стать для него последним даже со столь опытным экипажем, коим являлась команда англичанина.

— Тимбирование сей шхуны обойдется не менее чем в три тысячи рублей, государь, — начал свой доклад Меньшиков. — А может, и больше, без разборки этого не скажешь.

— Тим... что?

— Оным словом обозначается капитальный ремонт с заменой обшивки, — пояснил кораблестроитель. — И я считаю, что все равно корабль не станет таким, каким сошел со стапелей. Все-таки двадцать с лишним лет в постоянных походах, да еще в теплых морях — это очень много. Предлагаю построить новый по образцу этого, только больше, увеличив водоизмещение тонн до четырехсот, и с парусным вооружением типа бригантины, ибо два косых паруса не смогут обеспечить потребную для корабля таких размеров площадь.

— Это неправильно, — не согласился Эдвардс, ставший за время походов на "Марии" убежденным сторонником именно косых парусов. — Недостаток площади можно устранить, сделав шхуну трехмачтовой. Или даже оставив две мачты, но так, чтобы гик грота заходил за бизань. Поднимать гик при каждой смене галса для опытной команды нетрудно.

— А если команда не успеет его поднять? — возразил Меньшиков.

— Тогда это не моряки, а сборище сухопутных крыс, каковым вовсе нельзя выходить в море.

— Мне тоже нравятся косые паруса, — вступил в дискуссию император, — и я, побывав на "Марии", тоже считаю, что надо строить новый корабль, причем больших размеров.

Это убеждение царя было основано не на инженерных расчетах, которыми Новицкий и не особо владел, а имело под собой исключительно обонятельную основу. Проще говоря, воняло на "Марии" так, что Сергей сразу решил разобрать на запчасти этот источник миазмов.

— Более того, я уже составил эскизы того корабля, который предлагаю построить вместо вашей, Рид, заслуженной шхуны. Ее же выкупаю в казну за пятьдесят золотых червонцев.

Эдвардс кивнул. Он уже знал цену русских денег и считал, что царь даже немного переоценил его шхуну.

Меньшиков тем временем рассматривал два листа бумаги, полученные от молодого царя. Их еще позавчера срисовал с планшета Андрей Кротов, а изображались там эскизы немагнитной исследовательской шхуны "Заря", построенной из дерева в середине двадцатого века. К сожалению, полных чертежей Новицкий найти не смог, и пришлось обойтись не очень подробными эскизами.

Меньшиков повернул листы так, чтобы на них мог смотреть и англичанин. Эдвардсу не понадобилось много времени, и уже минут через пять он заявил:

— Ваше величество, если русские мастера смогут построить такой корабль и обеспечить ему должную остойчивость, то на нем я берусь совершить кругосветное плавание не более чем за год.

— Да тут не только остойчивость, с прочностью тоже будет ой как непросто, больно уж корпус длинный и узкий, — покачал головой Меньшиков. — Но ежели на доброе дерево не скупиться, то построить его можно.

— Ограничений в деньгах не будет, — заверил кораблестроителя император. Он уже навел справки и знал, что уж чем-чем, а воровством Гаврила Авдеевич заниматься точно не станет, не тот это человек. Но, конечно, его обязательно надо дополнительно простимулировать.

— Значит, назначаю тебя главным строителем этого корабля, ваше будущее сиятельство. Да-да, именно так. Как только капитан Эдвардс примет у его тебя, ты тут же станешь графом. И ты, капитан, тоже без награды не останешься, коли сможешь обойти вокруг света. Так что начинай потихоньку набирать стажеров из наших, с коими, кроме своей команды, ты пойдешь в этот поход. Их потребно не менее шестидесяти, и ты их возьмешь салагами, а вернешь настоящими морскими волками. Кроме того, на этом судне должны расположиться еще сто человек, которые останутся колонизировать открытые по пути земли. Гаврила Авдеевич, от тебя потребуется обеспечить им достаточно места для дальнего путешествия. Начинай постройку, а когда до ее окончания останется год, скажешь, дабы я мог начать подбирать переселенцев на будущие русские земли.

Глава 8

Кристодемус, получив новое задание императора, не стал перенастраивать свой самогонный аппарат под нефть, а быстро сделал еще один, после чего приступил к получению бензина и керосина. Как водится, не замедлили последовать и научные результаты. Выяснилось, что керосин убивает микробов ничуть не хуже спирта, но вот пить его, к сожалению, в достаточных количествах нельзя. Зато он гораздо лучше и дольше держится на коже, оказывая на нее благотворное действие. С последствиями этого наблюдения император уже успел ознакомиться на торжественном приеме в свою честь, с удивлением заметив, что некоторые дамы из тех, у кого мужья или отцы были побогаче, воняют, как "Камазы" с протекающими баками. Вообще-то Шенда прав, прикинул Новицкий. Например, учитель труда в школе рассказывал, что у трактористов на руках никогда не было нарывов. И вообще, никакая рана не воспалялась — именно потому, что они всегда ходили по уши в солярке и смазке. Но в исполнении дам высшего света подобное, скажем прямо, смотрелось и, главное, обонялось довольно оригинально.

Цесаревна, которая до сих пор была не в курсе научных достижений астрального целителя, заинтересовалась и отправила Мавру разузнать подробности. Подруга не подвела, и сразу после окончания приема Елизавета поинтересовалась у своего Петеньки, не будет ли он против, если и она тоже попробует намазаться этим новейшим целебным средством.

Однако император почему-то не проявил ни малейшего энтузиазма.

— У тебя и так отличная кожа, — пояснил он. — А всякое лекарство, используемое без надобности, пользы точно не принесет, а вот вред может. Да и запах этот... что-то он мне не очень нравится. Особенно в такой концентрации, что исходит от этих коров. Они что, по ведру на себя вылили?

— Вряд ли, — подумав, сказала цесаревна. — Если уж маленький флакончик стоит двести пятьдесят рублей, то у кого в Питере хватит денег на ведро? Только у тебя и еще двух-трех самых богатых, и все.

Новицкий тут же почувствовал большое желание не сразу ехать домой, в Летний дворец, а перед этим заскочить в гости к Кристодемусу. Где попросить Федора взять целителя за шкуру, поднять и хорошенько потрясти. А самому в это время открыть магу глаза на огромный вред, который может нанести излишняя жадность. Ведь какие цены ломит, подлец, и при этом не делится! Нет, пора познакомить его с основами авторского права.

Если бы не Елизавета, то царь наверняка сразу после приема поехал бы к астральному

целителю, но отправлять ее одну не хотелось, тащить к Кристодемосу тоже, так что Сергей все-таки направился к себе, а не к магу. Впрочем, оказалось, что во дворце его ждет письмо, в котором Шенда приглашал в гости его величество. Ознакомиться с последними достижениями науки и получить две с половиной тысячи рублей — царскую долю прибыли от первой недели торговли керосином. Сергей сразу почувствовал себя каким-то нефтяным олигархом, а, немного подумав, признал, что на самом деле он гораздо круче. По каким ценам они продают нефтепродукты и по каким он? Им, паразитам, небось такие и в самых сладких снах не снились. Кстати, неплохо бы узнать, какова емкость того самого флакончика — пятьдесят миллилитров, сто или целых сто пятьдесят? Впрочем, последнее вряд ли, Шенда не склонен к излишнему расточительству.

Да, но ведь и я тоже, продолжил рассуждения император. Разумеется, на действительно нужных вещах экономить не следует, если только это не мешает финансированию еще более необходимых. Например, яхта мне, конечно, нужна. Но, блин, без позолоты, камина, посуды с драгоценными камнями и кровати под балдахином! Как-то противно уподобляться олигархам покинутого мира, которые ставят в личные самолеты золотые унитазы.

Дело было в том, что нелюбовь царя к нефункциональной роскоши уже привела к хоть и слабым, но все же протестам со стороны Ягужинского и Елизаветы. Они в один голос утверждали, что иногда все-таки надо чем-то потрясти окружающих, а иначе дело может дойти до неуважения как к трону, так и к сидящему на нем. И в подобных рассуждениях что-то есть, вынужден был признать Сергей. Однако теперь появляется возможность потрясти кого угодно немислимым расточительством, совершенно не впадая в хоть сколько-нибудь заметные расходы, а просто освещая свои дворцы керосиновыми лампами. Во народ-то очумеет, глядя, как там сгорают сотни и тысячи рублей в минуту! Вот только засекретить процесс перегонки нефти придется, конечно, очень основательно.

Однако Кристодемос никогда не был дураком и прекрасно понимал, что его керосиновые сверхприбыли канут в Лету сразу после раскрытия секрета нефтеперегонки, поэтому меры принял заранее. И не собирался ограничиться уже сделанным. Первую партию он гнал лично сам, а для последующих собирался построить хорошо охраняемый заводик, причем не в Питере, а за его пределами, хоть и не очень далеко от города. Кроме того, он уже заказал одному архангельскому купцу моржовое сало, а в ближайшее время собирался устроить утечку информации о том, что это и есть сырье для производства чудодейственного лекарства.

— Прочие свойства ты проверил? — спросил император.

— Да, ваше величество. Полоскание горла действительно хорошо помогает от простуды. Вши от керосина тоже поголовно дохнут, но вряд ли кто будет применять столь дорогой способ избавления от них, ибо хорошо натопленная баня помогает не хуже.

— Давно в России живешь, уже начал потихоньку забывать европейские реалии, — усмехнулся Сергей. — Вот скажи мне, много ли бань в славном городе Париже? Да и во всей Франции, по-моему, их ровно столько же, то есть ни одной. А вшей, пожалуй, всяко не меньше, чем у нас, если не более. И богатых людей тоже. В общем, налаживай экспорт, на первый год я тебе даже предоставлю налоговые льготы. Лично же мне на первое время хватит пары ведер керосина и одного — бензина. Торговать я ими не буду, это для домашнего употребления. Когда сможешь предоставить?

— Прямо сейчас, ваше величество. Но, наверное, нужен еще небольшой пузырек, дабы его кое-кому подарить?

— Нет, спасибо, — покачал головой император. А про себя подумал, что спать все-таки лучше с принцессой, чем с трактористкой.

Уже совсем было собравшись уходить, Новицкий вспомнил, что он хотел задать астральному целителю еще один вопрос.

— Скажи, Шенда, а ты не знаешь, что за мера длины такая — лье?

— Я все знаю, ваше величество, и это тоже. Сухопутный лье составляет четыре версты, морской — почти пять.

Ну и ну, сокрушенно подумал молодой царь. Это, получается, Нулин потребовал остров площадью как минимум в сто шестьдесят квадратных километров? Не дадут ему такой лягушатники, их жаба задушит. Да и хрен с ними, в конце-то концов, зато сильнее уважать будут. А бароном Ваську я и сам смогу сделать, если вдруг понадобится.

Визит к Кристодемусу состоялся утром, и Сергей, вернувшись в Летний дворец, оставшееся до обеда время посвятил обдумыванию связанных с нефтью вопросов. Пока их было только два, причем родственных — зажигательные снаряды и огнеметы. Надо же, Петр Первый, оказывается, их почти сделал, ему не хватило совсем немного! Ну, а сейчас времени будет достаточно. Но зря тратить его все равно не следует, ибо первые пять копий "Спря" уже заложены на Адмиралтейской верфи. Поначалу они будут плавать по Маркизовой луже, где им ничего не угрожает. Но уже в Балтийском море могут найтись желающие напасть на совершенно беззащитные с виду суденышки, а уж в океане тем более. И, значит, надо сделать так, чтобы их беззащитность была только кажущейся.

Трудность тут в том, что никакую пушку, способную нанести вред даже не очень большому кораблю, туда не поставишь — при первом же выстреле разломает корпус отдачей. Новицкий уже начал было размышлять о безоткатных орудиях, но сейчас сообразил, что можно обойтись и более простыми устройствами. В конце концов, огнемет — это не очень сложно, а его струя хлестанет метров как минимум на сто. Да, разумеется, корабельная артиллерия бьет дальше. Но какой смысл топить встреченную в океане яхточку? Ведь порох — он стоит немалых денег. Нет, ее попытаются захватить. А когда подойдут поближе, она и плюнет огненной струей. Корабли-то сейчас деревянные и даже ничем для уменьшения горючести не пропитанные, так что одного выстрела хватит любому вплоть до фрегата первого класса.

То, что пытались сделать Петр Первый и Корчмин, должно было работать от ручного насоса, однако Новицкий знал, что пиропатрон куда удобнее и мощнее. А сделать его можно на обычном черном порохе, только с измененными пропорциями, чтобы горел помедленнее. Если удастся добиться дальности струи в сто метров, что вроде вполне реально, то получится вполне приличное оружие ближнего боя. Ну, а для стрельбы вдаль придется изобрести что-то вроде противотанкового ружья. Или, точнее, крепостного, сейчас они даже состоят на вооружении русской армии. Но, разумеется, сделать его нарезным и казнозарядным, а пули — зажигательными. Правда, они получатся мелковаты...

Однако Новицкий знал, что недостаток качества в большинстве случаев можно компенсировать увеличением количества. В данном случае — выстрелить много раз подряд, тогда хоть одна пуля, да устроит пожар. То есть это ружье должно быть еще и многозарядным.

Император был в курсе, что нечто подобное, только с гладким стволом, тринадцать лет назад изобрел и запатентовал англичанин Джеймс Пакл. В общем-то его детище даже стреляло, но на вооружение принято не было сразу по двум причинам. Первая состояла в его недостаточном техническом совершенстве, из-за чего осечки происходили примерно через каждые десять выстрелов, а при повышенной влажности воздуха и чаще. Все правильно, прикинул Новицкий, ведь у этой дуры был обычный кремневый замок, на полку которого перед каждым выстрелом приходилось подсыпать порох. Но в России скоро появятся капсули своего производства, так что это узкое место исчезает. И вообще ее император видел уж всяко побольше конструкций револьверов, чем тот Пакл, да и Нартов тоже не лыком шит, так что с техническим совершенством у нас наверняка получится лучше, чем у англичан.

Правда, со второй причиной сделать скорее всего ничего не удастся, а ведь ходу тому ружью не дали в основном из-за нее. Называлась она очень просто — цена. В условиях начала восемнадцатого века барабанное ружье стоило примерно как сто обычных, и вряд ли даже Нартову удастся заметно изменить это соотношение. Так ведь ничего страшного, их нужно-то будет всего десятка два!

Переливчато дзинькнул звонок, что означало — обед готов. Сергей перекинул пару

тумблеров на стене, дернул за шнурок, и дежурный камердинер услышал сигнал "через десять минут можно". Император же взял большую тетрадь и записал туда краткие итоги своих размышлений. Запись гласила, что до возвращения в Москву ему надо как минимум нарисовать эскизы огнемета и револьверного крепостного ружья. А над зажигательными пулями пусть пока думает Ломоносов, авось у него что-нибудь да получится.

Однако все эти пули, огнеметы, яхты и ревизии деятельности Сената, коими царь занимался в процессе второго путешествия в северную столицу, по большому счету были всего лишь текучкой. Да, иногда довольно важной, в отдельных случаях совершенно необходимой, но все же...

В общем-то Сергей с самого начала подозревал, что у императора, если он, конечно, действительно император, а не хрен собачий, должна быть какая-то высокая стратегическая цель. Да, должна-то она должна, но где же ее взять? Пока Новицкий не мог придумать ничего, кроме весьма расплывчатого понятия о народном благоденствии. Как там было в одной книге, читаной в будущем? Кажется, так — "счастья всем, даром, и пусть никто не уйдет"...

Каким именно, Новицкий точно вспомнить не смог, но ему казалось, что здесь наиболее подходящим словом будет "не посланным". Это ж какое может быть счастье на халяву, да еще и всем без разбора? Нет уж, желающим подобного надо сразу, коротко и энергично, указать маршрут их дальнейшего следования. Вот только к разгадке смысла понятия "всеобщее счастье" это, к сожалению, не приблизит.

Поэтому молодой царь решил для начала сузить исследуемую проблему и свести ее к двум вопросам:

— Правда ли, что чем сильнее государство, тем быстрее оно развивается?

— Есть ли связь между благосостоянием основной массы народа и силой государства, а если есть, то какая именно?

Так вот, во время путешествия из Москвы и пребывания в Петербурге Сергей решил для начала попытаться набрать материалов для ответа на второй вопрос. Кое-что уже появилось, но оно было каким-то странным. То есть связь однозначно прослеживалась — любое изменение силы государства обязательно приводило к изменениям в материальном положении крестьян. Но, что удивительно, в любую сторону! Этого Новицкий пока не понимал, в силу чего, уезжая в Питер, озадачил бабку сбором сведений по обозначенной теме, а сейчас собирался нагрузить тем же самым коменданта Летнего дворца.

Что интересно, у Нулина оказалось свое мнение по данному вопросу, причем достаточно логичное.

— По разумению мужиков, — объяснил он, — власть должна быть не сильной и не слабой, а средней. Ибо если она слабая, то мужика тиранят все подряд, от своих старост до проезжих бар с купцами. А коли сильная, она этим волю не дает, но зато сама дерет с крестьянина три шкуры.

— А у меня какая, как думаешь? — поинтересовался император.

Нулин, разумеется, знал, что на правдивые ответы, даже если они ему и не очень приятны, царь никогда не гневается, а вот наоборот — бывает, и довольно часто. Поэтому честно ответил:

— По моему разумению, государь, пока еще довольно слабая. Но все же не такая, как была год назад.

— Ясно, — хмыкнул Новицкий, — то есть в ближайшее время мне можно не беспокоиться, что мои усилия приведут к волнениям или даже бунтам. Но ты, пожалуйста, за этим посматривай и в случае чего постарайся меня предупредить заранее. Согласен, господин старший комендант?

— Согласен, вашеество... а старший — это как?

— У меня же в Питере не один дворец. В каждом кто-то заправляет, где хорошо, где плохо. Вот я и решил, что над ними всеми должно быть особо доверенное лицо, то есть ты. Указ напишу к завтрашнему обеду, а ты пока подумай, как его применять будешь.

Полуторного жалования по сравнению с нынешним тебе хватит?

— Конечно, государь!

Однако император неплохо знал бывшего своего камердинера, а ныне коменданта, поэтому вздохнул:

— Ладно, чего с тобой сделаешь, запишу двойное. Но если напьешься на радостях — полгода у меня вообще задаром пахать будешь.

Глава 9

К середине июня император получил еще одно подтверждение того, что, в общем-то, знал и раньше. Мало сначала изобрести, а потом сделать какую-нибудь интересную вещь. Надо еще придумать, как справиться с последствиями ее внедрения, далеко не все из которых станут вызывать удовлетворение!

Вот, например, наклепали в мастерской Академии наук керосиновых ламп. И что теперь, можно развешивать их по стенам Летнего, а потом и Зимнего дворца? Фигушки. Сначала надо придумать, как сделать, чтобы оттуда не воровали керосин. И уж тем более не тащили его вместе с лампами! А то ведь иначе новшеством получится наслаждаться меньше недели.

Стоп, осадил безудержный полет мысли Новицкий. К каждой проблеме надо подходить системно, то есть первым делом разложить ее на элементарные составляющие. В данном случае их будет две. Или воровать начнут свои, то есть приближенные к императорской особе. Так и хорошо, пусть лучше они на здоровье тащат керосин, чем что-либо иное, действительно ценное. Авось еще на нем попадутся, не с первого, так с десятого раза. И не успеют проявить свои гнусные наклонности так, чтобы нанести этим существенный вред державе или ее императору. Ну, а против чужих придется принимать какие-то специальные меры. Например, есть такое существо — собака.

Вообще-то Сергей не очень любил собак из-за их склонности обгавкивать едущие велосипеды. Причем некоторые даже пытались кусаться, что и вовсе не доставляло никакого удовольствия будущему царю. Попав в прошлое и заняв трон, Новицкий начал подумывать о том, чтобы завести кота, но пока все как-то не доходили руки. И сейчас, похоже, тоже не дойдут, вздохнул император. Ибо кота трудно будет приучить лаять на запах керосина, а собаку, наоборот, очень легко. Только надо выбрать самую мелкую, чтоб у нее, скотины, было поменьше возможностей кусаться. И, значит, гости будут подвергаться обнюхиванию на входе и на выходе, а его результаты зафиксируются в специальном журнале. Если пришел без запаха, а уходишь с ним — то тут все ясно. Как говорится, тебя посадят, а ты не воруй. И хорошо бы использовать разоблаченных воришек так, чтобы они приносили пользу делу дальнейшего развития добычи и переработки нефти. Да, но на перегонный заводик их отправлять нельзя, а то ведь придется ликвидировать по окончании срока, что, пожалуй, будет все-таки слишком. Ссылать в Баку не стоит по той же самой причине. А что там Кристодемус собирался выдать за керосиновое сырье? Моржовое сало! Значит, отправляем воруяг на самый север Архангелогородской провинции. И срок определяем не в годах, а в моржах, которых осужденные должны забить голыми руками. Интересно, морж крупнее или меньше тюленя? Да какая разница, вздохнул молодой человек, ибо размеры тюленя он тоже представлял себе весьма смутно. Но все же сказать, что он вовсе ничего не знал о моржах, было бы преувеличением. Как-никак императору с детства было известно выражение "хрен моржовый".

Однако собака — это будет только первая линия обороны, продолжил размышления Новицкий. И одной ей не обойдешься. Впрочем, во всех дворцах достаточно высокие потолки. И, значит, лампы надо крепить именно к ним, а не к стенам, причем повыше. Так, чтобы до них было не допрыгнуть. И пусть охрана не пускает гостей со стремянками. В общем, даже так уже появляется надежда, что керосин не испарится в первый же вечер, а потом, может, удастся придумать и еще что-нибудь.

К концу июля слухи о чудесных лампах, коими освещался второй этаж Летнего дворца, уже повсюду гуляли по Петербургу. А когда царь собрался устроить в честь Фридриха большой прием в Зимнем, где на время этого мероприятия тоже должны были появиться керосиновые лампы, от желающих туда попасть не было отбоя.

Император даже не удивился, когда одна лампа погасла задолго до окончания мероприятия, а ее исследование показало, что керосина в ней нет. Собачий контроль ничего не дал, гости все пришли без лестниц...

Да как же этот ворюга ухитрился, недоумевал император. Это стало ему настолько интересно, что он, переборов нелюбовь ко всяким официальным мероприятиям, решил через неделю устроить еще один такой же прием на том же самом месте.

Уже на следующий день у Новицкого появилось подозрение, почему керосин слили именно из этой лампы. Она висела в боковой комнате, примыкающей к ассамблейному залу, и в момент начала танцев это помещение наверняка пустовало. Кроме того, лампа свисала чуть ниже двух других. Немного, сантиметров на пятнадцать, но, видимо, для вора это оказалось критично. Ладно, подумал император, а приподнимем-ка мы ее сантиметров на пять — что будет? И еще надо прикинуть, как организовать незаметное наблюдение. Вот, например, куда ведет эта дверь — в какой-то закуток? Отлично, осталось только снабдить его небольшим перископом.

Всю официальную часть приема император провел как на иголках, хотя в потайном закутке и дежурил Нулин. Но наконец она кончилась, и объявили танцы. Елизавета давно знала, что ее Петенька танцевать не любит, поэтому и не обратила на его исчезновение особого внимания. Царь же почти бегом метнулся в комнату с лампой, а из нее — в закуток.

— Никого тут не было! — доложил старший комендант.

— Хорошо, иди, понаблюдай за гостями, а я пока здесь посижу.

Сергей настроился на длительное ожидание, но уже минут через пять в комнату вошла девушка. Оглянувшись, а император оглядел ее. Ничего так, довольно миловидная, но явно не из богатой семьи. Такие юбки, как у нее, вышли из моды еще лет пятнадцать назад, небось за матерью донашивает или старшей сестрой. Сейчас они начинаются от талии, а эта доходит аж до груди, из-за чего дама выглядит несколько странно — как колокол с головой, руками и почти полностью открытой грудью.

Девушка тем временем глянула вверх, подошла прямо под висящую немного ниже других лампу, чуть присела... а потом Новицкий даже не сразу понял, что произошло. Посетительница, упершись руками в бока, вдруг одним ловким движением выпрыгнула из юбки. Выпрямилась, стоя на ней, а странная юбка продолжала стоять так, как будто была не из тряпок, а по крайней мере из дюраля!

Гостья тем временем подняла руки вверх, вытянулась, привстала на цыпочки... но ей не хватало как раз тех пяти сантиметров, на которые была укорочена цепочка лампы. То есть до низа девушка доставала, а до пробки — нет.

Вид, между прочим, воровка имела весьма импозантный. Дело в том, что под юбкой-пьедесталом у нее, оказывается, вообще ничего не было. Верхнюю же часть платья изображало нечто вроде короткой маечки, не доходящей даже до пупка.

Император привстал, собираясь явить гостье свою особу, но она то ли что-то услышала, то ли почувствовала, и, сдвинув ноги, мгновенно провалилась внутрь своей юбки. Так что, когда Новицкий появился из-за двери, глазам его предстала вполне пристойная картина. Дама сделала что-то вроде книксена и пораженно вскрикнула:

— Ваше величество? Я глазам своим не верю! Какая приятная неожиданность!

— Да ты не очень старайся, я все видел, — усмехнулся Сергей. — Кто же это тебе такую юбку интересную сделал?

Девушка так побледнела, что это было видно даже в не столь уж ярком свете трех керосиновых ламп.

— Жду ответа, — напомнил император.

— Никто, ваше величество, я сама... — потерянно прошептала пойманная с поличным.

— Что?! Сама, говоришь? А ну-ка вытряхивайся. Ну, быстро выпрыгивай обратно, неужели неясно?

Не медля ни секунды, девушка исполнила царское повеление. Затем, видимо, не совсем правильно поняв его мотивы, попыталась призывно улыбнуться, но это у нее получилось как-то не очень — улыбка вышла скорее испуганной. И потянулась к застежкам своей маечки, но тут ее ждал облом. Император заглянул внутрь юбки, хмыкнул, приподнял ее, потом упер в пол и сильно надавил. Поднял голову и поинтересовался:

— Точно сама? Тогда скажи мне, из чего и каким способом сделаны вот эти круги, кои придают ей форму.

— Они называются шпангоуты, ваше величество. Сделаны из гнутых над паром буковых реек. Стрингеры — березовые, усиливающие уголки сосновые.

Открылась дверь, ведущая в коридор, и в комнату зашла цесаревна. От увиденной картины она потеряла дар речи, но быстро пришла в себя и спросила:

— Что тут происходит?!

— Тут, Лиза, у нас с тобой керосин воруют, причем довольно интересным способом, — весело отозвался Новицкий.

— Как? И кто это такая?

— Девушка, представьтесь, пожалуйста. Что? Дорогая, это какая-то Елена с неразборчивой фамилией. Как воровала? Лена, бери юбку и еще раз продемонстрируй нам с цесаревной свой метод неправомерного заимствования керосина.

Показ произвел на цесаревну сильное впечатление, по завершении него она даже не сразу сообразила закрыть рот. Но потом все-таки опомнилась, покачала головой и, приподнявшись на цыпочки, прошептала на ухо императору:

— Петенька, а ты можешь ее не очень строго наказывать? Я тебя прошу.

Если бы на месте Елизаветы был кто угодно другой, то он наверняка бы услышал ответ "да я ее вообще наказывать не собираюсь". Однако цесаревна редко о чем-нибудь просила, а когда это все-таки случалось, то после выполнения просьбы она ближайшей же ночью пылко и изобретательно выражала свою благодарность. Так что Сергей сделал вид, будто задумался, после чего изрек:

— Хорошо, не буду. Хотя, конечно, придется постараться, чтобы остальные не рассматривали данный эпизод как карт-бланш на подобные действия.

Если честно, царь не очень понимал, какие мотивы сподвигли его подругу на столь выдающийся приступ человеколюбия. Неужели она тоже разглядела высокое техническое совершенство юбки-подставки? Как-то это на нее не очень похоже. И что она еще придумала?

— Петя, пусть Елена зайдет ко мне, я дам ей какую-нибудь юбку, а то ведь, по глазам вижу, эту ты хочешь забрать с собой. И заодно расспрошу, как она вообще дошла до такого, у меня это, думаю, получится лучше, чем у тебя. Может, ее тяжелая жизнь довела? А потом приеду к тебе, но только, наверное, довольно поздно, так что ты без меня спать не ложись.

Новицкий кивнул, дамы удалились, а царь отправился в ассамблейную залу — побеседовать с Нулиным.

— Беда, государь, — расстроено отрапортовал ему старший комендант. — Ничего наша Муха не унюхает.

Вообще-то Сергей и сам так думал, но все-таки выразил желание услышать подробности.

Мелкая беспородная собачонка по кличке Муха была выбрана не остроту обоняния, потому как запах керосина трудно не заметить даже при полном отсутствии такового, а за ум и сообразительность. И, действительно, уже через три дня Муха неплохо определяла не только искомый запах, но и его концентрацию.

Когда к ней подвели лакея, только что вымазавшего руки в керосине, она фыркала с таким видом, что казалось — сейчас сплюнет от отвращения. И раздражалась визгливым истерическим лаем. Потом первый лакей несколько раз трогал второго, и он подходил к

собаке. Та раз-другой гавкала нормальным голосом. Затем второй обнимался с третьим, и вот этого псина определяла уже на пределе возможностей — то есть сначала растерянно чесала задней лапой в затылке, а потом неуверенно тявкала.

Так вот, неделю назад на входе воняли керосином всего две дамы. Одна танцевала только со своим мужем или любовником — в общем, с тем, с кем пришла. Вторая одарила вторичным запахом двух гвардейских офицеров, а те — еще четырех дам третичным. На выходе Муха без особых трудностей указала именно на тех, кого уже взяли на заметку подчиненные Нулина.

Однако сегодня на входе интенсивно пахли уже пять дам, а не очень — три кавалера. И вся она орава развила на балу такую активность, что наблюдатели сбились со счета где-то на пятом десятке, и это при том, что всего гостей было восемьдесят восемь.

— Ладно, отменяй выходное обнюхивание, воришка уже пойман.

По физиономии Нулина было видно, как ему хочется узнать подробности, но он, естественно, промолчал. Потому как уже хорошо понял, что императору можно и нужно задавать необходимые для выполнения его приказов вопросы, а вот прочие лучше держать при себе. Надо будет — его величество сам все расскажет.

Самое интересное, что царю хотелось узнать те самые подробности не меньше, чем старшему коменданту. Но, в отличие от него, он сильно подозревал, что его любопытство скоро будет удовлетворено. Не ночью, там найдутся и другие темы для бесед, да и то на две трети состоящих из междометий. Однако утром цесаревна наверняка расскажет о своем разговоре с девушкой, соорудившей себе юбку по типу самолетного фюзеляжа.

Елизавета не обманула ожиданий Новицкого ни ночью, ни утром, и за завтраком царь услышал подробное жизнеописание Елены Лукьяновны Татищевой.

— Ее девичья фамилия Верещагина, — начала цесаревна и посмотрела на своего Петеньку с таким видом, будто тому она должна быть знакома. — Дочь того самого.

Император немного удивился, ибо он знал всего одного Верещагина — таможенника из "Белого солнца пустыни". Но вряд ли собеседница имела в виду именно его. А она продолжила:

— Да-да, известного кораблестроителя, помощника Федосея Склеява.

А вот про этого Сергей и читал в двадцать первом веке, и слышал в восемнадцатом.

— Ее отец умер в тринадцатом году, когда девочке было всего полтора года, и Склеяв взял ее в свою семью.

Ага, прикинул Новицкий. Выходит, она мне ровесница. Правда, это знаю только я, а остальные считают, что Петру Второму пятнадцать лет.

— Приемный отец днями пропадал на верфи, а часто и ночевал там, девочке же было интереснее с ним, чем с мачехой. А уж когда Федосей овдовел, Елена стала сопровождать его почти везде. Вот так она и выросла среди кораблей и корабелов.

По крайней мере, теперь ясно, откуда она знает про шпангоуты и стрингеры, сообразил молодой царь.

— Склеяв научил ее английскому и итальянскому языкам, а также математике с механикой. И еще одной науке, придуманной им незадолго до смерти.

Цесаревна достала из недр своего платья небольшую бумажку и прочитала:

— Математическому расчету прочности балок и их соединений.

Специалист по сопромату, мысленно восхитился Новицкий. И вполне приличный, если судить по юбке. Да куда же ее Лиза дела, пусть немедленно тащит сюда! Вот уж чего-чего, а без работы она точно не останется.

— Приемный отец Лены умер четыре года назад, а перед смертью просил своего друга, с которым они вместе начинали службу в Преображенском полку, позаботиться о его приемной дочери, и тот взял ее в жены. Несмотря на разницу в возрасте, поначалу их брак был счастливым. Но уже тогда отставной гвардии поручик время от времени крепко выпивал, а сейчас потерял всякую меру в питии, так что жизнь бедной девочки превратилась в ад.

С этим император согласился сразу. Ведь муж-алкоголик — это, наверное, даже хуже матери-алкоголички, а уж с такой-то ситуацией Сергей был знаком не понаслышке. В общем, стало ясно почти все, кроме самого главного. С чего это цесаревна вдруг так озаботилась судьбой девицы, которую вчера вечером увидела впервые в жизни?

Правда, в ее речи содержалось аж целых два объяснения данного факта. Что само собой было некоторым перебором, даже если не учитывать их содержание. Якобы Елизавете стало жалко бедную девочку. Кроме того, она никогда не забывала, что ее Петенька ищет таланты, и, значит, решила обратить его внимание на еще один. Так вот, первый пункт Новицкий отмел сразу, за полной его фантастичностью. Да и со вторым были серьезные сомнения, потому как цесаревна заинтересовалась Татищевой сразу, даже толком не взглянув на ее произведение. А если бы взглянула, то все равно ничего не изменилось бы. Для того чтобы оценить всю изящность данного технического решения, требовалось разбираться в механике и немного — в сопромате, а этим Елизавета похвастаться никак не могла. Тогда что же стоит за ее порывом?

Сергей начал было обдумывать возникшую проблему, но тут же одернул себя. Слишком мало информации, блин! Так можно додуматься вообще до хрен знает чего, примеры уже были — и, к сожалению, неоднократные. Нет, голову ломать пока не надо, а следует просто глянуть, какова окажется эта девица при ближайшем рассмотрении. И что в дальнейшем предпримет цесаревна.

Глава 10

Как говорил Козьма Прутков, чьим именем император собирался воспользоваться уже этой осенью, "если у тебя есть фонтан — заткни его". У молодого царя фонтаны были, причем не в единственном числе, находились они в Петергофе и требовали на поддержание себя исправности определенного количества денег. Поэтому сразу после ухода цесаревны, отправившейся в Зимний за Еленой Татищевой и ее юбкой, Новицкий начал думать, под каким бы предлогом те самые фонтаны заткнуть, в полном соответствии с заветами одного из мудрейших героев русской литературы. Потому как смета, недавно представленная архитектором Земцовым, с точки зрения Новицкого явно нуждалась в корректировке. Ведь надо начинать строить большую шхуну для Эдвардса, его команды и русских стажеров, кои станут плавать под его командованием, а тут, понимаешь, какие-то фонтаны! И, как будто их мало, еще всякие не очень нужные дома. Ладно, Мастеровой двор для петергофских государственных крестьян почти готов, так что его Михаил Григорьевич пусть заканчивает — разумеется, не забывая об экономии. Но он там собирается возвести еще и Кавалергардский, для придворных и за почти вдвое большие деньги! А морды у них не треснут? Чай, не баре, пусть пока так обойдутся. По крайней мере до прибытия второго золотого обоза с Урала.

Дело было в том, что в ближайшие дни император собирался посетить свой загородный дворец в Петергофе, куда пока еще ни разу не наведывался ни он, ни настоящий Петр Второй.

Будем называть его "предшествующим", одернул себя молодой человек. Ибо иначе можно прийти к подсознательному выводу, что он, Новицкий, какой-то не совсем настоящий император. А это, разумеется, будет полнейшей неправдой. В общем, царь желает посетить один из своих дворцов, и точка. Елизавета, например, давно уже побывала во всех своих владениях, вникла в дела по их приведению в порядок и теперь только иногда просит денег. Но, надо отдать ей должное, не слишком часто и в разумных пределах. Хотя у нее в Питере и окрестностях было аж три места постоянного проживания.

Во-первых, царь подарил ей примерно четверть Зимнего дворца, потому как в Летнем свободного места уже не оставалась. Нет, одна Лиза там как-нибудь поместилась бы, но вот ее свита — точно нет.

Восстановительные работы в Сарском шли полным ходом, и вскоре на месте

сгоревшего дома должен был появиться хоть и небольшой, но вполне приличный дворец.

И, наконец, достроечные работы в Стрельне завершились еще весной, так что на пути в Петергоф теперь было куда завернуть в гости по дороге.

На этом государственные размышления пришлось прервать, потому как цесаревна вернулась в Летний дворец, теперь уже в сопровождении керосиновой воришки. Та была в скромном платье, которое Новицкий, кажется, пару раз видел на Елизавете, а вчерашнюю юбку несла в руках.

А ничего так фигурка у девочки, прикинул Сергей. На пару сантиметров повыше Лизы, немного ее худощавей, и грудь примерно на размер меньше. Но отметил это император как-то отстраненно. Можно сказать, из чисто эстетических соображений, без малейших признаков эротики. Ибо Елизавета ночью превзошла сама себя, и теперь, даже появившись в кабинете толпа обнаженных красавиц, Новицкий думал бы только о том, как их побыстрее отсюда выгнать, а то здесь и так тесновато.

Елизавета, приведя свою подопечную к императору, тут же заявила, что в шпангоутах и прочих корабельных ребрах она ничего не понимает, в силу чего поддерживать беседу не сможет. Кроме того, ей надо ехать в Сарское, причем желательно побыстрее, ибо туда привезли окна, кои следует самой осмотреть перед тем, как их начнут ставить на место. И отчалила, пообещав вернуться послезавтра вечером. Сергей проводил даму до дверей приемной, а потом, вернувшись в кабинет, сел рядом с гостьей и предложил:

— Покажи руки, Лена.

Та в недоумении показала.

— Нормальная кожа, ни трещин, ни воспалений, ни бородавок, — хмыкнул император. — Вшей, думаю, у тебя тоже нет. Или все-таки есть?

— Нету, ваше величество...

— Очень хорошо. И вообще, от тебя пахнет духами, а вовсе не керосином. Тогда зачем он тебе понадобился?

— Продать, государь, — покраснев, опустила глаза Татищева.

— И почему, если не секрет, ты реализовала первую порцию? Кстати, сколько там было?

— Три шкалика. Хотела продать за двести рублей, но графиня Левенвольде дала только сто двадцать. Говорит, что у нее больше нет.

— Врет, — машинально уточнил молодой царь, но потом соотнес цифры и возмутился:

— Почти двести миллилитров керосина за сто двадцать рублей? Да это же наглый демпинг! И как у тебя только совести-то хватило?

Однако, глянув на воспитуемую и увидев, что она того и гляди расплатится, Сергей решил ее слегка утешить:

— Не волнуйся, у тебя будет возможность возместить ущерб, после чего все мои претензии исчезнут. На что хоть деньги-то потратила?

— На портвейн, — смущенно созналась девушка.

— Да это же будет почти бочка! Куда тебе столько?

— Не мне, ваше величество, это мужу моему. Очень он португальское вино любит, гораздо больше водки, но денег на такую роскошь у него уже давно нет.

Новицкий с уважением глянул на собеседницу — он ее вполне понимал. Давно, еще в двадцать первом веке, он от отчаяния иногда и сам собирался сделать нечто подобное. Купить два-три ящика водки и принести их матери! Она же как начнет хлестать, так и не сможет оторваться, пока не сдохнет. Три раза у Сергея появлялись достаточные для проведения такой операции суммы, но он так и не смог решиться. А Лена, получается, смогла... хотя, конечно, муж — это все-таки не мать.

— И как результат?

— Да никак, — зло ответила заботливая жена. — Хлещет, ирод, по ведру в день уже неделю, морда вся синяя стала, а больше ничего с ним, пропойцей, не делается.

— Если действительно по ведру, то это у него только вторая стадия, — со знанием дела просветил даму император. — Еще бочки три понадобится, не меньше. Хотя, конечно, если

время от времени прятать портвейн, чтобы он не мог сразу опохмелиться, то, возможно, требуемый результат наступит и быстрее. В общем, здесь все ясно, и давай перейдем к твоему будущему. Перед тобой сейчас три пути. Первый — оставить все как было, только не забыть возместить мне стоимость украденного керосина. Второй — стать фрейлиной цесаревны, ты ей чем-то понравилась. Третий — служить при мне лейб-инженером. Что выбираешь?

— А разве бабы могут служить?

— Интересно ты рассуждаешь. Собаки, и те могут! Кроме того, ты не какая-то там баба, а довольно красивая молодая женщина, веснушки тебя нисколько не портят. Это я в порядке констатации факта, а не намек на что-нибудь этакое, так что можешь не делать вид, что смущаешься.

— Я, конечно, хочу быть при вашем величестве... но только делать-то мне что придется?

— Для начала — внимательно изучить вот это, — царь протянул ей папку с чертежами "Спрея". — И составить мнение, что тут хорошо, а что не очень. После чего познакомить с ним меня. Что дальше — пока сам не знаю, но без работы ты точно не останешься. И, кстати, у меня остался еще один вопрос. Как ты смогла дотянуться до лампы, понятно. А дальше-то что? Все равно в таком положении сливать керосин очень неудобно.

Вместо ответа Татищева подняла руки к шее, на которой красовалось нечто вроде тонкого серебряного обруча, и в три движения развернула его. Теперь у нее в руках была примерно полуметровая трубка с загнутым концом.

— Если немного отсосать и, как керосин пойдет по трубке, прекратить, то в рот ничего не попадет, — пояснила она. — А флакончик в юбке, между двумя слоями ткани. Я, когда прыгивала туда, успела его спрятать, ваше величество ничего и не заметили.

Ну-ну, прикинул император, в изобретательности девушке не откажешь. Но ставить ей обратную задачу, то есть не отлить керосин, а, наоборот, придумать, как что-то кому-то незаметно подлить, еще рано. Надо получше присмотреться, что она за человек. Хотя по первому впечатлению — такой, какой надо. Но почему же, черт побери, она оказалась здесь в общем-то случайно? Ведь поиском талантов в области кораблестроения занимался Меньшиков, и не может быть, чтобы он не знал про дочку Верещагина. Или все-таки может? Пожалуй, это можно выяснить прямо сейчас.

— Скажи, Лена, а знакома ли ты с Гаврилой Авдеевичем Меньшиковым?

— Знакома, — снова смутилась Татищева. — Он все с Федосеем Моисеевичем ругался — мол, не место девке на верфи, а когда отчим помер, и вовсе перестал меня туда пускать.

— Ясно, — кивнул император. Потом достал из ящика стола рабочую тетрадь, открыл на странице, где перечислялись ответственные за поиск способных людей, нашел там Меньшикова и поставил рядом с фамилией вопросительный знак. После чего предположил:

— И ты, понятное дело, тут же на верфь ходить перестала.

— На Галерную — конечно. А на Адмиралтейской Гаврила Авдеевич не командир, там господин Най управляет, а он меня не гнал.

— То есть его ты неплохо знаешь? Тогда расскажи мне, что это за человек.

Минут десять молодой царь слушал славословия в адрес Осипа, а если точнее, то Джозефа Ная. Однако когда они закончились, заметил:

— Мне почему-то кажется, что ты хочешь еще что-то сказать, но не решаешься. Коли так, то зря.

Девушка замаялась, но потом решила и выпалила:

— Он слишком старательный! Если нужен корабль, чтоб был не хуже, чем у кого-то, то он его обязательно сделает. А вот когда понадобится лучше, то может и не справиться. Лучший же в мире корабль ему не сделать никогда, он о таком и не помышляет вовсе. Все его корпуса слишком широкие, он не умеет рассчитывать их прочность, поэтому делает с запасом. Его так учили, и ничего другого Най знать не желает, отчего, хоть и дружил с Федосеем Моисеевичем, часто с ним ссорился.

— Интересно, — улыбнулся Сергей. — Най, значит, построить выдающийся корабль не сможет. А у кого, по-твоему, это получится?

— Ни у кого, государь, потому что мой приемный отец уже четвертый год как умер. Вот он, пожалуй, смог бы.

— А ты?

— Так у меня же опыта нет совсем!

— Хорошо, упростим задачу. Пусть требуется сделать не корабль, а кораблик. Но все равно лучший в мире.

Дальше Сергей подробно рассказал, зачем ему понадобились яхты типа "Спрея".

— Я, наверное, смогу такую яхту начертить, — неуверенно начала девушка. — Но вот построить — вряд ли. Тут надо уметь мужиков в узде держать, а у меня не получится.

Вообще-то император планировал закончить беседу с Татищевой до обеда, однако она затянулась почти до ужина. И только в восемь вечера бывшая керосиновая воришка отправилась домой. Сергей же, проводив ее, задумался. Вроде все хорошо, но все-таки что-то не дает покоя. Во-первых, так и не прояснилось, чем именно Елена заинтересовала цесаревну. И, кроме того, Сергею казалось, что он не поговорил с гостьей еще о чем-то важном, но молодой человек не мог сообразить, о чем именно. Оставалось утешаться тем, что эта беседа была не последней.

На следующий день Сергей посетил обе верфи — сначала Адмиралтейскую, где под присмотром Ная строились "Спреи", а затем Галерную, на которой Меньшиков при соучастии Миниха создавали якобы новую царскую яхту-галеру, а на самом деле — первый в мире пароход. В общем, все оказалось ожидаемо. Там, где заправлял англичанин, народу толклось немного, однако кили уже начали обрастать шпангоутами, причем у всех яхточек в одинаковых количествах. На Галерном же острове обнаружилось явно излишнее количество рабочих, а само судно пребывало практически в том же состоянии, что и две недели назад.

— Фельдмаршал, как ты оцениваешь то, что здесь происходит? — поинтересовался император у Миниха, отозвав его в сторонку.

— Как бардак, ваше величество, — честно ответил вопрошаемый, давно уже набравшийся от царя новых для себя, но весьма выразительных слов. — Но по другому не выходит. Меньшиков всегда так работает, а он среди русских кораблестроителей сейчас лучший. Эх, жаль, что Склеяев помер...

Сергей кивнул. Да, Най, конечно, будет посильнее и как инженер, и как организатор, но он мало того что англичанин, так еще и собирается скоро вернуться на родину, выйдя на пенсию по старости. Вот и пусть рассказывает там про маленькие ботики, а про остальное лучше не надо.

— Но, я так думаю, в срок Гаврила Авдеевич все-таки уложится, — счел нужным уточнить Миних.

— Он что тут, совсем один всем руководит?

— Нет, у него есть два довольно способных ученика, но им пока рановато поручать самостоятельные дела.

Император постоял еще с полчаса — полюбовался, как Меньшиков лично подбивает кувалдой клинья на стапеле, а потом, наорав на плотника, берет у него топор и что-то там исправляет. Вдохнул и, подозревав кораблестроителя, сообщил ему, что все было очень интересно. Он, мол, благодарит господина Меньшикова и желает ему дальнейших успехов в труде, а сам отбывает, его ждут государственные дела.

Ими Новицкий занялся сразу после возвращения в Летний дворец. Заключались они в том, что Сергей снова достал тетрадь, куда вчера поставил вопросительный знак, и, покачивая головой, перечеркнул его вместе с фамилией. После чего позвал Нулина и поставил задачу — побыстрее разузнать все возможное о помощниках Меньшикова. А потом, если останется время, еще и Ная.

Однако задачу все равно как-то придется решать, подумал молодой царь после ухода старшего камердинера, заверившего, что времени ему хватит на все, даже еще и останется —

если, конечно, в процессе выполнения задания не придется экономить каждую копейку.

Итак, начал рассуждения Новицкий, Меньшиков — хороший корабельный инженер, но весьма посредственный организатор. И, кажется, не любит, когда те, кто стоял ниже него, вдруг поднимаются вверх. Най отличный организатор и к тому же не ревнив к успехам подчиненных, но как инженер излишне консервативен, да и возраст ему уже не позволяет дневать и ночевать на верфи. Если же вспомнить Москву, где под руководством Нартова создается машиностроительный завод, то там проблема вроде бы уже разрешилась. Андрей Константинович, конечно, гениальный инженер, но как организатор он всего лишь чуть выше среднего, причем сам это хорошо понимает. А заинтересовавшийся новинками техники Ганнибал — наоборот, и эти двое уже неплохо сработались. Правда, не сами по себе, а после того, как их свел и предложил работать вместе император. Да, но у него же не десять голов и не сто рук! Значит, нужно какое-то кадровое управление в секретариате. В котором будет подробная картотека на всех более или менее известных специалистов, а кадровики станут решать, как именно к этому инженеру приставить вон того организатора. Или даже сразу нескольких, ибо император сильно подозревал, что некоторым одного будет мало — все равно ухитрятся устроить бардак. Но только подбором кадров задачи нового управления, пожалуй, не ограничатся. Оно еще должно следить, чтобы его назначенцы не перегрызлись и не начали подсиживать друг друга в ущерб делу. Да, но где же людей-то взять?

Найти и выучить, решил император. То есть создать в университете еще один факультет — управленческий. Вот только кого туда посадить в качестве декана — это надо хорошо подумать.

Глава 11

Через пару дней после возвращения Елизаветы из Сарского император в ее компании отправился в Петергоф. Во-первых, конечно, отдохнуть, потому как до этого он с момента появления в Петербурге вообще работал без выходных. Тем более что вскоре в северную столицу должен был прибыть корабль с английским послом — ведь бумаги о восстановлении дипломатических отношений были довольно давно ратифицированы обеими сторонами. Сергей сильно подозревал, что посол захочет аудиенции у царя, тем более что и Миних, и Ягужинский, и Головкин тоже были такого мнения. Правда, относительно того, чего этот самый посол захочет и что будет предлагать, единого мнения у них пока не выработалось. А у императора его и вовсе не было — Сергей рассудил, что в данном случае незачем пытаться предугадать развитие событий. Вот приплывет посол, расскажет, чего ему надо, тогда и можно будет начинать думать. А пока, раз есть время, следует слегка отдохнуть. Ну и, конечно, на месте прикинуть, под каким бы предлогом заткнуть и глубоко законсервировать Петергофские фонтаны.

Что интересно, никто из высокопоставленных приближенных даже не заикнулся о том, что к прибытию гостя город надо хоть как-то подготовить. Либо не считали посла достаточно важной для подобных действий персоной, либо просто вполне оправданно опасались, что она подготовка на них и будет свалена. Однако Сергей, немного подумав, решил кое-что сделать сам, для чего перед отъездом имел довольно продолжительную беседу с лейб-инженером Татищевой.

Девушка быстро сообразила, какое именно устройство требуется молодому царю, сроки у нее тоже возражений не вызвали. Вопросов у Елены появилось всего два — какова потребная грузоподъемность заказанного изделия и как оно будет называться.

— Выдержать устройство должно пудов десять, — прикинул император. — Это в статике, но тут надо будет учесть и возможные динамические нагрузки. Понимаешь, о чем речь?

— Конечно, — кивнула девушка, — люди же на ней будут вертеться всячески.

— Вот именно, а назовем мы это как есть — раскладушкой.

Отдых прошел нормально. Правда, поначалу Сергею показалось, что Елизавета чем-то слегка обеспокоена, но потом он, кажется, разобрался, в чем тут дело. Похоже, цесаревну волновало, не зашли ли отношения императора с лейб-инженером несколько дальше совместного обсуждения всяких технических новинок. Новицкий даже собрался прямо ответить на этот невысказанный вопрос, но потом передумал. С какой стати ему начинать оправдываться, если он, во-первых, ничего такого не делал, во-вторых, в обозримом будущем не собирается, а в третьих, его никто прямо и не спрашивает? Видимо, Лиза и сама это поняла, потому как ночь и последовавший за ней второй день отдыха прошли просто великолепно. Затем снова последовала ночь, но уже не такая насыщенная, как первая, потому как молодые люди уже немного устали. И, наконец, утром они двинулись назад. До Стрельны доехали вместе, цесаревна там и осталась, а император продолжил путь в Санкт-Петербург, в свой дворец, куда прибыл как раз к обеду.

— Меня кто-нибудь хотел видеть? — задал он обычный вопрос Василию Нулину.

— Да, государь, и сейчас хочет. Та девка, которая лейб-инженер при твоей персоне. Я ей сказал пока в саду погулять, а то в приемной сейчас полы моют.

— Отлично. Тогда, значит, стол накрывай на две персоны и, как все будет готово, зови ее, а я пока буду в кабинете.

Елена пришла со свертком, в котором наверняка содержался плод ее более чем двухдневной работы, но стол был уже накрыт, и император предложил девушке сначала поесть. Ибо блюда могут остыть, а с тем, что она принесла, за полчаса точно ничего не случится.

— Ваше величество обедает всего полчаса? — удивилась девушка.

— Обычно мне двадцати минут хватает, если есть одному. Ну, а тут я на всякий случай заложил еще десять — вдруг тебя на красноречие пробьет? Хотя, конечно, это будет излишество, времени для беседы у нас и потом выделено вполне достаточно. Причем тогда разговор пойдет уже без риска подавиться костью или пролить какой-нибудь соус на платье.

Понято, что после такого вступления Татищева весь обед молчала. Император тоже работал челюстями, не отвлекаясь на разговоры, поэтому через восемнадцать минут после начала трапезы она была закончена.

— Сейчас уберут со стола, и можешь начинать показывать, — сообщил царь, отставляя стакан из-под молока и дергая за какой-то шнурок на стене. Сразу после чего в комнату зашли два лакея и почти мгновенно освободили стол.

— Ты, наверное, принесла то, что мы предварительно назвали раскладушкой? — уточнил Сергей.

— Да, государь. Но, разумеется, это не готовое устройство, а его вдесятеро меньшая модель.

Девушка развернула сверток и положила на стол деревянный прямоугольник размером примерно десять на двадцать сантиметров при толщине около трех. Повернула его боком, что-то сделала на нижней части, и у прямоугольника с негромким стуком развернулись четыре ноги. Но они торчали не вертикально вниз, а под небольшим углом в стороны. Примерно как у спортивного коня, через которого прыгают, прикинул император.

— Вот здесь три выдвижных ящичка, — начала пояснять и показывать Елена, — они пока пустые, я же не знаю, что там должно быть. А с этой стороны — два. В маленьком колесико и ось, в большом рукоять.

Сергей прикинул, как это будет смотреться в полном размере. Ничего особенного, стол как стол — правда, не совсем обычных пропорций. И ноги у него торчат несколько странно, но это понятно зачем — иначе не обеспечить должной устойчивости.

— Спрашиваешь, что будет в этих ящичках? — поднял царь глаза. — В крайнем слева-отрез зеленого сукна, чтобы им этот самый стол накрыть. В среднем — всевозможные указы о награждении, куда останется только по-быстрому вписать имя подлежащего оному. В последнем — какие-нибудь ордена и ценные подарки. В общем, с первой функцией все понятно. А что у нас со второй?

Татищева подцепила ногтями что-то в торце столешницы, и две планки встали сначала вертикально, а потом еще немного продолжили свое движение и окончательно остановились с наклоном градусов двадцать вперед. Наверху у них обнаружились маленькие дырочки, куда на тонкой стальной проволочке встало колесико из малого ящичка. Затем Елена подцепила еще две дощечки, но эти начали поворачиваться уже назад и встали практически горизонтально. Теперь бывший столик напоминал какое-то животное с длинной шеей и еще более длинным хвостом, точащим параллельно земле. В конце хвоста тоже были дырочки, куда девушка тоже вставила проволоку, но не прямую, а изогнутую наподобие автомобильного "кривого стартера". Потом достала откуда-то из-под юбки небольшую тряпичную куклу и нитку с петлей на одном конце. Эту петлю она надела на шею куколке, а свободный конец пропустила поверх колесика и намотала на прямой отрезок проволочки. Покрутила рукоятку, нитка, наматываясь на ось, натянулась, ноги куклы оторвались от земли, и она закачалась.

— Если... э... вот этот (Елена ткнула пальцем в висющую игрушку)... весом будет не более пяти пудов, то ничего даже придерживать не придется. А коли более, потребуется придерживать вот здесь, но с силой всего в полпуда.

— Отличная конструкция, — вынес вердикт император, внимательно осмотрев модель. — Теперь, наверное, тебе хочется узнать, зачем она вообще понадобилась? Спрашивай, я отвечу.

— Мне просто непонятно, государь, для чего такие сложности, — развела руками девушка. — Чтобы кого повесить, нужна только веревка, а все остальное везде найдется. А ежели надо кого наградить, то для того уже есть специальные места.

— Ну, во-первых, насчет повесить ты не совсем права, — усмехнулся царь, вспомнив обстоятельства прибытия пиратской шхуны в Петербург. — Иногда вокруг, как назло, ну совсем нет ничего подходящего. Однако назначение этого устройства — оно, скорее, внешнеполитическое. Кто живет на втором этаже восточного крыла Зимнего дворца, ты знаешь?

— Прусский принц Фридрих, он медведей боится, — хихикнула девушка.

— Уже не очень, пару раз даже погулять выходил. Правда, недалеко и с охраной, но у него еще все впереди. Так вот, недавно мы с ним имели беседу, и принц попросил меня познакомить его с механизмом управления империей. А откуда я ему его возьму, если сам пока как-то обхожусь без него? Но отказывать высокому гостю неудобно, вот ты и сделала модель того самого механизма. Теперь осталось только соорудить его в натуральную величину и показать Фридриху.

После демонстрации модели механизма управления державой беседа перешла на яхту "Спрей". Вообще-то император уже здесь, в прошлом, сообразил, что у Слокама была не совсем такая яхта, как у Врунгеля. "Беда" имела выступающий киль-плавник, а "Спрей" как-то обошелся без этой детали. Новицкий, обнаружив отличие, тогда задумался часа на полтора, в результате чего у него в голове родилась теория корабельной устойчивости. Сергей не знал, насколько она соответствует общепринятой, но эта теория работала, царь сразу проверил ее на простых моделях.

Итак, у любого плавсредства центр тяжести может быть или выше центра давления, то есть условной точки приложения выталкивающей силы, или ниже его. В первом случае устойчивость достигается только за счет ширины корабля. Пример такой конструкции — ящик. Его довольно трудно перевернуть, ведь при наклоне центр давления сдвигается в ту же сторону, что приводит к появлению выравнивающей силы. Но все это работает только до определенного угла наклона, после превышения которого ящик переворачивается уже сам. Император краем уха слышал термин "критический угол крена". Что это такое, он точно не знал, но подозревал, что как раз то самое. Так вот, по его прикидкам, большинство кораблей что в двадцать первом, что в восемнадцатом веке в смысле устойчивости были ящиками.

Однако есть и другие держащиеся на воде вещи. Например, рыболовный поплавок. Он совсем узкий, но в то же время никогда не переворачивается. Почему? Да потому, что у него

центр тяжести находится ниже центра давления. У такой конструкции критического угла вообще нет, ее можно перевернуть хоть на сто восемьдесят градусов — но, когда переворачивающая сила исчезнет, поплавков сам собой вернется исходное положение. По прикидкам Новицкого, "Спрей" все-таки был ящиком, хоть и очень похожим на поплавков. А "Беда" — поплавком, похожим на ящик. Именно из-за выступающего вниз плавника, в котором находилась то ли часть балласта, то ли вообще он весь.

И вот сейчас Елена объясняла Сергею именно это, причем не на пальцах, а с привлечением математики. От озарения Новицкого ее теория отличалась только большей проработанностью деталей и тем, что выступающий вниз плавник с грузом она называла балластным килем.

— Им можно снабдить только не очень большие яхты, — объясняла она императору, — ибо с увеличением размеров балластный киль не получится сделать достаточно прочным. Но ведь этот "Спрей" как раз и есть маленький! Настолько, что вниз спокойно можно будет вынести весь балласт. Это не только повысит ему устойчивость, но и позволит на треть увеличить площадь парусов. И, я так думаю, сузить и удлинить корпус, из-за чего он станет просто непревзойденным ходоком. Такую яхту вообще нет нужды вооружать, ведь она сможет легко уйти от любого нападающего.

Не совсем от любого, мельком подумал Новицкий. В штиль, например, от галеры такой "Беде" не убежать. Однако при наличии небольшого паровика получится даже это, так что в рассуждениях девочки действительно что-то есть. Правда, в таком варианте яхта получится уже не очень дешевой. И двигатель стоит денег, да и каркас балластного кия, небось, придется делать стальным, а загружать его свинцом. Отсюда вывод — такие яхты надо строить не вместо "Спреев", а в добавление к ним и в небольших количествах. Например, две или три штуки, для особо продвинутых экипажей. Правда, из-за торчащей вниз хреновины у суденышка увеличится осадка. Интересно, насколько?

— Примерно до семи футов, — пояснила Татищева. — Да, к самому берегу подходить будет труднее, но ведь не намного же! За все на свете приходится чем-то платить.

— Да, Лена, тут ты права, — вздохнул император.

Дело было в том, что после успешно проведенного запуска маяка в, так сказать, противоположную по отношению к ожиданиям Центра сторону он начал испытывать какой-то хоть и совсем небольшой, но все же дискомфорт. И в чем тут дело, Новицкий пока до конца не понимал, хотя кое-какие предположения у молодого человека имелись. Кажется, причина в том, что у него вдруг разом исчезла и конкретная цель, для достижения которой требовалось прикладывать все силы без остатка, и сильный противник, который на этом пути не простит ему никаких ошибок.

Во время учебы в центре имелось и то, и то. Целью было стать первым учеником и главным кандидатом на заброс в восемнадцатый век, да плюс еще подготовиться к выполнению своей, а не возложенной на него миссии. Причем так, чтобы никто ничего не заподозрил. А противником выступал весь Центр, это если брать в общем. Конкретно же — в основном Яков Николаевич Саломатин, мужик очень неглупый и совершенно не склонный к излишней доверчивости.

Первый этап Новицкий смог преодолеть нормально, но сразу после его завершения начался второй. Требовалось сначала усидеть на троне, а потом одновременно и закрепить свое положение, и собрать маяк, плюс запустить его. Врагов, причем отнюдь не безобидных, на этом пути тоже хватало. Но вот и второй этап завершен, так что теперь?

Единой великой цели, продвижение к которой заставляло бы напрягать все силы, просто нет. Вместо нее появилось множество частных типа грядущего завоевания Крыма и постепенной отмены крепостного права, которые вдобавок и не имеют ясно очерченных сроков. Сильный и четко персонифицированный враг тоже исчез. Но при этом, что удивительно, свободного времени почему-то не только не прибавилось, а стало даже меньше! Это случайность или, наоборот, закономерность, которую он, его императорское величество Петр Второй, пока просто не понимает по недостатку сообразительности?

Ладно, мысленно осадил себя Сергей, на сегодня хватит заниматься самокопанием, хорошего понемножку. А сейчас следует еще немного просветить свежеиспеченную лейб-инженершу относительно ее же высказывания о том, что за все приходится платить.

— Очень даже права, — еще раз повторил молодой человек. — И твоя новая должность тоже не исключение. У нее, как и у всего на свете, есть свои оборотные стороны. Не скажу, что такие уж страшные — вовсе нет. Возможно, ты их даже не считаешь неприятными, хоть это и не факт.

Однако выражение лица девочка не очень контролирует, отметил про себя император. В том же Центре она бы спалилась на счет раз. Хотя возможно, сейчас ее просто не припекает, а, как говорится, жить захочешь — и не так раскорячишься. Но чему, интересно, она радуется? Ладно, пора начинать объяснять ей про секретность и санкции за недостаточное внимание к этому важнейшему вопросу.

Татищева слушала внимательно, но, когда Новицкий закончил, он был почти уверен, что девушка ждала чего-то другого и теперь явно разочарована. Да она что, решила, будто я ее тут же начну настойчиво приглашать в постель, немного растерянно подумал молодой царь. Ведь не дура же и должна понимать, что даже при моей поддержке такой враг, как цесаревна — это очень серьезно! Тем более что и как я себя поведу, она тоже знать не может, потому как оно и мне неизвестно. Стоп, а если Лена точно знает, что Елизавета положительно отнесется к такому развитию событий? Ведь не просто же так они о чем-то беседовали весь вечер после покушения на кражу, да и утром времени у них было достаточно. Тогда сразу становится ясно, чем именно заинтересовала Лизу новая знакомая императора. Похоже, теперь придется разбираться еще и с этим. В общем, интересно девки пляшут, подытожил свои размышления Сергей, давая Елене подписать обязательство о неразглашении государственной тайны.

Глава 12

Императорский математик Мятный имел все основания гордиться собой и теперь вовсю оными основаниями пользовался. Нет, сказать, что он лопался от самодовольства, было бы, пожалуй, некоторым преувеличением. Однако сомнения в своей гениальности, все же изредка нет-нет да и посещавшие Александра Тихоновича, ныне окончательно отступили. Хотя, конечно, заурядный ум в такой ситуации смог бы найти и что-нибудь неприятное, но на то он и заурядный, чтобы ничего ни в чем не понимать и спотыкаться на ровном месте. Но не таков он, один из величайших ученых в мире! Ибо из бесед с другим, ничуть не менее великим, то есть господином Леонардом Эйлером, следовал именно такой вывод. Если, конечно, подойти к делу логически, но с этим никаких проблем у него отродясь не было.

Итак, Эйлер сказал, что новый метод счета, придуманный Мятным, на самом деле не такой уж новый, он был создан чуть более ста лет тому назад английским математиком Джоном Непером и называется логарифмическим исчислением. А его, Мятного, степенное число — логарифмом. Да и пусть себе, слово довольно красивое. Но ведь того Непера считают великим ученым, хоть он и ошибся в шестом знаке своих таблиц! Значит, и Александр Тихонович величина по крайней мере не меньшая, тем более что у него-то в таблицах все правильно как минимум до восьмого знака. А с природным числом, без коего затруднительно точно и быстро высчитывать проценты по долгам, получилось и вовсе замечательно! Эйлер, оказывается, только начал писать труд об этом, в то время как у него, Мятного, все уже лет пять как готово, включая и само число с десятью знаками точности, которое Леонард назвал основанием натурального логарифма. Пусть будет так, Александру Тихоновичу не жалко. Но ведь теперь выходит, что он, Мятный, ничуть не менее велик, чем Эйлер, которого признают во всей Европе. Правда, про меня там совсем не знают, прикинул императорский математик, но мне-то какое дело? Пусть себе и дальше прозябают в дикости.

А счетную линейку, подаренную Эйлеру и названную им "логарифмической", не жалко. Тот круг, что был раньше у академика, заметно хуже, сам же он работать руками

толком не умеет — в отличие от Александра Тихоновича, уже почти закончившего изготовление другой, более точной. Тем более что такая, какую он подарил академику, у него есть еще одна, будет с чем приступить к выполнению очередного императорского поручения.

Ни пол, ни крайняя младость девицы, коей ему предстояло помочь в расчетах корабля на прочность, Мятного не смущали. В конце концов, сам он уже в шесть лет считал в уме лучше любого приказчика, а этой целых девятнадцать! Правильно, не всем же быть гениями, просто способные люди тоже на дороге не валяются. И его долг — помочь им, тем более что император хочет того же самого, да еще и платит за это огромные по меркам Александра Тихоновича деньги. То же, что он впервые увидел корабли только в северной столице, приехав туда в составе императорской свиты — не страшно. Ибо все в мире подчиняется математическим законам, и нужно только уметь правильно их найти и с толком применить, в чем Мятный без ложной скромности считал себя одним из величайших среди ныне живущих людей.

Елена Татищева пребывала в смешанных чувствах. С одной стороны, теперь она могла не очень волноваться за проект яхты с балластным килем, которую император почему-то назвал "Беда". Понятное дело, небольшую, как это назвал царь, "модель", удалось построить быстро, всего за неделю, и она неплохо плавала. Однако это вовсе не означало, что настоящее судно поведет себя так же.

Например, если какая-то подставка может выдержать вес в один пуд, то насколько увеличится этот вес, если подставку сделать вдвое больше по всем измерениям? Самый простой ответ — два пуда — будет неправильным. Те, кто знает, что от удвоения всех размеров площадь увеличится в четыре раза и, значит, прочность тоже, скажут — четыре пуда. И тоже будут не правы. Правильный же ответ зависит от конструкции, и его расчет весьма непросто. Федосей Склеяев в конце жизни начал учить ему свою приемную дочь, но, во-первых, не доучил. А во-вторых, сам расчет был достаточно трудоемким и, главное, давал достоверные результаты только тогда, когда модель была меньше конечного изделия не более чем в десять раз. Однако императорский математик, которого его величество выделил в помощь Татищевой, смог заметно упростить расчеты. И, кроме того, господин Мятный замечательно считал в уме, совсем не пользуясь бумагой, причем никогда не ошибался. В результате чего эскизный проект "Беды" был готов даже несколько раньше срока, установленного царем, что явно его обрадует.

Однако с тем, о чем несколько раз Елизавета беседовала с Еленой, дела обстояли далеко не так хорошо. Попросту говоря, вообще никак — молодой император, похоже, видел женщину только в цесаревне, а всех прочих, в том числе и ее, Татищеву, воспринимал с каких-то совсем других позиций.

Когда Елена в первый раз услышала, что Елизавета хочет, чтобы новая знакомая заняла ее место при императорской особе, то, конечно, поначалу испугалась. Просто так кому попало царей не отдают! Наверняка тут есть какой-то тайный смысл, причем скорее всего опасный для неискушенной дворцовых интригах девушки. Однако цесаревна терпеливо объяснила, что это не так. Петя очень хороший, верный, добрый, нежный... в общем, Елена минут пять слушала комплименты своему предполагаемому галанту. Но он ошибается, думая, будто любит Елизавету! Она достаточно долго с ним живет, чтобы это понять. И, значит, движимая стремлением устроить счастье его величества, коего сама составить не может, цесаревна предлагает сделать это Татищевой. Она, мол, видит, что у ее новой знакомой это получится.

Разумеется, Лена поначалу не поверила в столь высокие и чистые устремления, но потом, подумав, признала, что они в какой-то мере могут быть правдой. Попросту говоря, император надоел своей молодой и красивой тетке. Но просто так взять и бросить его она, разумеется, не может. А вот если он это сделает сам, тогда совсем другое дело. Кстати, из этого следует вывод, что императорские милости от постельных утех зависят очень мало, иначе Елизавета не вынашивала бы подобных планов. То есть она уверена, что ее место при

дворе за ней и останется независимо от того, с кем будет спать его величество.

Тут Елена почувствовала смутную неприязнь к цесаревне. Сам царь, такой красивый, вежливый и абсолютно непьющий, выбрал ее среди великого множества желающих, поднял из нищеты и забвения, приблизил к своей особе, а она? Где у нее совесть, в конце-то концов?

Однако Татищевой, само собой, хватило ума придержать подобные мысли при себе, а цесаревне задать совсем другой вопрос:

— Я же совсем не знаю, как мне расположить к себе его величество! У меня ведь, кроме мужа, вообще никого не было.

Елизавета пообещала, что, разумеется, не оставит без советов неопытную девушку и все будет хорошо, но пока Лена вынуждена была признать, что сейчас она, пожалуй, находится даже дальше от достижения своей цели, чем в первый момент знакомства с его величеством. Более того, иногда ей казалось, что император в курсе их с цесаревной интриг! И с интересом смотрит, как они будут развиваться дальше, ибо сам он уже давно все решил. Но вот каково это решение, по его виду понять никак не получалось.

Михайло Ломоносов, бывший студент Славяно-греко-латинской академии, а ныне непонятно кто при его императорском величестве, в конце августа даже немного приболел. Наверное, просто потому, что с момента прибытия в Санкт-Петербург спать у него получалось от силы по четыре часа в сутки, да и то не всегда. Мало того, что ныне он вроде бы являлся учеником сразу двух господ академиков — Леонарда Эйлера и Даниила Бернулли. Так ведь приходилось еще изучать немецкий язык, ибо по-латыни можно было понять далеко не все. Плюс помогать Эйлеру учить русский, это тоже царь возложил на Михайлу. И, наконец, самое главное — наука химия. Именно так, без букв "а" и "л" в начале слова.

Основы сей науки разработал великий ученый Шенда Кристодемус, коего Михайло имел честь лицезреть не далее как три дня назад. Император, узнав, что Ломоносова начало лихорадить и заболело горло, лично привел к нему знаменитого лекаря. Правда, строго предупредив, чтобы Михаил Васильевич не вздумал его о чем-нибудь спрашивать. Мол, тогда ученый страшно разозлится, да так, что может вообще уехать из России.

Целитель приложил к груди больного деревянную трубочку с раструбом, сам притер ухом ее тонкому концу и вскоре сообщил его величеству, что, слава всевышнему, воспаления легких у пациента нет. После чего достал пузырек со страшно дорогим новомодным лекарством керосином, от которого, говорят, чуть ли не мертвые оживали, и велел прополоскать горло, но так, чтобы внутрь по возможности ничего не попало. Вкус у лекарства оказался на удивление мерзким, но Шенда дал запить его какой-то настойкой со вкусом меда, а затем приклеил к спине Ломоносова бумажные квадратики, намазанные чем-то желтым. Посидел минут пятнадцать, снял свои бумажки, протер спину Ломоносова тряпочкой, смоченной в водке, и удалился, оставив керосин, настойку, бумажки, именуемые горчичниками, и писаную инструкцию, как и когда все это применять. Уже через день Михайло почувствовал себя здоровым, но император приказал ему лежать еще два дня, согласно указаниям Кристодемуса.

Сколько его величеству пришлось заплатить за лечение, Михайло даже думать не хотел, ибо всему Петербургу было известно — менее двухсот рублей целитель вообще никогда не берет, даже в самых простых случаях, а обычно так и гораздо более того. Сам Ломоносов, пожалуй, дал бы лекарю рубля два. Хотя, наверное, и трех не пожалел бы — вон до чего быстро все прошло, только-только успел толком выспаться, а болезни как не бывало. Больше же — вряд ли, с божьей помощью и сам бы как-нибудь выздоровел, но молодой царь, видимо, решил иначе.

Однако этот Кристодемус велик, ничего не скажешь, лениво соображал бывший студент в процессе соблюдения постельного режима. Такое, как эта самая химия, придумать может далеко не каждый. Раз в две недели император прямо от него заявлялся к Ломоносову, доставал небольшую тетрадку и выдавал очередную порцию сведений, полученных от целителя. Причем память у его величества — ого-го! В ту самую тетрадь он почти не

заглядывал, в основном шпарил наизусть. А Ломоносов после этого придумывал, как можно проверить только что услышанное, и проводил опыты в специально для того созданной лаборатории. До сих пор все, что наговорил царю Шенда, так или иначе подтверждалось. Причем чем дальше, тем становилось интересней. После болезни Ломоносову предстояло исследовать вещество, кое должно получиться при пропускании газа хлора через нагретый раствор углекислого калия, то есть поташа. По идее должно образоваться соединение калия с хлором, и царь несколько раз повторил предостережение Кристодемуса, что с оным веществом следует обращаться весьма осторожно.

Друг Ломоносова Павел Хромов, приехав в Петербург вместе с царем, сразу был определен на проживание в Зимний дворец. Где ему в основном ставилась задача преподавать прусскому принцу Карлу Фридриху русский язык. То, что ученик ему достался весьма способный, Павел понял сразу. И не ошибся — трех месяцев не прошло с момента начала учебы, а принц уже говорит по-русски почти свободно, разве что с небольшим акцентом. Так у половины немцев, живущих в России годами, он куда заметней. И вообще Фридрих оказался весьма образованным молодым человеком, причем особый его интерес вызывала философия, которую он считал наукой всех наук, и тут Хромов был с ним в общем-то согласен. В отличие от государя, который как-то раз заметил Павлу:

— Говоришь, слово философия переводится с древнегреческого как "любовь к мудрости"? А что, довольно правильное определение. Она самая и есть, только, к сожалению, почти всегда не взаимная, каковое положение дел достаточно хорошо описывается русским словом "словоблудие". Однако я не возражаю против изучения данной дисциплины нашим дорогим гостем, но только при условии, если параллельно он освоит игру на барабанах.

При чем тут это, Хромов как тогда не понял, так и сейчас не понимал, однако каждый день вот уже два месяца подряд в западном крыле дворца по утрам начинался грохот, продолжавшийся ровно полчаса.

Некоторую робость принца Павел не замечал, ибо по складу характера тоже был весьма нерешительным, а иногда и просто боязливым человеком. И тоже весьма опасался возможного появления медведей, потому как родом он был из Москвы и не видел оных зверей ни разу в жизни, однако много про них слышал.

Адмиралтейский кораблестроитель Осип Най уже неделю чувствовал немалый прилив сил, причиной которого была продолжительная беседа с молодым царем. Петр Второй весьма комплиментарно отзывался о деятельности английского мастера, после чего заявил — до него дошли разговоры, будто Най жаловался на здоровье, старость и вообще начал подумывать о возвращении на родину. Кораблестроитель слегка обеспокоился, ибо слухи про молодого императора ходили самые разные, но все же, вздохнув, подтвердил, что такие мысли его иногда посещают. Ведь ему недавно уже стукнуло семьдесят, в таком возрасте пора задуматься о вечном, а умирать все-таки лучше на родной земле.

— Разумеется, я не буду препятствовать любому твоему решению, — кивнул Петр Второй, — но все же прошу об одной услуге. Даже, пожалуй, точнее будет — о трех. Первая — довести до конца программу "Спрей", но построить надо не двадцать яхт, а только двенадцать. Второе — еще четыре по проекту, именуемому "Беда", его на днях представит небезызвестная тебе Елена Татищева. И третье — сделать копию шхуны, на коей в самом начале лета прибыли английские пираты. Не обязательно точную, но основные параметры должны повториться.

— Но вроде было принято решение строить другую, больших размеров и трехмачтовую?

— Это, как говорится, журавль в небе, им будет заниматься Меньшиков, и еще неизвестно, что и когда у него получится. От тебя же я хочу синицу в руках. Ибо, несмотря на поговорку, на самом деле лучше, когда имеешь и то, и то. В случае согласия жалование тебе немедленно увеличивается на треть. Сделав же то, что я прошу, можешь удалиться на покой, причем с пенсией пятьсот золотых рублей в год, которая будет выплачиваться

независимо от того, где ты станешь жить. Хоть в Англии, хоть вовсе в Америке.

Разумеется, Най согласился. Вся высказанная царем программа тянула года на два, от силы на два с половиной. А такие деньги, как обещанная пенсия, в Англии получал далеко не каждый работающий кораблестроитель.

Император отодвинул бумаги и откинулся на спинку стула. Кажется, ничего недоделанного не осталось, и можно собираться в Москву, тем более что каникулы явно кончились, сегодня было уже второе сентября.

Ломоносов пока останется в Питере, ему еще учиться и учиться у Эйлера с Бернулли. В Москву ему возвращаться примерно в январе. А вот его дружок вместе с Фридрихом отправится в столицу, надолго оставлять прусского гостя без присмотра нельзя.

То, что Най согласится на его предложение, Новицкий в общем-то и не сомневался. В той истории он построил еще два ничем не выдающихся корабля, "Слава России" и "Северный Орел", после чего, получив те же самые пятьсот рублей пенсии, вернулся в свою родную Англию, где через полгода умер. Сейчас он закончит работы несколько раньше, так что пенсию ему придется выплачивать раза три, а то и вовсе четыре. Ничего, деньги не такие уж большие. Зато теперь у Ная появится время дома предаться прилюдным воспоминаниям, сколь щедр русский царь и как вообще замечательно жилось в России. Глядишь, будет попроще сманить пару-тройку, а то и больше корабельных инженеров, ибо свои, конечно, тоже появятся, но со временем, то есть отнюдь не завтра.

Мятный, разумеется, молодец, продолжил подведение итогов молодой царь. Причем, что удивительно, чем больше его хвалишь, тем сильнее он зазнаётся, но при этом тем лучше работает! Вполне возможно, что тут есть какой-то максимум, после прохождения которого с дальнейшими похвалами работоспособность математика начнет падать, но пока никаких его признаков не замечается. Александр Тихонович здорово помог Лене, и она смогла закончить свой проект до императорского отъезда в Москву. Это хорошо, теперь ее спокойно можно брать с собой, с постройкой яхт Най прекрасно справится и без нее.

Ну, а относительно планов Елизаветы Сергей был давно в курсе. Стоило только задуматься, что вообще происходит с его женщиной, а дальнейшее стало делом чистой техники — ведь не зря же из будущего были захвачены радиомикрофоны.

Прослушав первый разговор, император хотел было расстроиться, но почти сразу передумал. Подумаешь, вторая любовь хочет от него уйти. Так ведь и первая в свое время сделала то же самое, и Новицкий это прекрасно пережил. Тем более что Лиза в этой истории ведет себя очень порядочно — то есть не покидает своего Петеньку, пока в дело не вступила достойная замена. Кстати, весьма достойная, как не без оснований подозревал молодой царь. Хотя, конечно, с самим планом цесаревна немного перемудрила. Если бы она прямо предложила Сергею замену, то он, скорее всего, с ней согласился бы. Ну, а раз Лиза начала искать обходные пути...

Сразу по возвращении в Москву император собирался подарить ей довольно крупную сумму. И не отступится от своего намерения, не царское это дело, однако теперь у Лизы будет куда меньше возможностей потратить ее на всякие развлечения. Ведь его, Петра Второго, к ней приворожили! И ему теперь неинтересна никакая другая женщина, причем так будет до тех пор, пока не отворожат обратно. Письмо бабке уже отправлено, какую сумму взять за антиворожку, она знает, так что Елизавете останется всего двадцать процентов от тех денег, что ей даст царь, а восемьдесят на следующий же день вернутся в императорский карман. Поначалу Новицкий вообще хотел оценить ликвидацию последствий приворота во всю сумму, но потом устыдился. В конце концов, за год с лишним Лиза доставила ему немало приятных минут, так что пусть и ей что-нибудь останется.

Глава 13

Почти всю дорогу из Петербурга в Москву Елизавета проделала в карете, в отличие от прошлых вояжей, когда она не упускала случая покрасоваться верхом. В той же карете ехала

Елена Татищева, расстроенная тем, что не смогла выполнить просьбу цесаревны. Причем ведь она старалась не по приказу, ей молодой царь сразу понравился... но все было тщетно. И Елизавета в общем-то понимала, отчего так.

Ведь она же сама просила бабку сделать самый сильный приворот, который только можно! Несмотря на то, что он обойдется дороже обычного. Вот старая карга и выполнила ее пожелание, теперь для Пети никаких других женщин просто не существует. Причем он сам, кажется, чувствует неладное, хотя Елизавета изо всех сил старалась вести себя как раньше. Но царь едет какой-то грустный, почти ни с кем не разговаривает, даже с ней, своей Лизой.

Несколько дней назад у цесаревны даже мелькнула мысль нарушить основное условие бабкиного приворота, то есть взять и изменить Пете. Однако сразу стало страшно. Да, заговор действовать перестанет. И что будет, когда император узнает о похождениях своей единственной любовницы, верность которой он хранит с самого начала их отношений? А ведь узнает же, он всегда рано или поздно узнаёт все, что его интересует, в этом Елизавета уже убедилась. Ой, да тогда возвращение в опалу — это еще будет совсем неплохо. Однако цесаревне против воли вспоминался ее Петенька год с небольшим назад. Спокойный, с еще дымящимся ружьем у ног и шляпой в руке, он тогда стоял над телом только что убитого им Михаила Голицына и говорил о том, какой это был замечательный человек и как много они все потеряли из-за того, что он вдруг взял и помер. Так ведь про нее, Лизу, он сможет сказать еще лучше! Нет уж, чем его обманывать, лучше самой пойти и утопиться — наверное, будет не так больно.

В общем, идею с изменой цесаревна отвергла почти сразу, и теперь оставалось только одно — немедленно по приезду в Москву идти к бабке. Вот только возьмет за отворот она, надо думать, уж всяко не меньше, чем за приворот. Но это не страшно, Петя обещал дать денег, как только они вернутся в столицу. Пока же его надо как-то отвлечь от непонятных мыслей. Наверное, просто самой попросить его провести ночевку в Твери в ее постели. А то ведь так и до черт знает чего додуматься можно, несмотря на еще не снятый приворот. Вон, недавно Лиза читала душещипательную пьесу английского писателя Шекспира, там мавр Отелло задушил Дездемону именно из-за большой любви. Так Петя, небось, свою Лизу любит уж никак не меньше того арапа, и руки у него сильные. Эх, знать бы полтора года назад то, что она знает сейчас! Император ведь дарует ей милости вовсе не за постель, а за дружбу да за помощь в делах.

Кое-чем из своих соображений цесаревна даже поделилась с Еленой — разумеется, не всем и далеко не самым главным.

Татищева слушала свою высокопоставленную не то подругу, не то наставницу вполуха, а мысли ее текли сразу по двум направлениям. Первое было — какая жалость, что она не умеет ездить верхом! Сейчас бы подъехала к царю, что скачет в авангарде... впрочем, а дальше-то что?

Потом она оглядывалась на собеседницу и думала — нет, ну почему же эта стерва не ценит привалившего ей счастья? Петр, оказывается, в придачу ко всем своим достоинствам еще и верный, прямо как лебедь. Вдруг он заболит или, не приведи господь, помрет, когда узнает, что цесаревна хочет его бросить?

Тогда я ее сама придушу, и будь что будет, приняла решение девушка. И ей стало даже как-то легче.

Карл Фридрих Гогенцоллерн, наследный принц Пруссии, тоже ехал в Москву в составе императорской свиты. Разумеется, ему было любопытно посмотреть на бескрайние и, по сравнению с его родной Пруссией, почти безлюдные просторы России, но все же наибольший интерес у него вызывал молодой император этой огромной и дикой страны.

Перед отъездом сюда многие пугали его, говоря, что Петр Второй — жестокий и сумасбродный мальчишка, однако еще тогда Фридрих усомнился — то, что ему было известно про русского царя, входило в противоречие с подобными утверждениями. Подозрения, что на самом деле все обстоит совсем не так, получили пищу через несколько дней по прибытии в Санкт-Петербург и превратились в уверенность после первой же встречи

с императором. Тогда Фридрих еще не мог говорить по-русски, так что общаться пришлось через переводчика, в роли которого выступал лейтенант Леман.

Петр Второй выглядел немного старше своих пятнадцати лет, но к этому принц был уже готов. И сразу постарался понять — кого так напоминает ему юный император России? Разумеется, они никогда до этого не встречались. Может, какого-нибудь исторического или литературного героя — но кого же именно? С Александром Македонским никакого сходства ни внешне, ни в поведении. На Людовика Четырнадцатого в молодые годы Петр тоже вроде не похож.

И лишь за месяц до отъезда в столицу Фридрих понял, кого напоминает молодой царь. Того человека, каким хотел стать он сам, но только пока не очень-то получалось!

С первого взгляда простоватый и ничем особым не выделяющийся. Флегматичный. Фридрих ни разу не слышал, чтобы Петр повышал голос, и все, кого он расспрашивал про царя, это подтверждали. Однако это только маска, о чем на самом деле думает император, ни по лицу, ни по поведению догадаться невозможно, пока он сам того не пожелает. И маска у него явно не одна, раньше он действительно притворялся взбалмошным мальчишкой. Наверняка таким его считал Меншиков, в результате чего решил женить на своей дочери, невзирая на возраст императора и то, что она ему совершенно не нравилась. И что? Он и понять ничего не успел, как оказался в ссылке, где вскоре помер. А царя, что интересно, продолжали считать мальчишкой.

Потом он выразил Совету неудовольствие малым размером денежного содержания своей персоны. Тот не прореагировал, и теперь из восьми его членов двое мертвы, двое в Сибири, двое в ссылках по дальним имениям. И только Остерман с Головкиным избежали подобной участи — видимо, потому, что поняли — молодому императору лучше не перечить. Ныне Петр, несмотря на возраст, правит самодержавно, и, значит, маска мальчишки больше не годится. Вот он и надел другую. Причем, что интересно, молодой царь вроде бы ничего не делал сам — никого не отправлял в ссылку, не убивал и даже не грозил, но получалось почему-то всегда так, как он хотел. Эх, если бы Фридрих так умел! Тогда его отец, этот тиран...

Продолжить принц не посмел даже мысленно. Однако теперь он уже не воспринимал свое путешествие в Россию как наказание. У императора этой страны есть чему поучиться. Правда, сие не так просто, но все-таки возможно. И, кстати, до чего же милая и обаятельная тетка у Петра! Шепотом говорят, что Елизавета еще и царская любовница. Если бы точно не знал, кто она такая, принял бы ее за француженку — ее манеры и язык безукоризненны. Правда, похоже, сейчас между ними с Петром что-то произошло, хоть оба и стараются не показывать вида.

Принц вздохнул с легкой завистью — он в свои неполные двадцать лет был еще девственником.

Если бы кто-нибудь знающий математику, пусть и не так хорошо, как Эйлер или Мятный, вздумал бы графически изобразить зависимость настроения Платона Воскобойникова от оставшегося расстояния до Москвы, то у него получилась бы нечто вроде гауссовой кривой. То есть весьма похожей на колокол — в самом начале совсем низко, ближе к середине поднимается, а в конце снова падает. Именно в таком порядке и происходила эволюция душевного состояния Платона Семеновича по мере продвижения от Петербурга к столице.

Выехал он полуживым от страха, причиной которого был состоявшийся перед отъездом разговор с царем. И ведь чувствовал же, что делает что-то не то! Но все же решил, что так будет лучше, и рассказал царю правду. Но, к сожалению, не всю, за что и поплатился.

Воскобойникову было поручено определить, как относится к женщинам прусский принц. Так вот, рассказанная часть правды состояла в том, что он им не доверяет, побаивается и вообще не способен на хоть сколько-нибудь глубокое чувство. А то, о чем Платон Семенович решил умолчать — из этого правила было одно исключение. Но оно звалось Елизаветой Петровной и являлось любовницей молодого императора, что и

объяснило нерешительность Воскобойникова. Однако император как-то разобрался сам, и тут такое началось...

— Вы знали, что от вас требуется полная и точная информация, а не причесанная в соответствии с вашими представлениями о том, что мне покажется приятным или наоборот, — негромко говорил царь, глядя Платону в глаза, и тот не мог отвести взгляд. А когда смог, то обомлел — кроме них двоих, в кабинете неизвестно откуда появился Федор Ершов, причем почему-то с мешком в руках. Потом Платон догадался, что будет вынесено из Летнего дворца в этом мешке, и ему стало совсем нехорошо. Император тем временем продолжал:

— Раз уж вы так здорово умеете думать за меня, то поставьте себя на мое место и объясните — из каких таких соображений я сейчас не попрошу Федю свернуть вам шею? Чтоб другим неповадно было. Мне вот не приходит в голову ничего хоть сколько-нибудь убедительного.

Воскобойников собрал остатки сил и по возможности твердо ответил:

— Из тех, государь, что я уже все понял и более такого ни в коем разе не допущу. А коли меня сейчас уmertвят, то нового будет найти не так просто. Потом ему придется все объяснять, и еще неизвестно, поймет ли он с первого раза, несмотря на знание о моей незавидной судьбе.

— Хм, — покачал головой Петр, — действительно, что-то такое в подобных рассуждениях есть. Ладно, тогда пусть твоей судьбой сразу по возвращении в Москву займется уважаемая Анастасия Ивановна. Хотя, конечно, в результате твоих действий мое уважение к ней немного уменьшилось, и, разумеется, она будет поставлена в известность о таком не очень радостном факте.

Вот так и получилось, что из Петербурга Платон Семенович выехал, еще не отойдя от краткой, но содержательной беседы с молодым императором. Потом он потихоньку начал осознавать, что сохранил жизнь и даже здоровье, хотя имел все шансы чего-нибудь лишиться, отчего настроение сего достойного мужа поползло вверх. Однако где-то в районе Валдая он сообразил, что получившая выволочку бабка отнюдь не будет являться образцом всепрощения. Она, небось, при виде Воскобойникова и слово-то такое мигом забудет, что чревато весьма серьезными последствиями, ибо ее подручные тоже те еще звери. Единственное утешение — до смерти убивать его теперь не будут, но неприятности все равно гарантированы, это Платон ясно ощущал своей весьма чувствительной к опасностям пятой точкой.

Тут его возок обогнал Фридрих, скакавший в сопровождении здорового прусского гвардейца. Чего же тебе, сопля немецкая, какая-нибудь другая девка не глянулась, грустно подумал Платон Семенович и тяжело вздохнул.

Цесаревна была права в том, что царь во время пути в Москву был молчалив несколько более, чем обычно, но причину этого она определила неправильно. Ее Петенька не грустил, а был просто занят. До самого Новгорода он слушал портативный приемник, а источник сигнала, радиомикрофон, был установлен в карете, где ехали Елизавета с Еленой. Однако терпение у молодого человека скоро кончилось, ибо болтали девушки непрерывно, но при этом ухитрились не сказать практически ничего интересного. То же, что они все-таки как-то между делом сказали, император в общем-то уже и так знал. Поэтому скоро Новицкий решил поберечь заряд аккумуляторов и переключился на раздумья о произошедшем накануне отъезда.

Тогда он не только сделал внушение вдруг ни с того ни с сего ставшему слишком самостоятельным Воскобойникову — это произошло поздним вечером и заняло совсем немного времени. А перед этим его величество принимал вновь назначенного английского посла, сэра Томаса Ворда. И теперь жалел о том, что раций у него всего полторы, то есть одна вроде работает, а вторая как-то не очень. Радиотелеграфистов же до отъезда в Москву было ровно ноль, и Новицкий сильно подозревал, что и по приезду их окажется в точности столько же, несмотря на то, что четверо специально отобранных недорослей из

мелкопоместных дворян еще весной начали учить телеграфную азбуку. Вот и получается, что заграничные агенты у него вроде как есть, но толку с этого куда меньше, чем могло быть, ибо между вопросом и ответом на него может пройти месяц, а может и немного побольше.

Царя интересовало — то, что посол прибыл в Санкт-Петербург перед самым отъездом оттуда царя с приближенными, это случайность или результат хорошей осведомленности и точного расчета? Так как ответа пока не было, Новицкий на всякий случай решил считать правильным второе предположение. В его пользу говорило то, что посол собирался, как и ранее, жить в Петербурге, а не в Москве. И, видимо, не хотел, чтобы у царя было время это как следует обмозговать.

Этот Ворд уже приезжал в Россию в прошлом году, но ненадолго и в Москву, причем как раз тогда, когда Сергей был в северной столице, так что встретились они только теперь, когда договор об установлении дипломатических отношений был ратифицирован обеими сторонами и вроде как вступил в силу. Но почему англичане стремились оставить посольство в Питере? Один ответ у Сергея уже имелся — потому что здесь находится Сенат, с которым в отсутствии императора будет, наверное, проще договориться. В силу чего уже ближе к ночи в кабинет был вызван Нулин и поставлен в известность о новых задачах. Непосильными они для него не являлись, потому как прислуга им была завербована и в самом Сенате, и в большинстве домов сенаторов.

— В общем, от тебя требуется быть в курсе всего, что станут делать англичане. И первую очередь — кого и за сколько они захотят купить, пока меня тут не будет. Как думаешь, с кого начнут — с Ягужинского или хватит дурости сразу полезть к Миниху?

Дело было в том, что фельдмаршал оставался в Петербурге по крайней мере до января.

— С меня, — без тени сомнения заявил старший камердинер. — Вон, французы, и те сообразили, кто про тебя, государь, больше всех знает. Да и про все остальное тоже. А эти небось не глупее, да и наверняка не такие нищие. С них тоже остров требовать или можно деньгами?

— Не "или", а "и", — поправил Нулина царь. — И остров, правда можно поменьше, на первое время хватит пяти квадратных миль, причем запомни — морских, а не сухопутных, дабы не пытались подsunуть какую-нибудь мелочь. И деньги, это само собой. И про баронский титул не забудь, тоже пригодится. В общем, постарайся понять, что им тут нужно в действительности, а не только на словах.

А ведь правда, рассуждал император, оглядывая живописные окрестности Петербургского тракта, с чего это англичане вдруг спохватились? Одиннадцать лет прекрасно обходились без всяких дипломатических отношений, а теперь их вдруг резко подперло. Вообще-то Головкин еще весной говорил, что англичанам нужно увеличение поставок льна, пеньки и корабельного леса, причем желательно подешевле, на что император тогда ответил — против первого он ничего не имеет, а вот насчет второго — фигушки, обломаются просвещенные мореплаватели. Получается, это для них очень важно — или тут все-таки зарыта какая-то другая собака?

Сразу, как вернусь, засяду за рации и не слезу с них, пока обе не начнут нормально работать, принял решение император. А то и дальше будет как сейчас — узнать-то я в конце концов все необходимое узнаю. Но не окажется ли поздно, вот в чем вопрос.

Глава 14

Новицкий давно знал, что, если какое-нибудь дело не очень получается, то его можно отложить, а дальше события станут развиваться по одному из двух сценариев.

— Или после перерыва станет ясно, что на этом пути вообще ничего не светит и вся суэта была зря, надо искать другой.

— Или все-таки выяснится, где была ляпнута дурость, а от такого понимания уже совсем немного до прояснения, как сделать работу по уму.

Так вот, с радиостанциями дело сразу пошло по второму варианту. Сергей довольно

быстро убедился, что подстроечные конденсаторы в них, будучи почти неотличимы по виду, характеристики имели довольно-таки разные. Эти детали император делал сам, чтобы отработать конструкцию, а перед отъездом в Питер вручил Нартову чертежи и задание развернуть мелкосерийное производство, то есть за три месяца изготовить четыре штуки. Осталось только убедиться, что у Андрея Константиновича, в отличие от некоторых, они получились одинаковы не только внешне, после чего поставить два изделия в радиостанции и обнаружить, что они очень даже работают. К тому же телеграфисты все же кое-как освоили и прием, и передачу. Разумеется, к недоделанным рациям им ходу не было, они работали на тренажерах. Помощник крутил смазанный канифолью валик, в который при замыкании ключа упиралась тонкая сосновая планка и начинала противно пищать, почти как здоровенный самодельный наушник приемопередатчика. К приезду императора два недоросля из обучаемых преодолели рубеж тридцати знаков минуту, а два вообще могли и принимать, и передавать по сорок. В общем, прикинул Новицкий, осень им на натурные тренировки, а по санному пути можно уже будет отправлять бабкиной внучке Анюте, то есть польской княгине Екатерине Браницкой, очередную тайную посылку от отца. Правда, сам Алексей Долгоруков об этом был совершенно не в курсе, но, в конце концов, тайна потому так и называется, что про нее знают далеко не все.

В секретариате тоже не теряли время даром — указ, который Новицкий задумал еще год с лишним назад под рабочим названием "О вольности сословий", был уже почти готов. И, главное, ему придумали название, которое не содержало слова "вольность", а так же "свобода" и прочих. Потому как император помнил, что в изучаемой им истории за указом Петра Третьего "О вольности дворянства" кое-где последовали бунты, потому как крестьяне сочли, что там и про них тоже что-то было, но помещики эту часть просто зажилили.

Теперь краткое наименование готовящегося указа звучало как "О поощрениях", ибо свободу никому не предполагалось давать даром, а исключительно в порядке поощрения за что-либо. Например, за добровольно внесенную в государственный бюджет немалую сумму, или за воинскую доблесть, или... в общем, вариантов в том указе рассматривалось много. Полное же его название было всего на три слова короче официального императорского титула, причем даже сам Новицкий только после третьего прочтения понял, о чем там вообще идет речь.

И, разумеется, сразу по приезду в Москву Лиза получила вожделенные деньги, ибо недавно прибыл второй золотой обоз с Урала. Цесаревна тайно отправила Мавру в Дорогомиловскую ямскую слободу, после чего в Ново-Преображенский дворец еще более тайно приехал возок с бабкой-ведуньей. Она пробыла там до позднего вечера, а ближе к ночи появилась уже в Лефортовском дворце, где сдала деньги, получила из них небольшую премию и за чаем посвятила императора в тонкости только что состоявшегося обряда ликвидации последствий приворота.

Проводив начальницу Невидимой службы, молодой царь даже немного взгрустнул — все-таки с Лизой его многое связывало. Спать совершенно не хотелось, и Сергей решил попробовать свои силы в любовной лирике.

Нет, сам он писать стихов не собирался, настолько далеко его самонадеянность не простиралась. Император попытался вспомнить подходящее стихотворение Пушкина. Как там было — "Я вас любил. Любовь, еще быть может"...

К полуночи Новицкий припомнил две первые строчки и две последние, но вся середина стиха так и осталась покрытой мраком забвения. Можно, конечно, прикинул царь, просто соединить эти четыре строки вместе. Получится довольно красиво, но, к сожалению, без рифмы, а еще неизвестно, уже придуманы белые стихи или пока нет. Да и вообще Сергей сильно подозревал, что поэты изобрели их из меркантильных соображений — чтобы, значит, получать тот же гонорар за куда меньшие усилия.

Потом император постарался вспомнить, кому было посвящено стихотворение великого поэта. Кажется, у той дамы была какая-то слесарная фамилия. Зубило? Нет, скорее Штангенциркуль. Или Рейсмус?

На этом царь незаметно для себя так и заснул в кресле, уронив голову на почти чистый лист бумаги. И во сне ему пришло понимание — ту даму звали Керн, а в середине стиха поэт убеждал, что не собирается ее помогать.

Несмотря на некоторое неудобство позы, царь неплохо выспался. Выпил кофе, съел бутерброд и велел Афанасию передать питерской гостье Татищевой, что через полчаса император приглашает ее вместе посетить завод Нартова. Во-первых, Сергей собирался привлечь ее к проектированию первого паровоза. А во-вторых, предстояло немного поухаживать за девушкой. По поводу результата Сергей не волновался, ему был интересен сам процесс, ибо до сих пор он имел об ухаживании чисто теоретическое представление, полученное на уроках по сексуальной культуре. Полчаса же были нужны для того, чтобы вспомнить, когда и как надо начинать бросать на объект ухаживания восхищенные взгляды — и чем, вообще говоря, они отличаются от просто заинтересованных. В свое время это у Сергея получалось неплохо, преподавательница его хвалила, но с тех пор прошло уже без малого два года, что-то могло и забыться.

По дороге на завод император вкратце рассказал Татищевой о паровых машинах, заранее предупредив, что все ей услышанное будет являться государственной тайной. Потом любовался обалдевшей физиономией Нартова, причем дважды. Сначала — когда мастер увидел, что император явился на завод с женщиной, причем она совершенно явно не Елизавета. Немного отойдя от первого потрясения, Андрей Константинович впал во второе, обнаружив, что гостя не только разбирается в технике, но и свободно владеет метрической системой, которую император совсем недавно начал вводить вместо используемой до того дюймовой. По какому случаю объяснение конструктивных особенностей токарного станка последней модификации прошло несколько сумбурно, но это не помешало даме все понять и прийти в полный восторг.

На обратном пути Сергей решил, что от взглядов пора переходить к словам. В его исполнении это выглядело так:

— Да, просверлить три овальных отверстия в цилиндре не проще, чем добавить в золотник еще и функцию выпуска отработанного пара. Однако при этом тот пар, будучи охлажденным в процессе уже совершенной работы, охладит золотник. Потом свежая порция нового его снова нагреет, и так далее. Значит, часть энергии нагретого пара будет тратиться на регулярный подогрев золотника, чего нет в нашей конструкции, где пар не меняет своего направления, двигаясь всегда от рабочего торца цилиндра к выпускному. И, кстати, тебе не говорили, что ты очень красивая?

— Г-говорили... — пискнула Елена, покраснев так, что стало почти не видно веснушек. — Господин Осип Най мне так не раз говорил.

— А я думал, муж, — немного удивился Новицкий.

Было видно, что только присутствие императорской особы помешало собеседнице с отвращением сплюнуть.

— Вспоминать про этого пропойцу не хочу, — переведя дыхание, затараторила она. — Государь, а ты правда так считаешь? Ведь ее высочество гораздо красивей меня! А про паровой двигатель — вот только-только пришло мне в голову, что его можно сделать симметричным. Удлинить цилиндр так, чтобы выпускные отверстия оказались точно посередине, и делать впуск по очереди с двух концов. Тогда размеры, вес и стоимость увеличатся совсем немного, зато мощность станет больше в два раза. И... ваше величество, что вы на меня так смотрите?

Император, наплевав на последовательность, в свое время выученную под руководством Стерляди, глядел на собеседницу с удивлением, переходящим в искреннее уважение. Надо же, от самого простенького комплимента Лена придумала паровик двойного действия! А он все ждал, когда же до него дойдет Нартов. Интересно, а если ее поцеловать — она сразу компаунд изобретет или начнет с чего-нибудь менее революционного? Ладно, это ближе к вечеру, а пока...

— Ты вроде говорила, что хочешь научиться ездить на лошади? Я готов начать тебя

учить сразу после обеда. Да, и обедаешь ты сегодня со мной, согласна? Вот и отлично, тогда у меня будет еще две маленьких просьбы. Во-первых, не называй меня на "вы", когда мы наедине, а то мне начинает казаться, будто я чем-то перед тобой провинился. И всяких государей с величествами тоже не надо. Меня зовут Петр. Можно — Питер.

Дело в том, что Сергей был еще согласен, когда его называла Петенькой Елизавета, она все-таки заметно старше императора. Но Лена пусть зовет его Питером, как одного из любимых литературных героев, капитана Блада.

Обед прошел без особых неожиданностей, а вот начавшееся после него обучение основам верховой езды преподнесло императору сразу два сюрприза. Первый был так себе, но все же заслуживал внимания. Он состоял в том, что у Елены нашелся костюм для верховой езды по-мужски, то есть верхом, а не боком. И он был знаком императору — в почти таком же не раз ездила Елизавета, только теперь он был явно ушит под фигуру Татищевой. То есть цесаревна серьезно подошла к экипировке своей сменщицы, за что Сергей мысленно засчитал ей отдельный плюс.

Второй же сюрприз был куда весомей — Лена, хоть и говорила, что совсем не умеет ездить верхом, ухитрилась ни разу не свалиться с лошади, к разочарованию Новицкого, который уже был готов ловить даму на лету. И, естественно, опускаться на землю не сразу, а немного погодя. Она же, не падая, почти сразу научилась направлять кобылу примерно туда, куда надо, и даже смогла проехать метров четырехста.

Царь хорошо помнил свои первые уроки верховой езды и вынужден был признать, что у Лены сейчас получается куда лучше, чем у него тогда. Интересно, почему?

Немного подумав, Новицкий решил, что вряд ли это из-за его выдающихся способностей к педагогике. Скорее всего, тут сработало то, что его ученица, пусть сама до этого и не пробовала ездить, постоянно видела, как это делают другие. Да и лошадь наверняка не казалась ей огромным и непредсказуемым зверем, как Сергею два с небольшим года назад на первом уроке. В общем, они нормально, хотя и не очень быстро, доехали до огорода, на котором произрастало второе поколение всяких овощей из семян, подаренных его величеству могижанской княгиней Василисой Чингачгуковой, ныне уже год пребывающей в счастливом замужестве за лейб-гвардии полковником Степаном Шепелевым. Или, что почти то же самое, захваченных из будущего курсантом под номером семь Сергеем Новицким. Вот он и волновался, не подсунули ли ему в Центре какую-нибудь геномодифицированную дрянь, которая выродится уже во втором поколении. Хотя, конечно, Афанасий Ершов в каждом письме, кои он слал в Петербург два раза в месяц, в числе прочего осведомлял императора и о состоянии огорода. Однако царь, понятное дело, хотел взглянуть на растения своими глазами. Ведь почти весь прошлый урожай был пущен на семена! Даже жареные кабачки удалось попробовать всего два раза, да и то их пришлось готовить на конопляном масле. В принципе, и так получилось очень даже неплохо, но на подсолнечном они выходят все же явно вкуснее.

В отличие от Елизаветы, которая год назад проявила заметный интерес к тогда еще совсем небольшому огороду императора, Татищева сразу извинилась и сказала, что всю жизнь прожила в городе, огорода никогда не имела и потому ничего в этих растениях не понимает. Хотя, конечно, ромашки тут очень большие и красивые.

Пару минут Сергей высматривал, где его спутница нашла хоть одну ромашку, то есть не выполотый вовремя сорняк, потом проследил за ее взглядом и понял, что она имела в виду подсолнухи. Вздыхнул и сказал, что на сегодня уроки закончены, до вечера Елена свободна, а в девять он надеется, что она окажет ему честь отужинать в его обществе. После чего проводил даму до подъезда, помог слезть с кобылы, а затем в сопровождении дежурного десятка охраны поскакал в Ново-Преображенское. Ибо заводить новую любовницу, пока еще не все прояснено со старой, ему казалось некрасивым. И вообще было интересно, как поведет себя цесаревна. Предоставит возможность своему Петеньке объявить о грядущем разрыве отношений или сделает это сама? Император склонялся ко второму предположению, потому как считал тетку умной женщиной, вовсе не желающей испортить дружеские

отношения со своим царственным племянником. А это могло случиться, если она позволит ему считать себя виновным в их разрыве.

Елизавета не обманула ожиданий молодого царя. Она, с трудом сдерживая слезы, поведала о своем открытии. Мол, она поняла, что слишком стара для Петеньки, не может составить ему счастья и не хочет его ничем неволить. Император тут же вспомнил третью и четвертую строку пушкинского стихотворения, которое не давало ему покоя прошлым вечером. А Елизавета тем временем с чувством продолжала, причем и дальше почти по Пушкину. Сергей, постаравшись изобразить трагическое лицо, внимательно слушал. Понятно, прикидывал он, что это не экспромт — Лиза, небось, все давно продумала, да еще не раз отрепетировала со своей Маврой. Но все равно еще чуть-чуть — и я тут, пожалуй, от полноты чувств даже пущу слезу.

Наконец цесаревна закончила, и молодой царь в порядке поощрения зашмыгал носом и обнял свою Лизу, причем не как любовницу, а по-братски. Потом немного отстранился, кивнул, сказал, что никогда-никогда не забудет прекрасных минут, подаренных ему Елизаветой, и отчалил. Спросить, как у нее продвигаются дела с Фридрихом, можно будет и попозже. Потому как такого, чтобы она произвела впечатление на принца непроизвольно и незаметно для себя, просто не могло быть.

Сразу после ужина император еще раз припомнил конспекты по сексуальной культуре, имеющиеся в планшете и прочитанные сегодняшним утром. И, пока ничего не забыл, поднял глаза к потолку, с выражением признался Татищевой в любви и вручил заранее приготовленный букет подсолнухов — раз уж они ей так понравились, то трех штук не жалко. Та сначала вообще не поняла, о чем ей толкуют, а поняв, настолько разволновалась, что даже не смогла сама справиться с застежками платья, так что Сергею пришлось ей слегка помочь.

При виде обнаженной подруги у молодого царя возникло большое желание, но не совсем такое, какого он ожидал. Вообще-то он уже видел Елену полуобнаженной, но только снизу, где это не очень бросалось в глаза. Да и глянул он тогда на нее мельком, ибо его больше интересовала быстросъемная юбка-подставка. А сейчас Новицкому очень захотелось хоть чем-нибудь подкормить девушку. Ведь все же ребра сосчитать можно! Кто ее довел до такого состояния — неужели муж? Вот мерзавец пьяный! Чтоб ты побыстрее своим любимым портвейном до конца третьей стадии долакался, скотина, уж Нулин за этим проследит. Какая этому козлу женщина досталась, а он? Тьфу, да только.

Император потянулся было к шнуру звонка, чтобы велеть тащить с кухни все, что там есть, но вовремя спохватился. Немедленного эффекта все равно не будет, а Лена может не понять и обидеться. Поэтому Сергей просто нежно приобнял девушку за плечи и уложил ее на кровать. Потом разделся, на что у него ушло менее тридцати секунд, погасил обе керосиновых лампы и лег рядом.

Глава 15

Проснулся Сергей рано и в замечательном настроении — так и хотелось сделать кому-нибудь что-то хорошее. Что касается Елены, которая еще спала, то тут все ясно — ее надо накормить сытным и вкусным завтраком, а потом подарить лошадь. На сегодня этого хватит, а дальше видно будет. Однако Лиза тоже молодец — как уверенно и быстро она произвела замену! Царь даже толком огорчиться не успел, как стало и не с чего. Пожалуй, зря я стряс с нее за отворот так много, подумал Сергей. Хотя, с другой стороны, деньги-то государственные!

Тут император понял, что всплыла еще одна проблема. Да, он самодержавный монарх, который с полным правом может считать все государственное своим. Но ведь это означает всего лишь то, что личных денег у него вообще нет! Вот он и вынужден тратить на сугубо личные нужды бюджетные деньги, что не очень правильно — он же, в конце концов, не какой-нибудь ворюга Табуреткин. Выхода из такого положения всего два. Первый — вообще

отринуть все личное, но к такому подвигу молодой царь мало того что был абсолютно не готов, так еще и не собирался готовиться. Второй — провести четкую границу, где его личные деньги, а где его же, но государственные.

Итак, император — это должность, начал прикидывать Новицкий. Причем ее не занимают на общественных началах, а, значит, тут положена зарплата. Пусть это пока будет сто рублей в месяц. Мало, конечно. Если кто узнает, что он за такие копейки управляет государством, то будет стыдно, но ведь обнародовать эту сумму вовсе необязательно. На большую же я пока не заработал. Вот как совершу что-нибудь выдающееся, то сначала дам себе премию, а потом и вовсе повышу оклад.

Значит, продолжил рассуждения молодой царь, с зарплатой все ясно. Но ведь он имеет право и на побочные доходы! Например, кто указал Баташеву места залегания золота? Вот-вот, а это означает, что и ему здесь тоже что-то причитается. Сколько? Ну, например, двадцать пять процентов, как через почти триста лет будет положено по закону. Стоп, но это же не клад, а содержимое недр, которые государственные... да и больно жирно будет по миллиону в год на игрушки тратить! В общем, с золота мои пять процентов, и все тут. В конце концов, я же самодержец, напомнил себе Новицкий. И, значит, могу произвольно назначать любую цифру. Все? Нет, еще остаются отчисления Кристодемуса. Вот это, пожалуй, придется забрать себе целиком, к государственным деньгам их не отнесешь никак. Фигушки, а подоходный налог? Пусть будет как у людей, то есть тринадцать процентов, которые пойдут государству с платежей целителя. Значит, таковы пока и будут мои личные доходы, из которых я имею полное право делать подарки своим как настоящим, так и прошлым женщинам. В общем, тысячи полторы Лизе можно спокойно подкинуть из личных средств. А вот если у нее нормально получится окрутить Фридриха, то это уже будет государственное дело, и премия за него пойдет из бюджета.

Вообще-то обычно за завтраком царь ел немного, но сегодня пришлось поднапрячься, чтобы не смущать Елену, которая, по мнению Новицкого, явно нуждалась в усиленном питании. В общем, хоть и с трудом, но им удалось съесть все, что наташили подчиненные Афанасия, после чего Татищевой была поставлена задача — нарисовать эскизный проект паровой машины двойного действия, идею про которую она высказала вчера. А Сергей отправился к Новодевичьему монастырю, близ которого располагалась биологическая лаборатория Невидимой службы. Бабка сказала, что там уже достигнуты определенные результаты, и Сергей хотел поглядеть, какие именно.

Эта лаборатория была создана весной как зародыш будущего института народной медицины, ибо Новицкий на своем опыте убедился, что никакой другой медицины в России пока просто нет и, главное, ее и создавать-то не из чего. Так что пусть подруга бабки Настасьи, Агафья Васильевна, собирает своих старых учеников и учениц, набирает новых и начинает исследования. Под это дело было выделено две тысячи рублей в месяц, дом на западе Москвы и два микроскопа. Или, точнее, полтора, потому как второй имел всего лишь пятидесятикратное увеличение и из всех микробов в него можно было рассмотреть разве что инфузорий.

Сразу после принятия решения о создании лаборатории Сергей побеседовал сначала с бабкой, которая брала новое дело под свое общее руководство, а потом и с Агафьей Васильевной. Его интересовало — достаточно ли широкие у ней взгляды, чтобы заниматься не только методами исцеления, но, так сказать, и обратными. Бабка сразу заявила, что со взглядами у ее подруги все в порядке, она уже лет двадцать помогает ей, Анастасии Ивановне, именно таким образом, о коем намекнул государь. Ну, а личная беседа это подтвердила, так что добрым старушкам была поставлена первая задача. Требовалось создать средство, которое вызвало бы у принявшего его мощную и неудержимую диарею — или, если говорить проще, то понос. Причем надо, чтобы он продолжался подольше. Идеальный же вариант — диарея становится хронической, но тогда нужен и метод ее излечения, если понадобится. Всем этим молодой царь собирался осчастливить Станислава Лещинского, когда тот соберется ехать в Польшу для участия в королевских выборах.

Обе старушки встретили императора на пороге лаборатории, и Анастасия Ивановна сразу перешла к делу:

— Получилось у Агафьи Васильевны исполнить твое задание, государь. Видел бы ты, как он у нас дрищет! Прямо фонтаном, и уже вторую неделю подряд. Да еще аппетит-то какой у поганца прорезался — жрет, как в прорву, и все тут же с другого конца из него вылетает. Можешь сам посмотреть, только придется поближе к отхожему месту подойти, а то он от него надолго отходить не может.

— Нет уж, я лучше тебе поверю на слово, — улыбнулся царь. — И, кстати, кто "он"? На ком вы тут опыты ставите?

— Так на поганце Платошке Воскобойникове, — немного удивилась вопросу бабка. — Дабы он, ирод, покрепче запомнил, как надо приказы вашего величества исполнять.

— Не помрет он у тебя на ниве служения науке? А то ведь для него помаленьку новые дела вырисовываются.

— Да вроде не должен, за ним же следят денно и ночью. А что похудел — так это ему только на пользу. Ишь, как на твоей службе отъелся, даже брюхо начало появляться! Нет, такое ему ни к чему, пусть блюдет фигуру.

— Государь, дозвожь к Анастасии Ивановне обратиться? — подала голос вторая бабка.

— Дозволяю, — обернулся к ней Новицкий, — а вообще здесь вы командуете, так что в будущем разрешений спрашивать не надо.

— Поняла, — кивнула травница и сообщила начальнице Невидимой службы:

— Подруга, ты не забыла, что болезного пора взвешивать? Он, поди, скоро из нужника выйдет, как раз будет самое время.

— Бойтесь, как бы не растолстел? — улыбнулся император.

— Нет, государь, тут все сложнее, — пояснила Агафья. — От постоянного поноса он потихоньку теряет воду, что в теле его содержится, и просто питьем тут не поможешь. Потеряет пятнадцатую часть веса — и это, почитай, уже почти покойник. При холере, например, именно так и получается. Однако еще мать моя знала секрет особой смеси, которая при питье помогает от потери воды, и меня готовить ее научила. Ну, а теперь мы с Настасьей этот рецепт еще немного улучшили и смотрим, как он помогает. Девятый день пошел, а Платоша потерял воды пятидесятую долю от своего веса или совсем чуть более.

— Так ваше снадобье должно и против холеры помогать, и против дизентерии?

Второго слова бабки не знали. Сергей, как мог, описал симптомы, и вскоре было решено, что это, скорее всего, злой понос. Агафья сообщила:

— Про него не знаем, ни разу не пробовали, им под Москвой редко кто болеет. А от холеры помогает, но немного. Наверное, теперь начнет действовать лучше, но мы пока это не проверяли.

Потом травница ушла взвешивать Воскобойникова, а царь поинтересовался у бабки, как ей понравились микроскопы.

— Очень полезные приборы, государь, — был ответ. — Особенно тот, что увеличивает поболее. Небось, за границей деланы?

— Почти угадала. Тот, что похуже, действительно голландский. А хороший сделал наш русский мастер, Иван Беляев.

Когда Сергей в прошлом году приехал в Питер, то он, естественно, осмотрел микроскопы, имеющиеся в Академии наук. Беляевские ему понравились, но, так как автора при них не было, царь обратился к Блюметросту с вопросом о его судьбе. И услышал ответ — помер Иван Елисеевич несколько лет назад. Сколько именно, он, Лаврентий Лаврентьевич, не помнит.

На всякий случай Нулину было поручено узнать, не оставил ли мастер учеников и что с его семьей, если таковая есть, но при втором посещении северной столицы молодого царя ждал сюрприз — Беляев оказался живехонек. А в Академии он не появлялся уже четыре года потому, что там мало того что перестали платить жалование, так даже не возместили стоимость материалов для последнего микроскопа, купленных Беляевым на свои деньги. В

общем, император тут же и в двукратном размере урегулировал финансовые затруднения, после чего узнал, что лучшие линзы для беляевских микроскопов шлифовал немец на русской службе Иоганн Лейтман, ныне тоже пребывающий в Санкт-Петербурге.

— Вот я их и привез сюда, — закончил вступление Новицкий. — А от тебя требуется помочь им создать небольшой, но хорошо оснащенный оптический завод. Нартов тоже поможет, я с ним уже разговаривал. Что такое "оптический"? Это который будет делать микроскопы, подзорные трубы, очки и прочие точные изделия из стекла и металла. Потому как твоей службе пора обзаводиться не только исследовательской, но и производственной базой. И, раз уж я возлагаю на тебя новые обязанности, то с завтрашнего дня твой оклад увеличивается до четырехсот рублей в месяц. С подчиненными разбирайся сама, бюджет на это дело я дам. От дворянства, небось, опять откажешься? Вообще-то положено по табели о рангах. Ладно, дело твое, но если соберешься, то я это мигом.

Вообще-то Новицкий хотел, чтобы будущий заводик освоил еще и производство шприцев. С одной стороны, их трудно отнести к оптическим приборам, а с другой — это ведь тоже довольно точные изделия из стекла и стали! А то медицина без них получится какой-то убудочной.

Тут мысли императора вновь вернулись к проходящим испытания препаратам. Ведь бабки, получается, изобрели двухкомпонентную систему. Но что будет, если, напоив клиента первым снадобьем, потом не давать ему второго?

— Ну, может, кто-то и сам оклемается, — с сомнением предположила Анастасия Ивановна. — А который не оклемается, тот, я так думаю, отдаст богу душу.

Получилось даже немного лучше, чем заказывалось, размышлял царь на обратном пути. Потому как теперь появляется простор для маневра. Например, княгиня Браницкая, увидев, что его величество Август Сильный вот-вот сыграет в ящик, вспомнит, как он бескорыстно помог ей освоиться в Польше, и преисполнится сострадания. В результате чего, пользуясь старыми связями, вызовет из России известного целителя Шенду Кристодемуса. Тот пустится в путь, но немного, всего на полдня, опоздает — при наличии раций так подгадать время будет нетрудно. А там, глядишь, и Лещинский появится, причем уже с неудержимым расстройством кишечника. Далее все будет зависеть от поведения пациента. В конце концов, он хоть и Лещинский, но жить, наверное, хочет, тем более что для этого ему потребуется не так уж много сделать. Ну, а если нет... в конце концов, не исключено, что тесть французского короля отойдет от поноса сам собой — организм у него сильный, в той истории он дожил без малого до девяноста лет. Да и то, кажется, помер не от болезни, а в результате небольшого пожара. Но даже если он и останется в живых, то времени заниматься политикой у него еще долго не появится.

Так как будущий НИИ народной медицины находился почти на противоположном конце Москвы от Лефортовского дворца, а никаких кольцевых магистралей тут еще не было, то наиболее удобный путь домой пролегал через центр. Где находилась контора, которую царь решил посетить по дороге. Она так и называлась — контора, но не простая, а Государственная кредитная.

Что интересно, ее основал Петр Второй. Правда, не совсем тот, что сейчас во главе небольшой кавалькады приближался к ней, а предыдущий. Мальчишка за полгода до смертельной болезни издал указ, разрешающий нескольким монетным дворам кредитовать купечество и дворянство под залог изделий из драгоценных металлов. Ну, а после чудесного исцеления молодой царь не забыл свои прошлые инициативы, а добавил в список разрешенных залогов еще и недвижимое имущество, оцененное по утвержденной им методике.

Вообще-то Новицкий пока как-то не удосужился занять научно обоснованное собственное мнение о роли банков в развитии общества, однако склонялся к мысли, что это пиявки, присосавшиеся к здоровому организму человечества. И, как в случае с настоящими пиявками, их воздействие может иметь самые разные последствия.

Если пиявок поставит квалифицированный доктор, то ничего, кроме пользы, от них не

будет. А вот если они нападут на ничего не подозревающую жертву в порядке частной инициативы, ведомые исключительно собственной деловой активностью, то есть желанием насосаться крови клиента до шарообразного состояния, то тому может стать совсем плохо. Чего Новицкий намеревался не допустить.

Однако он понимал, что запретить организацию и деятельность частных банков на территории России хоть и нужно, но этого будет недостаточно — при наличии потенциальной выгоды запреты так или иначе обходятся. Значит, необходимо заранее создать государственную банковскую систему, причем такую, с которой частники просто не смогут конкурировать! В этом случае указ покойного мальчишки был весьма кстати, и его величество Петр Второй не собирался останавливаться на достигнутом. Сейчас он планировал заехать на Красный монетный двор, где до встречи с ним работал Нартов и где была собрана первая модель парового двигателя. Там находилась уже упомянутая Государственная кредитная контора, коей со временем предстояло стать Госбанком России.

Сначала Новицкий хотел приучить народ к бумажному обращению при помощи казначейских долговых обязательств и облигаций выигрышного займа, но потом решил не мудрствовать и сразу пустить в оборот бумажные деньги. Разумеется, поначалу им будут не особо доверять, однако тут у императора имелись определенные задумки. Первая — цены на поставки двору, если поставщики согласятся принимать плату бумажками, будут процентов на двадцать выше. Во-вторых, при уплате налогов тоже надо ввести льготы. И, наконец, специальные цены в бумажных рублях на товары, которыми по тем или иным причинам монопольно торгует государство, тоже сыграют определенную роль. Водка, керосин, соль... в общем, их не так уж и мало.

Царь уже имел разговор с первым поставщиком двора его величества, купцом Иконниковым, и тот, хоть и не сразу да с неохотой, но все же согласился принять в уплату за примерно треть поставляемых им товаров бумагу. Новицкий, видя его беспокойство — как бы потом не пришлось отдавать таким образом все — быстренько сочинил договор, подписанный обеими сторонами. В нем фиксировалась именно треть. Значит, когда купец разберется с выгодой новых денег и захочет увеличить их долю, то ему покажут фигу, то есть тот самый, лично им подписанный договор. А затем император объяснит, что изменить его условия можно только путем оказания государству каких-либо особых услуг.

Для начала молодой царь предполагал ввести в оборот три номинала — гривенник, полтинник и рубль. Печататься они должны были на Красном монетном дворе с клише, изготовленных методом гальванопластики. Это гарантировало — все время, пока данные купюры имеют хождение, они будут абсолютно одинаковыми, что должно затруднить работу фальшивомонетчиков.

На монетном дворе царя обрадовали — оказывается, как раз вчера был совершен пробный запуск печатного станка, результатом которого стали сорок восемь гривенников — два ушли в брак.

Сергей повертел в руках трехцветную бумажку размером примерно со столбик двадцать первого века. Посмотрел на свет водяные знаки, потом попросил лупу и внимательно исследовал портрет первого царя из династии Романовых, Михаила Федоровича. А ничего так, признал молодой император. Остается надеяться, что полтинник с портретом Алексея Михайловича Тишайшего выйдет не хуже. Ну, а за ним пойдет рубль с Федором Алексеевичем. Червонец пока подождет, но, когда дело дойдет и до него, он будет украшен портретом Ивана Алексеевича. Пятидесятка с Петром Великим понадобится очень скоро, ее пока не рисовали даже в эскизах.

То, что таким образом может получиться кризис, когда царей просто не хватит для новых номиналов, Новицкого не очень волновало. До него очередь дойдет еще не скоро и не факт, что при жизни — кому сейчас нужна бумажка в пятьсот рублей? А для последующих императоров такая система станет предостережением. Мол, не раскручивайте инфляцию, гады, а то вам придется сменяться каждый год, чтобы хватило рож на все новые и новые портреты.

Глава 16

В самом конце тысяча семьсот тридцать первого года произошло эпохальное событие — был установлен мировой рекорд дальности радиосвязи. Император в полночь лично сел к радиации, чтобы принять радиограмму из предместья Варшавы от недавно овдовевшей княгини Екатерины Браницкой, в девичестве Долгоруковой. То, что на самом деле ее звали Анютой Кошелевой и она являлась внучкой главы Невидимой службы почтенной старушки Анастасии Ивановны, знал весьма узкий круг лиц. И, само собой, помалкивал.

До этого связь уже три раза устанавливалась с Санкт-Петербургом, но он, во-первых, все же располагался заметно ближе к Москве, чем Варшава. И, во-вторых, никоим образом не являлся заграничным городом.

Княгиня сообщала, что недавно в Варшаву прибыл киевский воевода Юзеф Потоцкий, который уже успел лично засвидетельствовать ей свое глубокое соболезнование по поводу кончины князя Браницкого. Анюта не исключала, что их отношения вполне могут не только продолжиться, но и углубиться, в связи с чем запрашивала инструкции у императора. Тот отстучал — "до связи завтра в это же время", после чего в некоторой растерянности выключил радиацию и подошел к карте Российской империи, висевшей на стене его кабинета. Оказалось, что он не впал в преждевременный маразм — Киев по-прежнему находился на своем месте, то есть в составе России. Тогда отчего же этот Юзеф... как там его, Пилсудский, что ли? Нет, Потоцкий. Так с какого такого хрена этот козел называет себя киевским воеводой — может, его лучше сразу отравить? Во избежание возможных территориальных претензий. А то ведь прыткий дядька, вон как лихо к Анюте подкатился.

Однако Новицкий всегда по возможности избегал поспешных решений, так что он, буркнув "до завтрашней ночи еще уйма времени", достал из ящика стола планшет. Туда в числе прочего были загружены биографии всех хоть сколько-нибудь значительных исторических лиц восемнадцатого века, и Сергей надеялся, что там найдется и этот хмырь.

В соответствующей папке обнаружилось сразу три Потоцких, и молодой царь, естественно, начал с того, который нагло именовал себя воеводой самого что ни на есть русского города. И вскоре вычитал, что тот, оказывается, еще и является давним сторонником Станислава Лещинского. Нет, ну не мерзавец ли? Однако если вокруг княгини Браницкой знатнейшие шляхтичи начнут дохнуть, как мухи, по несколько штук в месяц, то это может повредить ее имиджу, напомнил себе император. И продолжил изучение биографии пана Юзефа, надеясь найти там намек, как этого почти Пилсудского все-таки можно обезвредить нелетальным образом.

Вскоре выяснилось, что Потоцкий через пару месяцев овдовеет. Наверняка ведь знает про это, подумал Сергей, иначе не бегал бы по красавицам с выражениями соболезнования. Так, а через полгода этот шустрик женится на какой-то Людвике Мнишек, про которую в планшете ничего нет. Интересно...

Про одну Мнишек Новицкий, кажется, читал еще в школе, но та вроде бы жила значительно раньше и звалась Мариной. И была замешана в чем-то антироссийском, так что тут получается прямо-таки два сапога пара.

Значит, пусть Анюта как можно быстрее соберет сведения об этой самой Людвике. А затем прикинет, можно ли ее обскакать и выйти замуж за вот-вот овдовеющего Потоцкого. То есть надо иметь в виду желательность такого развития событий, но окончательное решение принимать ей. В конце концов, на месте виднее.

Глянув на часы, император решил, что на сегодня хватит — уже второй час ночи. Завтра можно будет еще раз обдумать ситуацию, прежде чем передавать инструкции варшавскому резиденту русской разведки.

Действительно, сейчас Анюта являлась самым что ни на есть полноценным резидентом. А ведь как все бездарно начиналось! Даже не как импровизация, а как случайность. Сергей вообще поначалу хотел просто арестовать Лестока еще до того, как он

сбежит, однако бабке удалось отговорить императора от поспешных действий. Но то, что хитрозадый немецко-французский интриган выдаст бабкину внучку за бежавшую из сибирской ссылки бывшую царскую невесту Екатерину Долгорукову, не могла предвидеть даже многоопытная Анастасия Ивановна. И, когда это все-таки произошло, Анюте пришлось выкручиваться самостоятельно, без всякой поддержки и даже без предварительных наработок, имея в качестве подчиненных только двух своих подруг Наталью да Софью, бывших фрейлин цесаревны. И ведь выкрутилась! Смогла в темпе очаровать Августа, а ликвидацию Лестока девушки провели столь чисто, что труп так и не нашли. Впрочем, благодаря стараниям Анюты его не очень-то и искали.

Однако, как только до Москвы дошли сведения о неожиданном повороте в судьбе бабкиной внучки, император быстро сориентировался. И в Варшаву в несколько приемов и под разными предложениями были переправлены еще восемь человек, включая малолетнюю воровку Дусю и ее весьма опытного в определенных делах дядю.

Сергей специально посетил Горенки, где лично содрал со стены портрет Екатерины Долгоруковой, после чего наделал планшетом множество фотографий мест, где точно не раз бывала его (ну или почти его) бывшая невеста. Вернувшись домой, император посадил лейб-художника Андрея Кротова перерисовать отснятые фотографии.

Бабка же, получив известие о неожиданном амплуа внучки, не на шутку разволновалась. Ведь настоящая Екатерина Долгорукова живехонька, хоть и в ссылке! А если она вдруг оттуда сбежит? Или ее там кто-то увидит, а потом, змей ползучий, возьмет и окажется в Варшаве.

Вообще-то у Анастасии Ивановны хватило бы денег и возможностей сделать так, чтобы Долгорукова более никуда не смогла сбежать и никто ее не мог увидеть. Однако совершать подобные действия без согласования с молодым царем было весьма и весьма чревато, а надеяться на то, что император об этом не узнает, мог только плохо знакомый с реалиями двора человек. По каковым причинам на ближайшей же аудиенции царю были высказаны соображения о том, что в силу недавно открывшихся обстоятельств его бывшая невеста малость зажилась на белом свете.

— Любишь ты свою внучку, бабушка, — улыбнулся молодой император. — А я краем уха слышал, что от любви люди иногда глупеют. Ну хорошо, придушит Катю кто-то из твоих подручных — не спорю, дело не такое уж трудное. А дальше что будет, ты подумала? Подожди немного, я тебе кое-чего покажу.

Новицкий вышел, но вскоре вернулся и развернул перед бабкой холст.

— Это портрет Екатерины Долгоруковой работы художника Вишнякова, ныне он в Москве. Где именно и чем занимается — не знаю. Дальше объяснять или сама догадаешься? На всякий случай, пожалуй, объясню. Итак, про художника надо узнать все. Далее он или кто-то еще должен написать портрет, почти неотличимый от этого. То есть каждый, кто видел старый вариант данной картины, при виде нового должен самое большее вяло упрекнуть себя в не очень хорошей зрительной памяти — мол, раньше вроде портрет казался более похожим на оригинал. Но это, разумеется, не все. Те, кто до того видели не портрет, а саму Долгорукову, должны решить, что художник очень хотел ей польстить, из-за чего сходство получилось довольно относительным. И, наконец, те, кто видел Анюту в роли беглой княжны, просто обязаны восхититься — насколько она похорошела за те годы, что прошли с момента написания портрета. Вот когда такое полотно будет готово, мы его повесим хоть и не на самом виду, но все же в каком-нибудь довольно часто посещаемом месте, а старый вариант сожжем.

Убедившись, что Анастасия Ивановна поняла суть задания, император продолжил:

— Разумеется, надо выяснить, не писались ли с Кати еще какие-нибудь портреты. А относительно ее судьбы торопиться не будем. С образованными людьми у нас совсем плохо, и будет как-то не по-хозяйски не попытаться приспособить ее к делу. В общем, княжне нужно предложить забыть, что ее когда-то звали Екатерина Долгорукова, и начать новую жизнь. Коли согласится — оказать всю необходимую поддержку для начала карьеры.

Откажется — вот только тогда можно будет ее убирать, но не раньше.

С тех пор прошло не так уж много времени, но теперь в Польше работала самая настоящая, без всяких кавычек российская резидентура.

Вообще-то имелась еще одна, и более старшая по возрасту. Однако у нее не было ни такого финансирования, как у варшавской, ни радиостанции, ни полного штата специалистов. До лета тридцать первого года она имела только руководителя, а с августа появилась еще и стратегическая задача.

Как уже говорилось, Сергей еще в двадцать первом веке знал, за кого вышли замуж три дочери Миниха и где служит его сын. Так вот, Сергей Христофорович Миних был сотрудником российской дипломатической миссии в Париже, а с конца двадцать девятого года — ее фактическим руководителем.

Однако первое время в восемнадцатом веке императору было не до чьих-то там сыновей и даже не до Франции. Тут самому бы на троне усидеть! А потом взять в руки реальную власть, что тоже оказалось непросто. Но все это получилось, и молодой царь начал планомерно расширять сферу своих интересов.

В числе прочего в Россию был вызван младший Миних. Причем он должен был делать вид, будто отправился туда самовольно, повидать отца и попросить у него денег, ибо миссия, мягко говоря, слегка поиздержалась.

Деньги от отца он получил, а кроме них — выговор от императора за самовольное оставление поста — во всяком случае, так думали все, кто был в курсе его появления в Санкт-Петербурге. На самом деле имели место несколько плодотворных бесед, да и денег Сергею Христофоровичу было дадено заметно больше, чем это считалось. Причем не столько отцом, сколько императором. Слухи же про выговор и прочее старательно распускал Василий Нулин со своими подчиненными. Кстати, то, что старший Миних остался в Питере, а не вернулся в Москву с царской свитой, было представлено как хоть небольшую, но все-таки опалу фельдмаршала. Реально же он с разрешения императора собирался ускорить постройку парового корабля, ибо Нартов обещал закончить двигатель для него уже к следующему лету.

А младшему Миниху была поставлена конкретная задача — начинать подготовку к снабжению французского короля достаточным количеством любовниц.

Молодой Людовик Пятнадцатый, которому сейчас шел двадцать второй год, почти во всех отношениях был серой и ничем не выделяющейся личностью, лишенной каких-либо талантов, но слово "почти" тут оказалось не зря. Один талант у короля все-таки имелся. Он был выдающимся кобелем, причем общая хилость его организма на потенции если и сказывалась, то исключительно в положительную сторону.

Первое время он буквально не слезал со своей жены, Марии Лещинской, на которой его женили, когда ему было пятнадцать лет, заделывая ей по ребенку в год. Однако у той были три особенности. Первая состояла в том, что королева, будучи глубоко религиозной, переставала допускать Людовика до своего царственного тела, только-только забеременев. Вторая же была связана с ее внешностью — на фоне этой коровы даже настоящая Екатерина Долгорукова могла показаться ослепительной красавицей. Третья — Лещинская была на семь лет старше своего мужа, причем уже после четвертых родов выглядела так, будто была старше на все двадцать пять. В силу каковых причин король уже начал погуливать налево — правда, пока не очень интенсивно и не попадая под полное влияние своих любовниц.

Вот, значит, русский император и решил помочь своему французскому коллеге в данном вопросе. В конце концов, многие сходились во мнении, что русские женщины — самые красивые в Европе. Во исполнение чего младший Миних вскоре должен был получить помощника — Платону Воскобойникову сразу после поправки слегка пошатнувшегося здоровья предстоял путь в Париж. А Елизавета приняла новую партию будущих фрейлин, теперь уже в количестве дюжины девушек, коих следовало обучить всему, что может понадобиться знатной даме при французском дворе. Ну, а ближе к делу или вскроется какой-нибудь заговор, или император просто начнет борьбу с коррупцией, и из дикой в России в

цивилизованную Францию табунами побегут всякие княгини с баронессами — якобы жены и дочери попавших под раздачу чиновников.

Впрочем, молодой царь не исключал и другого варианта, если вдруг какая-нибудь ученица окажется настолько способной, что сможет скрыть свое российское происхождение. Тогда Сергей Миних должен заранее подыскать ей мужа, чтобы она смогла путем брака легализоваться и приобрести дворянство. Как маркиза Помпадур, которая изначально была никакой не дворянкой, а дочерью разорившегося мелкого спекулянта. Однако она смогла удачно выйти замуж и стать уже не Жанной Пуассон, а мадам д"Этиоль, что дало ей возможность посещать королевские балы.

Кстати, король при всей своей кобелиной сущности в душе был натуральным подкаблучником. По каковой причине от фаворитки требовалось всего лишь время от времени закрывать глаза на измены своего царственного любовника, и она могла вертеть им, как хотела. Это знали все фаворитки и по мере сил старались использовать. То есть подкладывали королю заранее отобранных девиц, не дожидаясь, пока он начнет искать их сам. Помпадур вообще довела эту систему до совершенства, основав специальную школу-интернат для юных девиц, желающих скрасить королю ночь-другую.

Так вот, Новицкий считал, что его Лиза справится с подобной задачей ничуть не хуже. Учитывая же, что она начнет преподавательскую деятельность на пятнадцать лет раньше, Помпадурше вообще мало что светит — все места будут заранее заняты ученицами цесаревны.

Беседа с ней уже была, Елизавета отлично поняла как то, что именно от нее требуется, так и то, что болтать об этом нельзя ни с кем и никогда, ибо иначе ей в лучшем случае придется на своем опыте узнать, насколько Охотск дальше от Москвы, чем Санкт-Петербург. В общем, Лиза согласилась, но тут же грустно сообщила, что в Ново-Преображенском дворце не так уж много свободного места. Сергей предполагал нечто подобное и немедленно подарил тетке оставшийся ему от Голицына дворец на Тверской. Теперь она жила там, а старое место ее московского жительства стало Институтом благородных девиц.

Ведь никто в мире, кроме Новицкого, еще не знал, какую роль скоро начнут играть не только во Франции, но и Европе фаворитки короля Людовика Пятнадцатого! И Сергей не собирался давать таким знаниям пропадать втуне. Пусть роли останутся как были, тут ничего менять не надо. А вот актрисы должны играть их не на основе своих собственных импровизаций, это ни чему. Пьесы для них будут заранее, вдумчиво, а то и вдохновенно написаны в Лефортовском дворце.

Глава 17

За день до Рождества в табели о рангах Российской империи заполнились три до того пустующих графы — первый, седьмой и десятый ряды третьей колонки. Во-первых, появился придворный чин первого класса — имиджмейстер. Вообще-то Новицкий знал, что это слово в двадцать первом веке будет писаться немного не так, но это его не очень волновало. Мало ли что там было в будущем! Если все копировать, то здесь в конце концов станет еще хуже, чем там, ибо копия почти всегда получается хуже оригинала. А сейчас многие придворные должности кончаются на "мейстер", вот пусть и эта не выделяется.

Понятное дело, что новый чин вводился не для того, чтобы оставаться не занятым, и сразу после оглашения указа о его ведении был обнародован еще один, где этим самым имиджмейстером назначалась ее высочество цесаревна Елизавета Петровна. Как следовало из названия чина, обязанности его носителя заключались в формировании и поддержании положительного имиджа империи и императора как внутри страны, так и за ее рубежами. Сергей не был уверен, что это первый в мире пример официального занятия женщиной столь высокой должности, но про Россию он знал точно.

Во-вторых, не остался неохваченным Федор Ершов — отныне императорский особоуполномоченный становился придворным чином седьмого класса, то есть равным

надворному советнику или капитану лейб-гвардии. В его обязанности входило проведение так называемых выездных заседаний по примеру того, что весной было устроено в Славяно-греко-латинской академии, и руководство штатом просто уполномоченных, без приставки "особо" спереди. Эти были набраны из его знакомых по кулачным боям на льду Москвы-реки, они получали десятый класс.

Сергей заранее сообщил цесаревне о ее грядущем назначении. Что такое имидж, она поняла сразу, по-родственному расцеловала своего Петеньку, заверила, что он может не беспокоиться — его Лиза обязательно справится. После чего поинтересовалась окладом и, услышав, что он будет составлять триста рублей в месяц плюс квартальная премия, не считая разовых за выполнение отдельных заданий, осталась вполне удовлетворенной — ведь она уже получала сто пятьдесят как директор Института благородных девиц. Теперь организация и проведение всяких балов и прочих сборищ ложилась на нее, потому как даже предыдущий Петр Второй их откровенно не любил, а нынешний в этом вопросе еще и слегка превосходил своего предшественника.

— Мундир себе не забудь придумать, — предупредил император.

— Э... это как?

— Вообще-то тебе виднее, главное — чтоб было красиво и внушительно. Например, верх как у мундира действительного тайного советника первого класса, только с короткими рукавами и декольте, а низ как у тебя сейчас, только, пожалуй, дюймов на семь-восемь короче, чтобы юбка пол не подметала. И, как мне кажется, к мундиру лучше подойдут сапожки, нежели туфли.

— И шляпу как у тебя, только со страусиными перьями, — продолжила формирование образа цесаревна. — Жаль, что придворным шпага не положена.

— Я тебе небольшой итальянский пистолет подарю, — вспомнил император про двустольную остермановскую игрушку. — Будешь носить его спереди-слева на широком ремне, он заодно еще и выгодно подчеркнет талию. Ты же вроде неплохо стреляешь? Вот и замечательно, может, и пригодится когда по прямому назначению, а не просто как украшение.

Вообще-то в словах молодого царя содержалась небольшая двусмысленность, которую цесаревна не заметила, ибо не обладала всей полнотой информации. Дело было в том, что Остерман приобрел пистолет в основном с целью застрелиться, если обстоятельства сложатся совсем безнадежно. Однако они до такого не дошли. Потом Андрей Иванович попытался подарить оружие своему царственному ученику, но тот его не взял — по планам Новицкого пистолет еще должен был оставаться у Остермана. Однако после смерти фельдмаршала Голицына Новицкий напомнил о попытке подарить итальянскую игрушку и прямо сказал, что теперь он отказываться не будет.

— А то вдруг еще убьешься, кто мне тогда будет аналитические обзоры писать? — пояснил император. — Миних то ли не хочет, то ли и вовсе не умеет.

— Государь, да что же такое ты про меня подозреваешь, с чего мне стреляться, — всполошился Остерман, подавая молодому царю свое оружие.

— Вот и правильно, ни к чему это, — кивнул тот, убедившись, что пистолет не заряжен. — Но все равно мне было как-то за тебя боязно. Больно ты человек горячий — вон как весной Ушакова с Дмитрием Голицыным ухлопал, я толком даже удивиться не успел. Так что большое спасибо за подарок, и продолжай работать над второй частью обзора возможных путей развития внешней политики Турции. Первая получилась просто отлично, за это тебе отдельная благодарность.

Разумеется, кто-то может подумать, что, так возвышая свою тетку, молодой царь дает ей дополнительные возможности для занятия престола. Однако Новицкий был все же не какой-то там кто-то, он уже почти два года являлся императором и знал, что на самом деле никакого облегчения пути к трону тут нет. Работает очень простая закономерность — чем более человек на виду и чем больше у него подчиненных, тем проще держать под наблюдением каждый его шаг.

Кстати, Елизавета тоже это понимала. Пока она пребывала в опале и сидела в Сарском, у нее еще была возможность что-то сделать тайно, но сейчас ничего подобного уже нет. Петенька знает даже, о чем они говорили с Фридрихом во время свиданий, хотя никаких свидетелей при этом вроде не было. Впрочем, император нисколько не ревновал. Он с интересом выслушал рассказ Елизаветы о развитии их отношений, которые, впрочем, еще не дошли до главного, похвалил цесаревну за отсутствие ненужной спешки, а потом поинтересовался:

— Лиза, а как ты смотришь на перспективу со временем стать прусской королевой?

— Так ведь это не Фридрих решает... — немного растерялась Елизавета.

— Правильно, решать будет прусский король, но вроде есть возможность сделать так, чтобы он прислушался к мнению русского императора. В общем, подумай. Мне кажется, что союз России с Пруссией принесет пользу обеим странам. И тебе лично тоже, потому как Фридрих скуповат, а его страна не очень богата. Но если ты сможешь в нужные моменты осторожно подправлять ее политику, то с деньгами у тебя, ясное дело, никаких трудностей не будет. Кроме разве что приятных — типа, а куда их столько девать-то?

Таким образом, теоретически перед цесаревной теперь открывались дороги к двум тронам — на ее выбор. Путь к прусскому был непрост и никто не гарантировал удачи, но зато практически безопасен. И, двигаясь по нему, можно будет опираться на всемерную поддержку Петра, а цесаревна уже знала, что это много значит. Русский же трон... молодая женщина непроизвольно вздрогнула. Нет уж, она не самоубийца, чтобы так рисковать. Как бы, не говоря этого прямо, еще раз показать Пете свою лояльность?

Повинуясь внезапному озарению, Елизавета, запинаясь от волнения, рассказала Петру и про приворот, и про недавний отворот, после чего замерла, удивляясь собственной смелости.

— Ты молодец, — улыбнулся император, ничуть не обидевшись. — В конце концов, эти полтора года были самым хорошим временем в моей жизни. Может, потом будут и лучше, но пока дела обстоят именно так. А то, что получилось оно с чьей-то там помощью — какая разница? Все равно я тебе благодарен. Но все же адресок этой бабушки ты мне на всякий случай дай. Да не волнуйся, Елену ко мне привораживать не нужно, у нас и так все хорошо, она даже поправилась немного. Отвораживать — тем более. Мне эта ведунья для других дел пригодится.

Новицкий был действительно благодарен цесаревне за ее признание. Теперь, даже если она и узнает, что бабка Настасья бывает в Лефортовском дворце, никакого удивления это у нее не вызовет. А то ведь лень было придумывать какие-то варианты прикрытия на случай подобного прокола! Отныне же это становится ненужным.

Высказавшись, император внимательно наблюдал за своей теткой — вот, кажется, она хотела заикнуться о том, что бабку неплохо было бы нацелить на Фридриха, однако быстро передумала. Помнит, небось, граничные условия приворота, и долгие годы беспросветной моногамии девушку не привлекают. Ладно, это ее дело, пусть гуляет на здоровье, лишь бы дело не страдало.

В начале января тысяча семьсот тридцать второго года известный целитель Шенда Кристодемус получил сразу два письма. Первое пришло из Берлина, от генерала Альберта Докума, в настоящее время одного из приближенных прусского короля. В своем письме генерал выражал беспокойство о состоянии здоровья своего сюзерена, которое за последний год заметно ухудшилось. Приступы сильного возбуждения, переходящего в настоящее бешенство, посещают его величество чаще, чем раньше, они стали более продолжительными, а поводы для них измельчали. Кроме того, на лице и теле монарха выступила красная сыпь, ранее почти незаметная. Генерал спрашивал целителя, не собирается ли тот в ближайшее время посетить Берлин, и в случае согласия гарантировал достойную оплату.

Вообще-то поначалу Кристодемус туда совсем не собирался — несмотря на то, что деньги ему обещал не король, чья феноменальная скупость давно стала притчей во языцех по

всей Европе. Однако достойная оплата в устах прусского генерала скорее всего тоже означала рублей триста, максимум триста пятьдесят, что, понятное дело, было просто смешотворно. Да и болезнь, коей страдал его величество Фридрих Вильгельм, была известна Кристодемуму, хоть он и не встречался с королем. Шенда считал ее неизлечимой и сильно сомневался, что тут поможет даже такое непревзойденное средство, как керосин.

Но такие настроения у целителя продолжались недолго, ибо на следующий день пришло письмо от императора, после чего мнение Шенды относительно посещения Пруссии решительно изменилось. В конце концов, это же не Франция, где его арестовали бы сразу после пересечения границы. И не Дания, где почти наверняка произошло бы то же самое, только не сразу. Деньги же теперь гарантировал русский царь, а в его исполнении понятие "достойная оплата" означало совсем другие цифры, нежели могли предложить хоть десять прусских генералов разом. Хотя, конечно, и их копейки тоже лишними не будут.

Петр не просто предложил подлечить прусского короля. Он сообщил, что его болезнь называется "порфирия", перечислил симптомы и пояснил, какая диета сможет принести облегчение больному. Кроме того, ему следовало по возможности избегать влияния прямых солнечных лучей. Не забыл царь и про керосин. Фридриху Вильгельму, как только ему захочется побить кого-нибудь своей палкой, следовало быстро употребить внутрь чайную ложечку чудодейственного лекарства, после чего подождать две с половиной минуты, пока снадобье усвоится. Мол, это должно сильно помочь.

Новицкий действительно так считал, потому как жертве будет предоставлено достаточно времени, чтобы сбежать подальше. Король же этому даже помешать не сможет, ибо будет стоять с раскрытым ртом и выпученными глазами. Ну, а если объект воздействия не сообразит воспользоваться моментом и сделать ноги, то его самого надо срочно лечить. От дурасти. Причем тем самым методом, который, отдышавшись, применит король, ибо лучше хорошей палки тут не поможет ничего.

Однако диагноз и перечисление методов лечения занимали только треть императорского письма. Остальные две трети состояли в постановке задач, которые Шенда должен был выполнить в процессе исцеления короля. Шли они в процессе возрастания трудностей, и первой было передать Фридриху Вильгельму предложение Петра о личной встрече. Причем ясное дело, не абы когда, а в момент, когда это самое предложение встретит отклик в душе собеседника. Однако первым пунктом дело не ограничиваюсь, дальше шли второй, третий и четвертый. В конце письма мелкими буквами были перечислены расценки.

Шенда отложил бумагу. Даже если он сможет выполнить только первый и второй пункты, то получит больше, чем сейчас зарабатывает за полгода. Да, третье пожелание его величества, конечно, реализовать будет трудно, а четвертое, скорее всего, и вовсе невозможно, но ведь ничего не мешает попытаться, мало ли каких чудес не случается в природе. Зато светят большие деньги, с которых даже не придется отдавать треть его величеству! А с тех, что заплатит генерал, не жалко отдать и половину, дабы показать, сколь он, Кристодемум, благодарен молодому царю.

Астральный целитель начал собираться, решив не тратить времени и пуститься в путь уже завтрашним утром.

Платон Воскобойников уже почти пришел в себя после испытаний снадобья двух бабок, хотя и продолжал жить в лаборатории под их присмотром — дабы те могли вовремя заметить и принять меры, если вдруг в его организме возникнут какие-либо неприятные последствия почти двухнедельного поноса. Он использовал свободное время для изучения самых начал французского языка, потому как Анастасия Ивановна уже открыла, каково будет его следующее задание.

— Ты, милоч, лучше заранее настройся, что все провернешь в самом наилучшем виде, — ласково наставляла его бабка. — А то ведь наша с Агафьей работа еще далеко не закончена. Что за дела, коли ты в нужник бегал как на праздник? Тут надобно другое, чтобы тебя корчило всего и орал ты благим матом, пока на очке восседаешь. Но не волнуйся, Васильевна баба умная, да и я тоже не пальцем делана, придумаем мы с ней что-нибудь, вот

ей-ей придумаем. И ежели ты опять начнешь при исполнении царских дел пытаться свою шкурную выгоду блюсти или еще чего, так помни, что ждем мы тебя здесь с распростертыми объятиями, прямо как две Джульетты своего Ромео.

Кто это такие, Воскобойников знал, он все-таки был достаточно образованным человеком, поэтому истово закивал. Но уже на следующий день не удержался от мелкой пакости. Причем тут он был вполне искренен — для успешной работы лучше заранее знать, как выглядит клиент, как — женщины, которое ему нравятся, и как те, кои ему уже надоели до чуть ли не до рвоты. Разумеется, это не обязательно, но все-таки заметно увеличит вероятность успешного выполнения миссии. Так он и сказал гадюке-бабке, честно уточнив, что в принципе может обойтись и без портретов, но оное нежелательно. Пусть теперь эта стерва побеждает! Ладно, портрет французского короля, может, в Москве еще и есть, хотя, конечно, искать его придется так, что вся задница в мыле будет. Если очень сильно повезет, то и королева найдется — правда, это уже совсем маловероятно. Однако дальше... вот так прямо он эту старую потаскуху и спросит — а любовницы где? Где они, уважаемая Анастасия Ивановна? И как прикажете в таких условиях готовиться к работе? И его величеству потом все как есть доложит, без этого нельзя.

К удивлению Платона, бабка уже через несколько дней принесла небольшие портреты короля, королевы и двух любовниц, аккуратно исполненные цветными карандашами. Мало того, к ним прилагались еще и описания — про любовниц краткие, про короля с королевой аж на двух листах каждое. То есть пакость не удалась, вздохнул про себя Платон. Но бабка-то, бабка! Хоть он и давно с ней работал, однако до сих пор не верил, что может она узнать про кого угодно и что угодно. Получается, зря, прикинул Воскобойников и приступил к анализу полученной информации.

Вот только относительно ее происхождения он все-таки был неправ. Если бы клиенты жили в Москве, то Анастасия Ивановна действительно быстро бы сделала все сама, но до Парижа ее связи пока не простирались. Портреты и описания ей предоставил император. В чем бабка не видела ничего особо удивительного — в конце концов, цесаревну специально готовили именно для того, чтобы выдать замуж за французского короля, да только не получилось, не оценили в Париже всех выгод подобного сочетания. Ну, а материалы и связи, с помощью которых они были получены, выходит, остались.

Тут бабушка несколько ошибалась. Не было в свое время никакой специальной подготовки к тому, чтобы подвинуть Людовика на женитьбу, отчего она и не состоялась. Император просто порылся в своем планшете, нашел нужные картинки, а потом их аккуратно перерисовал Андрей Кротов. Он же переписал краткие жизнеописания изображенных персон. Тому, что в книге Андрея Первозванного алфавит меньше ныне принятого и правила письма другие, он уже не удивлялся. Ведь сколько лет прошло, это же понимать надо!

Глава 18

Кроме внешнеполитических дел, императору, понятно, приходилось заниматься и делами внутренними. Причем последние иногда отнимали столько времени, что Новицкому частенько хотелось взять да и учредить что-то вроде НКВД. Однако он с детства отличался рассудительностью, полтора года учебы в Центре еще усилили это свойство, а два года на троне закрепили результат. Поэтому он не кинулся тут же писать указ об учреждении упомянутой конторы, а решил начать с малого, то есть учинить что-то вроде Тайной канцелярии.

Нет, молодой император пока не собирался создавать еще одну спецслужбу в добавление к одной с тремя четвертями, что у него уже были. Почему такое странное число? Судите сами.

Во-первых, хозяйство бабки Настасьи — оно уже вполне тянуло на полноценную спецслужбу. Итак, это будет один.

Во-вторых, наличествовал штат прислуги Летнего дворца в Петербурге под руководством Васьки Нулина, но даже в порядке комплимента его можно было назвать только половинкой службы, и не более того. Несмотря на вполне приличную численность — если бы все числившиеся поварами, лакеями и прочими истопниками разом собрались в совсем небольшой императорской резиденции, то там бы стало не протолкнуться.

И в-третьих, имелись еще разведывод в составе Измайловского лейб-гвардейского полка плюс несколько личных осведомителей Павшина, однако они и на половину не вытягивали, а разве что только на четверть.

Разумеется, этого было все-таки маловато, но пока Сергей обращал основное внимание на подготовку кадров, в том числе и для спецслужб. Вот, значит, создаваемая канцелярия в числе прочего и будет готовить эти самые кадры.

Но вообще-то смысл ее создания был не в этом — просто молодой царь задумался о неких языковых парадоксах. Например, в Третьем рейхе все знали, что такое гестапо. Да и в России двадцать первого века тоже не являлось особой тайной, что это сокращение от слов "Гехайм статсполицай", то есть "Государственная тайная полиция". Да какая же она тайная, удивился Сергей, когда узнал расшифровку, если про нее с самого начала знала каждая собака! И в России первой половины восемнадцатого века дело обстоит аналогично. При Петре Первом всю функцию выполняла Тайная канцелярия. Ее, разумеется, боялись, но тайной она была не более, чем то самое гестапо. Впрочем, при Екатерине Первой контора слегка захирела, а при Петре Втором и вовсе перестала играть хоть какую-то роль, потому как почти все ее функции взял на себя Верховный тайный совет. Чтобы, как предполагал Новицкий, в случае чего самому и расследовать собственное воровство. Это вообще очень удобно, примеров тому несть числа в Российской Федерации.

Однако ныне шеф Тайной канцелярии Ушаков уже почти два года как пребывал в покойниках, Совет тоже давно самораспустился, а Тайная канцелярия осталась. Правда, она влачила такое существование, при описании которого даже слово "жалкое" вполне сошло бы за комплимент.

Вот император и решил ее возродить, но только под другим названием, ибо предыдущее себя уже достаточно скомпрометировало. Поначалу Сергей собирался назвать контору "Чрезвычайная тайная канцелярия", но потом решил быть проще и не плодить сущностей сверх необходимого. Просто "ЧК" — это звучит и кратко, и стильно. Пусть она пугает народ, а работать продолжают специально для этого созданные службы, про которые те, кому не положено, ничего и не будут знать. Как, например, сейчас не знают.

Итак, продолжил рассуждения молодой император, первым делом Чрезвычайная канцелярия должна обзавестись колоритным главой. Надо, чтобы он с первого взгляда внушал всем или страх, или омерзение, а лучше так и то, и другое разом. Где такого взять? В принципе сойдет и Федор Ершов, но у него с омерзением как-то не очень, его просто пугают. Да и жалко отпускать на сторону такого ценного кадра, так что тут еще придется подыскать подходящую кандидатуру.

Кроме того, следовало подумать, как с самого начала создать новой организации жуткую славу. Впрочем, решение тут нашлось почти сразу.

Весь персонал Лефортовского дворца давно знал, что излишняя болтливость никак не совместима с жизнью, так что трепаться о тайном никто не рискнет. А оно, это тайное, отныне будет заключаться в том, что у приговоренного к порке за какие-либо провинности появится выбор.

Либо отправиться на конюшню, где и получить полагающееся количество плетей.

Либо — в подвалы ЧК, где изо всех сил орать так, будто его там живьем рвут на части, причем результаты усилий воспитуемого будут по пятибалльной системе оценивать независимые наблюдатели на улице. Пятерка — порка отменяется вовсе. Кол — недобросовестный артист после концерта получает, сколько ему было назначено. И, естественно, все промежуточные варианты, таблицу пускай Афанасий сочинит.

Разумеется, о своем замысле император на ближайшей же встрече рассказал главе

Невидимой службы. Бабка ненадолго задумалась, а потом решила уточнить:

— Так что, охламоны в той чеке будут только сиднем сидеть и за казенный оклад щеки надувать, а делать вообще ничего от них не потребуется? Накладно выйдет.

— Не совсем ты правильно понимаешь, — усмехнулся император. — То есть как это они ничего не будут делать? Очень даже будут — делать вид, что это они работают, хотя на самом деле работать будешь ты. Такое не очень просто, да и оклады у них даже близко на твой походиться не будут, не разорюсь. Однако это еще не все. Как ты людей себе подбираешь? По знакомству. Пока их надо несколько десятков и только в Москве, такой метод работает. А на каждый хоть сколько-нибудь заметный город в России ты где народ искать будешь? Опять же он и в заграницах понадобится. В общем, нужна школа. Вот только чего — Невидимой службы? Тогда уж с ее названия частицу "не" лучше сразу убрать. И чтобы этого не делать, школа официально будет готовить кадры для ЧК. Причем часть выпускников именно туда и попадет после окончания — это те, кто не сможет добиться особых успехов в учебе. Ну, а лучшие потихоньку, не привлекая внимания, окажутся у тебя и у Васьки Нулина.

Бабка кивнула — действительно, последнее время кадровая проблема стояла довольно остро.

— Но даже школой функции ЧК не ограничатся. Куда народу доносы писать, если он про тебя и твоих людей ничего не знает? Вот, значит, пусть в ЧК их и адресует, а оттуда они уже пойдут по назначению. Или, не приведи господь, приключится у нас бунт, так громить тогда пойдут ЧК, а не тебя. С этим ясно? Смотрим дальше. Раз организация будет всем известная и вроде бы обладающая немалыми возможностями, то ее руководство могут постараться купить. Заговорщики там, или просто дипломаты из стран, что побогаче. Вот пусть чекистов и покупают, только на самотек такое дело пускать нельзя. Этим, пожалуй, придется тебе заняться, то есть прикинуть, кто сколько стоит в зависимости от служебного положения, и сделать так, чтобы тот, кому это интересно, имел возможность узнать расценки. И, наверное, можно подкупаемым даже установить какую-то норму — пусть, например, пять процентов от подкупной суммы забирают себе. А если смогут выторговать чего сверх прејскуранта — с того их будет целая треть, надо поощрять здоровую инициативу.

— Мигом проворуются, государь, — скорбно констатировала бабка.

— Разумеется, но не все и не сразу. А лучшие ученики школы ЧК сначала пройдут практику в отделе собственной безопасности, который и будет смотреть за тем, кто сколько берет и сколько с этого отчисляет. И если заметят кого нечистого на руку, то, получив твою санкцию, продолжат тренировки. Мздоимцев помельче просто тихо ликвидируют, а покрупнее сначала как следует расспросят да выбьют наворованное.

— Попад же ко мне, людишки эти первое время будут присматривать за отделом собственной безопасности, пока я пойму, насколько им доверять можно да к какому делу пристроить, — на лету подхватила идею бабка, а потом ее развила:

— И бумагу надо ввести особую чекистскую, где прописаны будут полномочия ее предъявителя. Но самим чекистам ее не давать, больно жирно будет. Мало ли, вдруг мой человек какую ошибку допустит, и возьмут его за мягкое место как вора или еще кого. А он им раз — и бумагу, где написано, что это агент твоей чеки. И, кстати, нечестных мздоимцев-то обязательно всех сразу смертью казнить? Мало ли, вдруг это он первый раз, по мелочи да сдуру, а у нас с Агафьей не на ком стало снадобья пробовать — Платона-то ты забрал. Может, кого и пожалеем поначалу?

— Согласен. Тогда, пожалуй, надо начать с того, что найти подходящего стряпчего, дабы он составил бумаги про ЧК и ее школу. Сможешь?

— Государь, да чего тут мочь, в моих-то делах без хорошего стряпчего никак не обойдешься. Тебе его показать, прежде чем рассказывать, что ему делать придется?

— Да, раз уж он у тебя есть, то пусть завтра придет на прием в шесть вечера, на обратном пути зайдя в секретариат и скажи, чтоб его в журнал записали. Сама же пока

подумай, кто у нас будет первым председателем Чрезвычайной комиссии Российской империи.

После чего император вкратце изложил, как именно он представляет себе эту фигуру.

— Найти-то такого нетрудно, но ведь для оной должности совсем дурак не годится, — задумчиво сказала бабка, — а искать такого уродца, да еще и умного, это все ноги собьешь, бегаючи.

Тут Новицкий припомнил книжку про дону Румату, которую ему в свое время пришлось прочитать в Центре, и его осенило:

— Правильно говоришь, бабушка, это я тут немного недодумал. Бояться, конечно, люди должны, но кого? Не человека, а организации! То есть во главе ее надо поставить неприметного даже внешне чиновника, ничем особым не блещущего, неприметного такого, непонятно из какой дыры вылезшего...

— Вроде того... да как же звали-то его, непутового — Глупов, что ли? Которого ты еще хотел в прошлом году московским полицмейстером поставить, да передумал. Правильно, мелковат он будет для полицмейстера, а вот чека ему окажется в самый раз — важный вид на себя напускать он вроде умеет.

Император сразу вспомнил эту историю. Когда у него не было своего мнения по очередному кадровому вопросу, он спрашивал совета у Миниха и Ягужинского. Если эти двое рекомендовали одного и того же, то, как правило, их протеже и получал назначение. Однако мнение этих господ совпадало не очень часто, и тогда Новицкий лез в планшет и смотрел, как данный вопрос был решен в той истории при Анне Иоанновне. И, если ее кандидатура не допускала особых провалов, то она и занимала вакансию.

Тут же никакой вакансии не было, просто московский обер-полицмейстер чем-то не понравился Ягужинскому, и тот порекомендовал замену. Однако молодой царь не поленился вникнуть, как справляется со своими обязанностями нынешний полицмейстер, бригадир Степан Тимофеевич Греков, и в общем-то не нашел, к чему придраться, так что кандидат Ягужинского не прошел, хотя в той истории с конца тридцать второго года пост главы московской полиции занимал именно он. Кстати, фамилия того человека была вовсе не Глупов, а Оболдуев. О чем Сергей тут же сообщил бабке и велел ей поглубже вникнуть в биографию первого кандидата на пост главы ЧК.

Время же для реформы полиции пока не подошло. Ибо Новицкий собирался поручить ее Антону Девиеру, который из-за интриг Меншикова угодил аж в Охотск. А туда гонцу ехать год, да потом оттуда до Москвы добираться не меньше, так что Девиер ожидался в столице не раньше этого лета. Вот явится, ему и карты в руки. Сергей был твердо уверен, что следить за порядком, бороться с преступностью и сажать неугодных власти — это три совершенно разные задачи, которыми должны заниматься разные службы. Нынешняя полиция, если так можно было назвать три с половиной десятка человек на всю Москву, в основном выполняла только первую функцию. Девиеру предстояло заняться второй. Исполняющих же третью Новицкий собирался и впредь оставить в своем непосредственном подчинении.

Кроме полицейских дел, на ближайшее время у Новицкого было запланировано приступить к очередному упорядочению российского законодательства. Начать он собирался с самого верхнего уровня, то есть с конституции — правда, не называя ее этим начисто скомпрометировавшим себя в его глазах словом. Нет уж, весь опыт жизни в двадцать первом веке говорил о том, что так называется свод благих пожеланий, регулярно нарушаемых всеми, имеющими хоть самую малую власть. Обойдемся, пусть в здешней России будет какой-нибудь Главный закон. Или Высший, так получится даже внушительней. Первую его статью Новицкий уже сформулировал совершенно четко — "Воля императора превыше любого закона". И сейчас потихоньку обдумывал вторую, пока выглядевшую примерно так — "Прилюдно и с соблюдением необходимых формальностей произнесенная клятва императора превыше его воли".

Разумеется, первую статью не то Главного, не то Высшего закона Сергей придумал

вовсе не из-за гипертрофированного стремления к власти или еще чего-нибудь подобного. Он просто выбрал из двух зол наименьшее — во всяком случае, именно таким оно ему казалось. Ведь что произошло в двадцать первом веке? Тезис о верховенстве закона привел к тому, что в них пытались регламентировать абсолютно все стороны жизни. Кажется, еще древние римляне сказали что-то вроде "пусть погибнет мир, но торжествует закон". Пророческие слова, мир перед отбытием Сергея в прошлое так и валился хрен знает куда, причем с увеличивающейся скоростью! Потому как внешних запросов, на которые необходимо реагировать власти, становится все больше и больше. Но стремление делать все по закону приводит к тому, что число их растет в арифметической прогрессии, а сложность и запутанность — в геометрической. В результате появилась прорва людей, которые только и занимаются толкованием всего этого нагромождения слов — причем, ясное дело, не бескорыстно, а надеясь что-то с этого поиметь. И, если судить по их уровню жизни, надежды эти вполне оправданы, а "что-то" исчисляется отнюдь не копейками. В Штатах серьезные люди давно предупреждали, что страну погубят адвокаты. Потому как торжество закона все равно недостижимо! Ибо постоянно возникает что-то новое, в старые постановления не укладывающееся. Вот, значит, всякие юристы и лезут из шкуры, натягивая сову на глобус. Так что лучше — произвол многомиллионной армии правоведов или все-таки одного человека, самодержавного императора? Будь он хоть потомственным самодуром в надцать каком-то поколении. Вряд ли он сможет наколбасить так уж много, да и содержание его обойдется куда дешевле. Ведь даже в Российской Федерации, как подозревал Новицкий, юристов уже больше, чем врачей и инженеров, вместе взятых! Если же считать не людей, а получаемые ими деньги, то к врачам с инженерами можно смело добавлять учителей, и все равно толкователи законов их легко переплюнут.

Вообще-то молодой император пришел к такому решению не сразу. Ведь как было бы хорошо — засадить бригаду дармоедов за сочинения дикой прорвы необъятных по объему, противоречащих как друг другу, так и здравому смыслу законов, а самому тихо радоваться, глядя на их самоотверженный труд. И, как только понадобится что-то сделать — ну типа посадить кого-нибудь или ввести какое-нибудь новое ограничение, по своему идиотизму превосходящее все предыдущие, вместе взятые, то нужно будет просто призвать пред светлые очи ту самую бригаду. И повелеть:

— А ну-ка, господа, быстренько и юридически безупречно обоснуйте мне то-то и то-то.

И ведь как хорошо станет! В случае провала император тут ни при чем, все было проделано по закону. В случае же, когда решения будут приниматься самодержавно, и вся ответственность за их результаты ляжет на императора. Жалко, но без этого, похоже, не обойтись.

Насчет второй статьи Высшего закона у Сергея еще оставались сомнения, но исключительно формального характера. Ведь по сути она имеет приоритет над первой — и, значит, должна идти под номером один! Хотя с другой стороны это всего лишь ограничение, налагаемое на первую статью, и ни на что больше.

Надо будет с Фридрихом посоветоваться, решил молодой царь. В конце концов, он изучал логику. Придумает что-нибудь внятное — хорошо. Нет — я же самодержавный монарх, и, значит, имею право нумеровать статьи так, как мне это кажется правильным.

Новицкий взял ручку и потянулся к чернильнице. Разумеется, перо было стальное, а не гусиное, но все равно повышенным удобством пользования оно не отличалось. Пора, однако, изобретать авторучку. Хотя... он же не мелкий клерк, а государственный деятель! Не такого, между прочим, малого масштаба — то есть маяться с рукописными документами, сажая кляксы на чистую бумагу, ему просто неприлично. Лучше всего подошел бы компьютер с вордом, но его еще очень и очень долго не будет. Но это же не повод опускать руки! Ведь в старые времена вся бюрократия прекрасно обходилась пишущими машинками. Он, Петр Второй, самый главный над российскими бюрократами. Времена сейчас как раз старые, так что надо подумать, кто из подчиненных Нартова сможет, не затягивая дела на годы, изготовить пишущую машинку. Сначала лично императору, потом в его секретариат, а там,

глядишь, и до простых министров очередь дойдет. Наверное, справится мастер-часовщик, коего в прошлом году прислал в Москву тверской купец Арефьев.

Глава 19

— События выходят на финишную прямую, — пробормотал император, отрывая очередной листок висевшего на стене кабинета календаря. На оторванном значилось тридцать первое января тысяча семьсот тридцать второго года, а на том, что теперь открылся — ясное дело, первое февраля. Новицкий знал, что ровно через год король Август Сильный почит... или почиет в бозе? В общем, помрет, и начнется возня вокруг освободившегося польского трона.

В той истории, что была записана в планшете Сергея, события после этого начали развиваться следующим образом.

Людовик Пятнадцатый, только узнав о смерти Августа, сразу отправил в Польшу весьма немалую сумму — по одним сведениям миллион ливров, а по другим — и вовсе три. Предназначалось все это на подкуп благородных панов, и львиную долю должны были получить два Потоцких. Первый — тот, что уже успел три раза выразить соболезнование молодой вдове князя Браницкого, причем последний раз — в горизонтальном положении. Новицкий считал, что ему это будет слишком жирно — пусть довольствуется тем, что до него снизошла такая несравненная женщина. Да у него и без тех ливров денег куры не клюют — настолько, что Анюта уже начала потихоньку узнавать, где ее новый галант хранит наиболее ценное и нельзя ли его оттуда как-нибудь умыкнуть.

Вторым был дальний родственник первого, архиепископ гнезнинский Федор Потоцкий, которому тем более деньги от Людовика не могли принести ничего, кроме вреда — Сергей это знал точно. Да что тут сомневаться, достаточно взглянуть на физиономию — ну чистый хомяк, морда и так поперек себя шире. К тому же его скоро наградят орденом Белого Орла, повод для радости уже есть, а излишества в столь почтенном возрасте до добра не доводят. Когда понадобится, русский царь сам даст ему часть тех денег. Зачем? Но ведь вся биография данного государственного деятеля представляла собой сплошные скачки от русофобства к русофильству и обратно. И пусть очередная смена идеалов произойдет не абы когда, а в нужное время.

В силу вышеизложенного младший Миних был озабочен розыском хорошей карты дорог, по которым можно попасть из Франции в Польшу. К сожалению, в планшете не нашлось упоминания, по какому именно тракту шел золотой обоз, однако Новицкий надеялся, что их не так много, а радиосвязь позволит вовремя выдвинуть засаду на нужный. Короче говоря, молодой император считал, что лично он найдет французским деньгам куда лучшее применение, нежели все Потоцкие, вместе взятые. Отчего на Тульском оружейном заводе уже приступили к изготовлению тридцати стволов для нарезных казнозарядных штуцеров, из которых засаде предстояло с приличной дистанции перебить охрану золота.

Правда, в Вене вообще считали, что польский трон должен занять какой-то португальский инфант дон Эммануил, но выделили австрийцы на стимуляцию своих пожеланий всего сто тысяч талеров. Эти должны без помех дойти до адресатов, потому как Новицкий не собирался связываться с такой мелочью, а никому не известный инфант никакой конкуренции Августу Третьему, наиболее выгодному для России, составить не сможет.

Сам же Лещинский, по крайней мере в той истории, повел себя так, словно высшей целью всей операции было максимально облегчить работу российским спецслужбам. Правда, они тогда никак не воспользовались моментом, однако Новицкий не собирался повторять ошибок прошлого, которое уже совсем скоро наступит. Ведь тесть французского короля приедет в Варшаву инкогнито! И в пути жрать он будет в придорожных трактирах, а в столице поселится в простой гостинице. Да в таких условиях успеха добилась бы даже резидентура какой-нибудь Буркины-Фасо! Новицкий понятия не имел, что это за страна и

где она находится, однако не без оснований надеялся, что бабкина служба окажется уж всяко не хуже.

В принципе, воевать с поляками Новицкому не больно-то и хотелось, но однозначного настроения не допустить грядущей войны у него не было. Он просто хотел, чтобы война, если уж без нее не получится обойтись, прошла не так, как все прошлые и будущие войны Российской империи.

Случались и громкие победы, и серьезные поражения. Часто в результате боевых действий империя прирастала землями, несколько реже — получала политические выгоды. Но любая, даже самая мелкая войнушка всегда сопровождалась серьезными финансовыми убытками! Которые потом далеко не всегда компенсировались доходами от вновь полученных земель.

Вот именно это правило Сергей и собирался нарушить — мало ли, что там получится в будущем, а сейчас-то зачем сразу впадать в растраты? Тем более что в истории уже случались прецеденты обратного порядка. Правда, достоверные — только в той, что была записана в планшете, но молодой император считал, что этого достаточно.

Самым хорошим примером была русско-японская война начала двадцатого века. Ведь страна восходящего солнца закончила ее не только победно, но еще и с прибылью — и это при том, что никаких явных контрибуций ей никто не платил. В маячившем через год конфликте с Польшей контрибуциями тоже не пахло, так что царь начал подготовку к нему с вопроса — а где тут спрятаны возможности получения дохода?

Пока таковых просматривалось две — перехватить внешние пожертвования и до нитки ограбить наиболее богатых магнатов. Однако не всех, иначе ранее разобщенное панство консолидируется, и Россия получит совершенно не нужную ей длительную и тяжелую войну. Нет, облегчать имущественное положение следовало только тем, кто имеет немало врагов, кои будут искренне радоваться, глядя на разорение своего давнего недруга.

Данная задача упрощалась тем, что в Польше начала восемнадцатого века все так или иначе враждовали со всеми, и чуть ли не каждый пан считал себя пупом земли, а всех остальных — мешающими утверждению этого очевидного факта злодеями. Впрочем, тем же самым задача и усложнялась — слишком много получалось группировок, интересы которых следовало учитывать. Будь их две или даже три, все получилось бы куда проще.

Так вот, пока в качестве однозначных кандидатов на раскулачивание были утверждены Потоцкие. Следующими в очереди стояли Чарторыйские, но с ними все было не столь бесспорно.

Да, их теперешний глава князь Казимир является сторонником Лещинского и станет яро поддерживать эту кандидатуру. Что интересно, в тесном сотрудничестве со своими исконными врагами Потоцкими. Но ведь он противник притеснения православных, да и вообще не замечен в особо выдающемся русофобстве! Может, его пока исключить из списков?

Нет, после недолгих раздумий решил император, никакая дискриминация в этом вопросе недопустима. Чарторыйские останутся в списках на избавление от лишних денег, но их очередь станет второй, а степень облегчения кошельков будет зависеть от того, какие выводы они сделают из того, что случится с Потоцкими.

А вообще, конечно, с Польшей надо было что-то делать. Никаких исторических перспектив у страны уже не было, и до ее первого раздела оставалось сорок лет. Причем все это время она только и делала, что создавала всевозможные неудобства всем своим соседям! Понятное дело, подобное их разозлило, и они разделили ее не сразу, а в три приема, наподобие хвоста собаки из анекдота. Да потом еще и перedelили после наполеоновских войн.

Не будучи особым доброжелателем Польши, русский император все же считал, что хвост лучше рубить одним махом. Границы после третьего раздела Новицкого в общем-то устраивали — главным образом тем, что Варшава оказывалась под Пруссией. А это все-таки столица, то есть поляки будут считать, что завоевали их именно немцы, а вовсе не русские. И

бунтовать, естественно, тоже начнут против них. Кроме того, в таком варианте почти все польские евреи тоже не попадут в число российских поданных. И это правильно, не придется вводить никаких черт оседлости.

Первый шаг в этом направлении Сергей собирался сделать на днях. А именно — предложить Фридриху, как только скончается Август, баллотироваться на пост польского короля. Разумеется, выборы он с треском проиграет, но все же за него хоть кто-то, да проголосует. Из-за чего потом в нужное время можно будет поднять вопль о том, что избирательная кампания происходила с массовыми нарушениями, и предложить всем заинтересованным сторонам делегировать в Польшу своих представителей для расследования. И небольшие воинские контингенты для их охраны.

Однако все эти планы требовали немалых предварительных расходов. Новицкий уже прикинул, что поступлений с Урала должно хватить, но ведь надо смотреть и в будущее, где придется как-то присоединять к России Крым! В общем, пора было задуматься от том, где брать золото, когда бассейн реки Миасс начнет истощаться.

Впрочем, никакого особого выбора и не было. За два года на троне Сергей неплохо вник в дела российского флота и понимал, что в ближайшие как минимум пять, а то и все восемь лет ни южноафриканское, ни австралийское, ни даже клондайкское золото ему не светит. Значит, оставались Колыма и Лена, причем выбор между ними особого туда не представлял. Разумеется, начинать надо с реки, в честь которой взял себе псевдоним вождь мирового пролетариата! Потому как до Колымы добраться немногим проще, чем до Аляски.

Кстати, в детстве молодой император считал, что фамилия Ленин происходит от имени Лена. Мало ли, вдруг у Владимира Ильича была какая-то романтическая история, в честь которой он и взял себе такую фамилию? Но потом оказалось, что она происходит не от какой-то там девушки Лены, а от реки с таким названием, где в то время в очередной раз обострилась классовая борьба. Новицкий, узнав такое, был даже немного разочарован*.

Вот, значит, и следовало найти человека, который возьмется организовать там золотодобычу. Да еще прикинуть, на каких условиях он будет ей заниматься.

С одной стороны, они не должны получиться такими выгодными, как у Баташева, ведь тот был первым. Да к тому же взялся за дело, поверив царю, тогда вообще еще не имеющему никакой власти! Кроме того, на Лене заметно больше золота, чем на Миассе.

Но, с другой стороны, путь туда и оттуда существенно длиннее, да и места более дикие, что предполагает повышенные накладные расходы. В общем, тут еще предстояло подумать, чтобы потом не кусать локти оттого, что затея провалилась из-за недостатка денег. Или, наоборот, она не провалится, но настолько обогатит взявшегося за разработку, что тот станет олигархом похлеще Меншикова.

Вообще-то Новицкий знал одного человека, в принципе способного справиться с подобной задачей. И в то же время хорошо понимающего, чем может кончиться попытка обмана хоть и молодого, но уже успевшего заработать вполне определенный авторитет императора. В силу чего второго февраля на ужин был приглашен поставщик двора его императорского величества купец Иконников.

Начал молодой царь с того, что поинтересовался, не желает ли его гость расширить сферу применения своих недюжинных способностей. И, услышав подтверждение, выложил на стол обязательство о неразглашении государственной тайны.

— Внимательно прочитай сию бумагу, Сергей Порфирьевич, — предложил император. — И, ежели не найдешь ничего для себя неприемлемого, подпиши, чернила и ручки вон на том столике.

Прочитав короткий текст, Иконников поежился — санкции там были прописаны весьма суровые. Однако он уже успел убедиться, что молодой царь весьма разумен и зря никакого живодерства обещать не будет. Значит, выгода тут действительно светит такая, что за нее не грех и рискнуть, подытожил размышления купец и, вздохнув, поставил подпись в соответствующей графе.

— Я и не сомневался в твоём решении, — улыбнулся Новицкий. — Так вот, ты,

наверное, что-нибудь слышал про купца Баташева.

Разумеется, Иконников про него не просто слышал, а знал, и немало. Поднялся тот очень сильно после получения императорской лицензии на добычу золота на Урале, теперь даже с Демидовыми разговаривает на равных. А когда те все-таки решились осадить выскочку, заручившись поддержкой екатеринбургского губернатора, то даже не успели толком с ним договориться, как на Урал прибыл второй батальон лейб-гвардии Измайловского полка во главе с самим Павшиным. Тот без всякого почтения согнал всю губернскую верхушку в зал дворянского собрания и зачитал императорский указ, по которому за воспрепятствование в делах особой государственной важности полагалась виселица. Однако ежели подлежащие оному наказанию лица в прошлом имели большие заслуги...

Тут Демидовы с губернатором немного перевели дух, но Павшин продолжил:

— То виселица делается из особо ценных пород дерева, украшается художественной резьбой, вместо же конопляной веревки используется шелковый китайский шнур, мыла вовсе не требующий, а само действие осуществляется под музыку в исполнении полкового оркестра.

В общем, информаторы Иконникова так и не смогли выяснить, сколько именно дали царскому посланцу, дабы замять это дело, но что сумма была весьма внушительной, не сомневался ни один. Правда, почти никто и не знал, что три четверти из полученных пятисот тысяч Павшин честно, как ему и предписывалось, передал императору. На самом деле Новицкий пока не хотел вешать никого из Демидовых, но ознакомить их с новыми реалиями следовало, не откладывая. Кроме того, молодой царь вовсе не был столь самонадеян, чтобы надеяться вовсе искоренить коррупцию. Однако ввести ее в приемлемые рамки — совсем другое дело, это уже реально.

— Да, государь, — кивнул поставщик двора, — я слышал про Баташева, и немало.

— Тогда сообщаю, что золото есть не только на Урале, но и за ним, причем в заметно больших количествах. Недавно из экспедиции на Дальний восток вернулся Витус Беринг, и он рассказал, что в бассейне реки Лены есть весьма богатые месторождения. Вот карта, где они обозначены. Про то, как до тех мест добраться, Беринг тебе и сам расскажет, и посоветует, к кому еще обратиться, но не вздумай ему хоть намекнуть о золоте. Он тоже подписывал бумагу вроде этой, поэтому скажет, что не понимает, о чем ты глаголешь, и сразу сообщит мне. Ну, а что будет дальше, ты только что прочитал. Сейчас Беринг проживает в Горенках, он декан Географического факультета Московского университета.

— Так ведь, ваше величество, — неуверенно начал Иконников, взглядевшись в карту, — это ж какая даль-то! Я, хоть и не бедного десятка, все расходы могу не потянуть.

— Просто не потянешь, без всяких "могу", — уточнил император. — Однако я дам тебе ссуду в семьсот тысяч под двадцать пять процентов годовых. Да не пытайся ты соорудить потрясенное несуразной цифрой лицо! Во-первых, даже при таких весьма немалых процентах ты в накладе не останешься. А во-вторых, исчисляться они начнут только с третьего года. Если сумеешь в течение двух лет наладить добычу и отправить в Москву первый караван, то отдавать придется те самые семьсот тысяч, и ни копейкой больше.

— Спасибо, государь, век твоей доброты не забуду. А делить золото будем как — пополам, как с Баташевым?

— Нет, твоя доля будет немного меньше половины, ибо золота на Лене заметно больше, чем на Урале. Сам подумай, какова будет твоя доля, и сообщи мне. Однако ежели она мне покажется слишком высокой, то я ведь и торговаться начну. А хороший торг — дело неспешное, так что вполне ты можешь и не успеть за два года. Тогда придется платить проценты по долгу, потому как семьсот тысяч тебе будут выделены завтрашним днем.

*На самом деле псевдоним "Ленин" Владимир Ильич Ульянов впервые использовал задолго до Ленского расстрела, еще в 1900-м году. Он собирался выехать за границу, но сомневался, что его выпустят под настоящей фамилией. Тогда Крупская обратилась к одному экономисту, сочувствующему марксизму, и тот предоставил паспорт своего отца,

Николая Егоровича Ленина. В документе подчистили дату рождения и использовали его по прямому назначению.

Однако Новицкому эту историю не рассказывали ни в школе, ни в Центре.

Глава 20

Московский императорский университет открылся в сентябре тысяча семьсот тридцать первого года, но даже к февралю тридцать второго его можно было назвать полноценным вузом только из вежливости. Причем не простой, а выдающейся, которой осталось всего ничего до политкорректности. Потому как факультетов там пока было всего два, да и то один из них возник как-то сам собой, вопреки ранее принятому плану.

Первым факультетом был географический, который возглавил вернувшийся из своей первой камчатской экспедиции Витус Беринг. Отправлять его во вторую молодой император не хотел. Все-таки Витус Ионассеневич — человек уже пожилой, хватит ему мотаться по горам и морям, лучше пусть готовит достойную смену, тем более что с образованными людьми в России сейчас очень туго. Кроме того, император и так знал, что он там открыл бы, если бы его отпустили, поэтому считал, что Берингу вовсе не обязательно помирать так рано, пусть даже на острове имени себя. В общем, вторую камчатскую экспедицию должен был возглавить Алексей Ильич Чириков. Причем задача у него будет не просто достичь Северной Америки, а найти там залив, который, не вмешайся в это дело Новицкий, через шестьдесят с небольшим лет был бы назван Линн-каналом. Ну, а теперь названием ему пусть подбирает Чириков, но только этим, естественно, его задача не ограничится. Алексею Ильичу придется организовать там небольшой форт, который потом станет опорным пунктом на маршруте к реке Клондайк.

Если честно, то после принятия решения об этом император даже расстроился. Ведь рассказы Джека Лондона о Смоке и Малыше были, пожалуй, его самой любимой книгой! Но теперь через перевал Чилкут пойдут другие. Они достигнут озера Линдеман, преодолечат страшный каньон Белая Лошадь и по Юкону спустятся до Клондайка, а Новицкий в это время вынужден будет сидеть в Москве или в Питере. К сожалению, царю нельзя пускаться в такие авантюры, тем более что у него пока еще нет достойного наследника. За примерами далеко ходить не надо — достаточно вспомнить, во что обошелся России поход Петра Первого на реку Прут.

В общем, весь свой энтузиазм молодой царь употребил на организацию географического факультета, и ныне там обучалось целых тридцать шесть студентов.

Второй же факультет, как уже говорилось, образовался в значительной мере неожиданно. При отъезде из Петербурга Сергей попросил Миниха порекомендовать толкового генерала, который сможет преподавать ему начала современной тактики, а если получится, то и стратегии. Христофор Антонович посоветовал молодому царю обратиться к Ласси, по происхождению ирландцу, но уже тридцать лет пребывающему на русской службе.

Петр Петрович Ласси оказался отличным педагогом, и у Новицкого почти сразу возникла мысль организовать нечто вроде Академии генштаба — чтоб, значит, у генерала зря таланты не пропадали. Однако возня с созданием университета показала Сергею, что еще один столь же масштабный проект одновременно ему просто не вытянуть, и молодой царь решил для начала ограничиться военным факультетом в составе того самого университета. Это получилось, и недавно к занятиям приступили первые двадцать восемь студентов, набранных из наиболее способных младших офицеров и унтеров лейб-гвардейских полков.

Остальные же факультеты пока существовали исключительно на бумаге, не имея не только учащихся, но даже деканов. Вместо них функционировало подготовительное отделение, задачей которого было научить кандидатов в студенты хотя бы читать, писать и считать устно до ста, а на бумаге до тысячи. Потому как программа по поиску способных молодых людей как-то работала, но они в большинстве своем оказывались просто неграмотными. Однако, несмотря на это, среди них уже были несколько довольно

многообещающих экземпляров.

В детстве император читал какую-то затрепанную книжку про историю авиации, и в числе пионеров воздухоплавания там упоминался подьячий Крякутной, который якобы первым в мире построил летающий воздушный шар, за что был проклят церковью и изгнан из Рязани. Причем все вроде как произошло как раз в эти времена, так что Новицкий, уже пребывая в Центре и готовясь к занятию должности императора, посмотрел в интернете и про эту историю тоже. Увы, она, похоже, была чистой фальсификацией, но молодой царь все же велел Афанасию Ершову послать в Рязань пару человек поспособней с целью уточнить, что же там происходило на самом деле. Вскоре они вернулись с довольно интересным докладом.

Итак, никакого подьячего Ефима Крякутного в Рязани не обнаружилось. Нашелся Крякнутий, но не подьячий, а дяк, и звали его не Ефим, а Порфирий. Никаких воздушных шаров он не строил и даже помышлял о подобном, а просто пил горькую. За что действительно был проклят, но не всей церковью, а всего лишь настоятелем Успенского собора, коему этот Порфирий по пьяни год назад дал в морду.

В принципе, этим можно было и ограничиться, но подчиненные Ершова проявили разумную инициативу. В конце концов, их послали искать хоть какие-то следы летающего устройства, а не просто Ефима Крякутного, так что сбор информации был продолжен. Вскоре нашелся еще один Ефим, фамилия коего была Черпак, а сам он был кузнецом из Рязьска. Вот этот имел к полетам самое непосредственное отношение. Он сделал крылья из проволоки, обтянутой бычьими пузырями, надел их на руки, к заду привязал длинный хвост из ястребиных перьев и долго бегал в таком облачении вниз по склону холма, подпрыгивая и пытаясь взлететь. Однако это у него не получилось, и в конце концов Черпак подвернул ногу и упал, да прямо рожей о булыжник, по каковой причине его крылья сломались, а рожа, и до того не блиставшая красотой, стала просто непотребной. Убедившись, что более никто в окрестностях Рязани летать не пытался, посланцы Афанасия быстро доставили кузнеца вместе с обломками его крыльев в Лефортовский дворец.

Царь отметил их усердие большой премией, о чем пожалел после первой же беседы с Ефимом Черпаком. Нет, парням вполне хватило бы и обычной! Потому как руки у кузнеца оказались действительно золотые, тут эмиссары мажордома не ошиблись. Но вот голова, к сожалению, была дубовой, в чем Новицкий убедился довольно быстро. Несмотря на все старания императора, за сорок пять минут кузнец так и не смог понять ничего. Понятия "удельная нагрузка на крыло" и даже "центр тяжести" так и остались для него покрытыми мраком тайны. Про центр давления Сергей не стал даже заикаться, а, вздохнув, выписал Ефиму направление на подготовительные курсы. Вдруг в процессе учебы человек хоть немного научится пользоваться мозгами? Ведь были же такие случаи, хотя и редко.

Однако на этом история не закончилась. За ужином Лена заметила, что император вроде как чем-то расстроен, и поинтересовалась причиной. Сергей начал рассказывать, понемногу увлекся и примерно к полуночи выложил все, что знал об аэродинамике. А знал он не так чтобы совсем мало — во всяком случае, гораздо больше своего среднестатистического ровесника из двадцать первого века. Ведь царь собирался, прижившись на троне и отвоевав у турок Крым, построить параплан, а то и вовсе настоящий планер и летать на нем в окрестностях горы Узун-Сырт в Коктебеле! Когда он там отдыхал, этих парапланеристов на горе было много, но его, к сожалению, туда не пустили.

Так вот, когда император закончил объяснения, его подруга всплеснула руками:

— Питер, ну как же так можно? Человека прямо из захолустной кузницы на перекладных доставили в императорский дворец, опомниться не давши, привели к царю, и ты хочешь, чтобы он сразу пришел в себя? Да он же небось от стеснения ног под собой не чувял! Даже я и то, вспомни, поначалу в твоём присутствии слова молвить не могла.

— Неужели? — удивился Сергей. — Но, даже если это и так, то сейчас ты еще как можешь, и далеко не одно слово.

— Вот именно! Так я же умная, почти как ты, а это простой кузнец. Даже если он всего

и не поймет, что ты ему скажешь, то все равно — у нас что, мастеров совсем девать некуда? И неужели действительно можно построить летающую машину — что же ты мне раньше об этом не говорил? Да мы...

Тут Татищева глянула на часы и резко сменила тему беседы:

— Первый час уже. То-то смотрю, что ты уже пару раз зевок подавлял — может, пойдем спать? А про поперечную устойчивость ты мне завтра расскажешь, а то я пока не понимаю, как тут действует масштабный фактор.

Вообще-то я тоже, подумал император, гася керосиновую лампу, но у меня есть планшет. И там, кажется, про это что-то такое было. Но это действительно завтра, причем не с самого утра, а сейчас найдется и более интересное занятие.

Вскоре, к удивлению Новицкого, интерес к воздухоплаванию проявил и владыка Феофан. Он уже закончил преподавание основ православия, но, оставаясь одним из ближайших сподвижников молодого императора, довольно часто удостоивался аудиенции. И вот, значит, на одной из них он заявил:

— Дошло до меня, государь, что вызвал ты из Рязани некоего кузнеца, который там пытался сладить крылья, подобные тем, что летучая мышь имеет, и полететь на них, но не удалось ему сие предприятие. Но не думаешь ли ты, что оное произошло всего лишь из-за недостатка средств? Мол, если кузнецу помочь, то он и полететь сможет. Если так, то это ошибка, в своем развитии могущая дойти до богохульства. Ведь Господь не зря не дал человеку крыльев.

Интересно, кто ему настучал, подумал император. Пусть бабка этим немедля займется, авось и узнает чего любопытного. Но сказал он, разумеется, другое.

— Отвечаю по порядку. Кузнеца я действительно вызвал, но всего лишь на учебу. Пусть сначала хоть по складам читать научится, а уж тогда и буду думать, к чему полезному его приспособить можно. Далее. Если я только собираюсь совершить ошибку, результатом которой может стать богохульство, то вы, владыко (архиепископ напрягся), ее давно уже совершили и по самые уши в том самом богохульстве пребываете. Ведь Господь не дал человеку не только крыльев, но и колес! Которые еще хуже, так как аналогов у сотворенных существ вообще не имеют. И как же у вас смелости-то хватило в карете ездить? Или, коли сейчас зима, в санях? Раз Господь не снабдил человека полозьями, так, по-вашему, теперь надлежит уцепиться за конец хвоста и волочиться за лошадью на брюхе?

Феофан почувствовал, что, кажется, совершил крупную ошибку, о чем недвусмысленно говорило императорское обращение на "вы". Ведь на самом деле ему было глубоко плевать, что там сделал или собирался сделать тот кузнец, будь он трижды неладен со своими крыльями и дурацким хвостом из перьев. Владыка хотел провести в Рязани кое-какие кадровые перестановки, вот и выбрал подвернувшийся повод. И ведь все говорило о том, что император не проявляет к данной истории никакого особого интереса!

Разумеется, архиепископ и в мыслях не держал всерьез перечить его величеству. В том, что решимости его бывшему ученику не занимать, он убедился на примере судьбы Михаила Голицына. Впрочем, скоро последовали другие, подтвердившие, что идти против молодого императора — это своими руками рыть себе же могилу. Так, например, однажды Георгий, архиепископ Ростовский и Ярославский, неодобрительно высказался о строящемся нартовском заводе. Феофан сразу начал думать, как бы использовать во благо неосторожное высказывание соперника, но царь его опередил. Тем же вечером полувзвод измайловцев ворвался в покои Георгия, где и обнаружил его в компании обнаженного отрока, причем в весьма недвусмысленной позе, не допускающей двоякого толкования. Император, несмотря на позднее время, немедленно заявил, что это есть злостный подрыв авторитета как духовной, так светской власти, что является тягчайшим преступлением против империи. Утром ошалевший архиепископ был извергнут из сана, а уже в полдень пешком двинулся по Владимирскому тракту — в ссылку.

— Вы сильно рискуете, владыко, причем совершенно зря, — продолжил тем временем молодой царь. — Ваши планы относительно рязанских иерархов мне известны, и я не

нахожу в них ничего предосудительного. И если бы я не знал, чем в действительности вызвано внезапно охватившее вас стремление — не побоюсь этого слова — к мракобесию, то мог бы сгоряча отдать несколько приказов, результата исполнения которых вы, скорее всего, не пережили бы. В общем, делайте, что задумали, но, прошу вас, крепко запомните — не нужно пытаться мне что-то внушить путем интриг. Сразу говорите прямо, так будет куда лучше. Не только вам, но и мне тоже — не придется ломать язык обращением на "вы".

На самом деле владыка Феофан был в какой-то мере прав — развитие авиации и воздухоплавания в ближайших планах императора не значилось. То есть он не собирался выделять на него самого дефицитного ресурса — своего времени. И так с Леной приходится общаться по паре часов в сутки! Нет уж, планеры с воздушными шарами подождут. Вот если бы нашелся человек, способный потянуть эту проблему сам, получив минимальные сведения от Сергея, тогда да. Деньги ему были бы выделены без промедления. Но кузнец Черпак к таким свершениям оказался явно не способен, отчего молодой царь и огорчился. Лена, конечно, потянет и воздушный шар, и планер, но у нее со временем те же трудности, что и у Новицкого, так что ей это поручать нельзя. Во-первых, опять начнет худеть, ведь только-только стала похожа на человека. А во-вторых, ей тогда и на сон-то времени толком не останется, не говоря уж о том, чем они с царем занимались перед сном, а иногда и после. Нет, решительно подумал император, это не наш метод. Пусть подруга продолжает возиться с паровозом, авиацию же придется отложить до лучших времен. Либо до присоединения Крыма, либо до того момента, когда найдется человек, способный взять на себя это дело.

Можно, конечно, во всеуслышание объявить что-то вроде конкурса с хорошим призом, но далеко не факт, что он даст ожидаемые результаты. Зато про секретность тогда лучше сразу забыть, и вполне может получиться так, что под влиянием того конкурса первый воздушный шар, а то и планер будет построен в какой-нибудь Англии или Франции.

Однако внушение, устроенное Феофану молодым императором, не прошло даром. Владыка был не только вице-президентом Святейшего Синода, но и архиепископом Новгородским, и после завершения рязанских дел он решил посетить свою епархию, где бывал не так уж часто. Вскоре из Новгорода пришло письмо, свидетельствующее о том, что затрепанная книжка про авиацию времен детства императора была совершенно права. Первый в мире воздушный шар был создан именно в России! Правда, в описание этого события, как выяснилось из письма, вкралось несколько мелких неточностей.

Описанное событие произошло не в Рязани, а в селе Подберезье недалеко от Новгорода. Пионера воздухоплавания звали не Крякутной и даже не Крякнутой, а Уткин. Был он не дьяком и не подьячим, а сыном купца, владельца бумажной мануфактуры. В силу чего шар был сделан не из полотна, а из бумаги. Диаметр шар имел три сажени, то есть порядка шести метров, поэтому из-за столь невеликих размеров поднять человека никак не мог. В первый и единственный полет был отправлен кот. Через пару минут после взлета шар загорелся и упал, но воздухоплаватель остался цел и невредим. Более сын купца летающих шаров не строил, ибо у отца его дела пошли плохо, ныне у него того и гляди отберут за долги мануфактуру.

Через три часа после получения царем письма в Новгород поскакал лучший курьер из тех, что смог найти Афанасий Ершов. Вез он послание Феофану, в котором Новицкий извещал, что все его претензии к владыке снимаются, если тот сделает следующие вещи.

— Первое — немедленно и любым способом урегулирует финансовые трудности Уткина-старшего. Если при этом придется потратить свои деньги, то императорская канцелярия возместит их в полуторном размере.

— Второе — после урегулирования со всей возможной вежливостью пригласит в Москву младшего Уткина.

— И кота, кота тоже! — взволнованно прошептала Елена, присутствовавшая при написании императорского послания.

Сергей кивнул и приписал "совместно с упомянутым котом".

Глава 21

Платон Воскобойников отбыл в Париж в конце февраля, сразу после того, как пришло письмо от Сергея Миниха. В нем сын фельдмаршала сообщил, что почва для приезда делегации подготовлена и разрешение короля, хоть и выраженное простым кивком во время трехминутной аудиенции, получено.

Легендой для приезда выступало якобы имеющее место преклонение русского императора перед не так давно почившим Людовиком Четырнадцатым. Вот, значит, он и отправил собирать сведения о великом монархе известного московского летописца, боярина Платона Воскобойникова, предупредив его, чтобы он не забывал — русский титул "боярин" примерно соответствует французскому барону, это как минимум.

Боярина сопровождали две дочери. Правда, о своем внезапно возникшем родстве они узнали перед самым отъездом, но никакого потрясения не испытали, потому как уже почти год были готовы к чему-то подобному.

Еще в составе делегации присутствовал художник. Почти настоящий — во всяком случае, император в конце концов сумел различить, где он нарисовал лошадь, а где таракана. А вообще-то данный индивидуум обладал весьма многоступенчатой легендой.

Первый ее слой состоял, как уже говорилось, в том, что он едет в Париж, дабы на месте снабжать иллюстрациями эпический труд Воскобойникова. Однако вскоре по приезде в столицу Франции должно было выясниться, что на самом деле молодого человека зовут Александр Милославский, и он один из последних представителей старинного княжеского рода, почти под корень изведенного Петром Первым. Теперь, опасаясь за свою жизнь, молодой княжич решил покинуть Россию. Ибо ныне царствующий внук Петра неоднократно заявлял, что будет по мере сил продолжать дела своего великого деда.

Однако и это было еще не все. Присмотревшись к юному князю, можно было усомниться в его половой принадлежности — ведь юношам как-то не очень свойственна грудь третьего размера, да и попа у них, как правило, немного не такой формы. В общем, Людовику Пятнадцатому предстояло впасть в подозрение, что это не совсем Александр, а скорее Александра. Которое потом подтвердит Воскобойников — да, мол, это и есть княжна Александра, внучка того самого князя Ивана Милославского. Причем тут ему даже не придется врать — упомянутая девушка, еще только начиная работать на бабку, откликнулась на имя Сашка Вертихвостка. Действительно, она умела очень завлекательно вертеть тем местом, откуда в случае своего наличия рос бы хвост. А император уже озадачил кого надо поиском случайно уцелевших Милославских — чтоб, значит, они ее удочерили, увнучили или еще как подтвердили свое родство с этой замечательной девушкой.

— А вдруг не захотят? — поинтересовался тогда Платон, но понял свою ошибку еще до того, как глянул на императора. Как то есть они могут не захотеть — совсем, что ли, дурные? Да это лучше будет самим сразу повеситься.

Женская свита Воскобойникова была набрана им по результатам предварительных исследований вкусов французского короля — Платон не исключал, что какая-то из девушек может понравиться ему сразу. Ну, а если нет, то появится материал для корректировки предъявляемых к кандидатке требований.

Примерно в это же время в Россию из Пруссии возвращался великий химик, микробиолог и астральный целитель Кристодемус. Его миссия в Берлине увенчалась полным успехом по всем направлениям. Король в результате лечения почувствовал себя лучше, и его приступы внезапной ярости почти прекратились. Шенда понимал, что тут сработали не столько чудодейственные свойства керосина и даже не его мерзкий вкус, столько цена одного препарата. Королю просто жадность не давала зря гневаться, она оказалась куда сильнее болезни. В общем, в состоянии больного наступило улучшение, и какая разница, что за фактор сыграл в этом решающую роль.

А еще Кристодемус вез лично написанное королем приглашение императору Петру Второму ближайшим же летом посетить Берлин. Вот целитель и торопился в Москву, дабы

поскорее передать письмо его величеству. Хотя, конечно, только этим причины для спешки не ограничивались.

Узнав подробности о керосиновой коммерции Кристодемуса, император предупредил, чтобы тот сразу сказал, когда цена новейшего чудодейственного лекарства начнет падать. Потому как молодой царь из каких-то своих соображений не хотел долго держать в тайне тот факт, что керосин получается из нефти. Так вот, за всего за две с небольшим недели в Пруссии Шенда заработал почти шесть тысяч талеров, причем более чем на две трети — именно на керосине. То есть ни о каком насыщении рынка и связанным с ним падении цены не могло быть и речи, и целитель торопился лично поведать об этом его величеству, чтобы он как-то подкорректировал свои планы относительно разглашения тайны. Пусть все и дальше считают, что керосин получается из моржового жира. Причем моржи годятся не абы какие, а только те, которые старше тридцати лет. Император специально ввел именно такое условие, дабы браконьеры, кои неизбежно там появятся, не трогали моржовую молодь, а били только глубоких стариков. Кристодемус, услышав то условие, даже задумался — да какая же польза может быть от этих ластоногих, что царь о них так заботится? Однако до сих пор узнать хоть что-то обнадеживающее так и не удалось.

Ломоносов пока еще не пустился в путь, но тоже собирался в ближайшее время покинуть Санкт-Петербург и двинуться в Москву, имея при себе весь запас полученного соединения калия с хлором, которое с подачи императора уже именовалось ломоносовой солью. Вещество действительно оказалось хоть и опасным в обращении, но очень интересным. В частности, будучи смешано с сахаром, серой и мелко толченым стеклом, оно образовывало гремучую смесь, взрывающуюся от удара определенной силы. Кроме этого, так называемого иницирующего разрыв-состава (название было предложено царем вместе с заданием на разработку), Михаил, обнаружив, что новая соль ведет себя во многом подобно селитре, по собственной инициативе попробовал сделать на ее основе порох. Этот получилось, хотя и не при таком соотношении компонентов, как в обычном порохе, и новый оказался примерно вдвое мощнее, вот только обращаться с ним требовалось куда осторожней. Все бы хорошо, но ружья при выстреле давали слишком сильную отдачу, а у одного даже треснула казенная часть ствола. А вот пистолеты с новым порохом стреляли намного лучше почти без каких-либо неприятных последствий. Задумавшись, почему так, Михаил пришел к выводу, что все дело в скорости горения. Она должна быть такой, чтобы порох полностью сгорел как раз за то время, что пуля разгоняется в стволе, а не больше или меньше. У старого пороха эта скорость зависела от того, насколько плотно был запрессован заряд, а у нового такая зависимость была выражена гораздо слабее — он всегда горел очень быстро. Изложив все это в письме его императорскому величеству, Ломоносов в ответ получил вежливый выговор за то, что передает столь секретные сведения обычным письмом, и приказ возвращаться в Москву, где будут созданы все условия для продолжения исследований.

Получив приказ выяснить, откуда Феофан Прокопович узнал о розыске в Рязани людей, пытавшихся летать, Анастасия Ивановна выполнила его довольно быстро. Оказалось, что у владыки была собственная разведслужба — хоть и совсем маленькая, но довольно эффективная. Руководил ей некий иеромонах из Пскова, отец Антоний. Возраста он был среднего, никак не больше сорока лет, но выглядел куда старше из-за чахотки, причем, похоже, в последней стадии. Узнав все это, император пригласил иеромонаха на ужин, не очень опасаясь заразиться — все-таки в детстве ему делали прививку.

— Задумал я, отче, построить храм рядом с Лефортовским дворцом, — начал Сергей, покончив с десертом. — Потому как народу во дворце обитает много, и разве это дело, когда за духовным окормлением им приходится шастать аж на Покровку? Вот только с кандидатурой настоятеля у меня пока как-то не очень. Пряхин, конечно, служитель достойный, с должностью царского духовника как-то справляется, но для настоятеля больно уж он неводержан в питии, да и умом не блещет. Начал искать, и кое-кто мне порекомендовал тебя. Возьмешься за такое дело? С отцом Феофаном мы в случае твоего

согласия как-нибудь договоримся.

— Я бы с радостью, ваше величество, да только, похоже, не дожить мне до окончания строительства, — усмехнулся отец Антоний.

— А вот тут есть варианты. Слышал небось, что я два года назад едва не отдал Богу душу? Вытащил же меня с того света целитель Шенда Кристодемус. Силы он неимоверной — у него не то что больные, практически мертвые и то выздоравливают. Правда, не все, а только те, кто верно служат моей особе. Остальные, как правило, помирают. Подумай, а насчет того, что он якобы еретик, так это завистники слухи распускают. Шенда — по всем правилам крещеный православный грек.

На самом деле молодой царь не был до конца уверен даже в истинности последнего пункта, не говоря уж об остальных, но в данный момент это не играло никакой роли. Потому как перед ним сидел кандидат на роль создателя второй секретной службы, в будущем способной конкурировать с бабкиной, и Новицкий собирался приложить все усилия, дабы он побыстрее миновал кандидатскую стадию. В конце концов, зря, что ли, из будущего захвачены стрептомицин и другие антибиотики? У них же срок хранения не бесконечен, а он, император, пока здоров, как бык.

Старший комендант Нулин почти весь февраль провел в тягостных раздумьях, и причиной тому было одно поручение императора, которое у Василия пока никак не получалось исполнить. Оно касалось мужа девицы, попавшейся на воровстве керосина, а потом ставшей лейб-инженером и, как намекнул в зашифрованном письме Афанасий Ершов, еще и новой царской любовницей. Так вот, отставной гвардии поручик Татищев должен был отдать богу душу, но почему-то решительно не хотел этого делать. И в чем только она, его насквозь пропитая душа, еще ухитрялась держаться? Оно было Нулину совершенно непонятно.

Трудности возникли оттого, что Татищев обязан был скончаться каким-нибудь безукоризненно естественным образом — ни пьяная драка, ни нападение разбойников, ни дуэль в качестве причины категорически не годились. Отставной поручик мог дать дуба от обжорства, но вот от голода не имел права. И от пьянства, естественно, он тоже мог помереть, но лошадиные дозы портвейна ему почему-то особого вреда не приносили. Подчиненные Нулина, кои по очереди работали в качестве собутыльников Татищева, и то страдали больше, чем этот пропойца! Да потом им еще по распоряжению царя приходилось доплачивать за вредность — это ж какие расходы, прямо душа кровью обливается. Тем более что ему лично участвовать в питейных вахтах царь строго-настрого запретил. Ну нет в жизни счастья, и все тут! Кто там у нас сегодня дежурный, пора отправлять смену предыдущей вахте.

Нулин глянул в окно, за которым бушевала февральская метель, и его слегка передернуло. В Летнем дворце и так не жарко, все-таки тонковаты его стены для русских зим, плохо держат тепло, а тут еще и на улице творится черт знает что, хороший хозяин и собаку не выгонит. Хотя... собаку? Да эта пьянь хуже любой шавки! Вот пусть намерзнется, простудится и помрет, куда уж естественней.

Василий быстро достал писанные лично императором условия и еще раз перечитал, хотя к нынешнему дню и так, почитай, знал их наизусть. Нет, про смерть от переохлаждения там не говорилось ничего. И, значит, следовало проинструктировать дежурную смену относительно изменения планов.

Итак, портвейна она с собой не почти принесет, но скажет, что его полно в Летнем дворце, и пригласит Татищева туда. Вот, значит, и пойдут они — пьяные, периодически падая в сугробы, все две версты, что отделяют дом поручика от дворца. Кстати, надо сказать старшему истопнику, чтобы топили только две печи, пусть во всем левом крыле будет холодно и промозгло. Не может быть, чтобы эта пьянь без вреда для здоровья все перенесла! А даже если и выйдет так, то ведь наверняка это не последняя метель.

Старший комендант еще раз прикинул, как будут развиваться события, и вскоре нашел слабое место только что придуманного плана. Ведь получается, что хмырь может дать дуба в

царской резиденции! А это совсем ни к чему, и, значит, надо держать наготове пароконные сани с хорошим кучером. Как только Татищев вплотную подойдет к встрече с создателем, его надо погрузить в сани и отправить домой, где отставного поручика будет ждать врач, который и примет его последний вздох. Да, так, кажется, будет правильно.

Гордый мощью своего разума, Василий Нулин встал и пошел лично отдавать необходимые распоряжения.

Днем первого марта император получил короткое письмо из Санкт-Петербурга. Прочитав его, хмыкнул и решил, что до вечера надо будет выделить минут десять — потренироваться изображать соболезнующее-трагическое выражение лица, с коим он сообщит Лене полученную новость. В конце концов, в жизни девочки произошло знаменательное событие — она стала вдовой! Впервые, причем вполне возможно, что и в последний раз. Может, сказать, чтобы заранее принесли стакан вина? А то вдруг Лена разволнуется, и ее придется успокаивать.

Не годится, решил Сергей, мне с ней потом еще спать, так что обойдемся без пьянства в императорской резиденции, которое тут, между прочим, вообще запрещено. Надо будет — найдется какой-нибудь другой способ успокоить подругу, если она вдруг впадет в неумеренные переживания. А пока не помешает сходить на третий этаж и отправить Нулину небольшую радиogramму.

Елена пришла поздно и усталая, у нее что-то не ладилось с двигателем для паровоза, поэтому даже не сразу сообразила, о чем ей сообщил император. Вникнув же, спросила, как это произошло.

— Сходил куда-то пьяный в метель, простудился и помер, — пожал плечами Сергей.

— Да, выезд он еще два года назад пропил, — кивнула девушка. — Не знаешь, его похоронят сразу или будут ждать меня?

— Думаю, что не будут, — предположил Новицкий. Основания для этого у него имелись — ведь трудно себе представить, чтобы Нулин нарушил только что полученный прямой и недвусмысленный приказ, гласивший — отпевать и хоронить немедленно, никого не дожидаясь. Еще не хватало, чтобы Лена кинулась в Питер, это в лучшем случае пять дней туда и столько же обратно. Да она еще и простудиться в дороге может, как, например, после Рождества простудилась. Температура была аж тридцать восемь с половиной! Нет уж, пусть Татищева хоронят друзья, то есть дежурная смена собутыльников.

— Хотя и жил он последнее время свинья свиньей, а все равно как-то жалко, — поделилась Елена, сядя рядом с царем. — А теперь, получается, у меня траур, и нам сегодня ночью вместе быть нельзя.

Сергей глянул на подругу — кажется, она на самом деле переживает. И, значит, цитату из анекдота "мы будем делать это медленно и печально" лучше придержать при себе, а то может получиться какое-то неуместное ерничанье.

— Ладно, тогда в твоём распоряжении наша кровать, а я лягу здесь, на диванчике.

— На этом, что ли? — возмутилась Лена. — Он же маленький и неудобный! Ты высокий, тебе ноги будет некуда вытянуть, а мне он в самый раз по росту. К тому же я сплю спокойно, а ты во сне вертишься, еще свалишься ненароком, а это ни к чему. В общем, диванчик на сегодняшнюю ночь мой, а ты спи в кровати, как положено императору.

В эту ночь Новицкий заснул хоть и один, но с неожиданной мыслью — надо же, как, оказывается, приятно, когда о тебе кто-то заботится. Причем то, что на самом деле эта забота совершенно не нужна, ему доводилось спать и в куда худших условиях, чем на том диване, никакой роли не играло.

Глава 22

Новицкий давно обратил внимание, что в восемнадцатом веке климат оказался несколько холоднее, чем в двадцать первом. Причем не в смысле максимальных температур жары летом или морозов зимой, а в среднем. То есть зима здесь продолжалась почти на

месяц дольше, чем там. Например, весенняя распутица начиналась примерно десятого апреля, и это учитывая, что в России действовал юлианский календарь, на одиннадцать дней отстающий от григорианского. Поэтому ничего особо удивительного в том, что пятого апреля в Москву прибыла очередная порция гостей из Петербурга, не было.

Как сообщили императору, в столицу явился английский посол в сопровождении Павла Ягужинского. Или, как сразу мысленно уточнил Новицкий, Павел Иванович зачем-то притащил с собой Ворда. Интересно, зачем? Нулин про это ничего сообщить не смог. В силу каковых размышлений сразу принять посла император отказался, а пригласил на ужин генерал-прокурора.

— Вовремя ты в Москву собрался, Павел Иванович, — приветливо сказал молодой царь сразу после того, как усадил гостя за стол. — А то ведь в Питере тебе столько приходилось пить на всяких приемах и ассамблеях, что никакой организм не выдержит. Ничего, в Москве он у тебя отдохнет от пьянства, за этим я прослежу лично. А теперь расскажи, пожалуйста, что за нелегкая принесла сюда сэра Томаса Ворда.

Судя по небольшой заминке, Ягужинского так и подмывало уточнить, какие именно формы примет императорская забота о его организме, но он превозмог себя и ответил:

— Англия, как сказал мне Ворд, обеспокоена хоть и не очень значительным, но все же повышением цен на пеньку, лен, а также мачтовый и строевой лес, произошедшим недавно вследствие принятой вашим величеством программы дальнейшего развития российского флота. И хочет, чтобы ваше величество разрешил ей организовать в России компанию, которая будет заниматься покупкой означенных материалов напрямую, минуя наших купцов, причем с правом скупать интересующие ее материалы на корню.

Первым побуждением императора было поинтересоваться "а морды у сэров не треснут?", однако он решил все-таки сначала поглубже вникнуть в проблему, причем с разных сторон, начав с самого простого вопроса:

— И сколько они дали или готовы дать тебе за то, чтобы ты поспособствовал благоприятному решению данной проблемы?

— Ворд говорил о ста пятидесяти тысячах рублей, но я с негодованием отверг это противоречащее моим понятиям о чести предложение.

Правильно, подумал Новицкий, про твою неподкупность мне только ленивый не говорил. Если бы тебе, Павел Иванович, еще пить поменьше да характер иметь не столь склочный, был бы не генерал-прокурор, а просто-таки вопиющий пример идеального чиновника. Вслух же царь сказал:

— Молодец! Настоящая неподкупность, как у тебя — она, вне всякого сомнения, стоит очень дорого и уж никак не может оцениваться какими-то жалкими ста пятьюдесятью тысячами. Однако про это мы поговорим чуть позже, а пока поподробней расскажи мне, пожалуйста, о глубинных причинах английского беспокойства. А потом о том, что получит и что потеряет Россия как в случае принятия их предложения, так и в случае отказа.

— Ныне Англия строит свой немалый флот исключительно из привозного дерева, — прокашлявшись, начал Ягужинский. — Почти весь мачтовый лес и пеньку она получает из России. Строевой, в основном дуб — примерно поровну от нас и от пруссаков. За последние пять лет закупки льна выросли более чем в два раза — видимо, попытки англичан перевести изготовление парусов на хлопок потерпели неудачу. Флот же является основой и краеугольным камнем процветания оной страны, вот она и озабочена поиском путей для бесперебойной поставки материалов. Однако то, что они предлагают, я считаю неприемлемым, ибо образование такой компании нанесет большие убытки нашему купечеству.

Ну, пожалуй, не всему, прикинул Новицкий. Тому же Иконникову, например, на нее будет глубоко начхать. А пострадают те, кто в текущем времени является аналогами российских нефтяных олигархов двадцать первого века, то есть люди, по определению никаких добрых чувств не заслуживающие. Нет уж, торговать природными богатствами страны должно государство — тогда хоть сохраняется отличная от нуля вероятность, что

полученные деньги будут использованы на благо всей страны. То есть компанию, или, если точнее, совместное предприятие с англичанами организовать, пожалуй, можно. А вот давать ей полную свободу — это фигушки. Однако маловероятно, чтобы англичане хотели во исполнение своих планов профинансировать только Ягужинского. В конце концов их реализация зависит и от императора тоже, и что, интересно, они ему подготовили в качестве морковки?

— Сэр Томас говорил, что в благодарность Соединенное королевство с пониманием отнесется к стремлению России вступить в ряды колониальных держав и окажет ей помощь в создании колонии на свободной территории Карибского моря — острове Тобаго, — внес ясность генерал-прокурор.

Когда это, интересно, Россия успела проявить такое стремление, подумал Новицкий. Они ее, наверное, с Васькой Нулиным перепутали — тот действительно требовал у французов какой-нибудь островок, но должного понимания не встретил. Однако неплохо у сэров разведка работает! Ладно, пора закруглять аудиенцию и идти смотреть в планшете, что это за остров такой, дабы в завтрашней беседе с Вордом предстать во всеоружии.

История острова Тобаго оказалась весьма насыщенной. Похоже, это был единственный случай, когда столь ничемный и никому, кроме его аборигенов, ни для чего не нужный клочок земли столько раз переходил из рук в руки! По состоянию на двадцать первый век — более тридцати.

Открыл его еще Колумб, но впервые высадился на нем спустя четыре года капитан Алонсо де Охеда, назвав этот клочок земли островом Магдалены и объявив собственностью испанской короны. Кстати, никакого местного населения капитан на острове не обнаружил, что, впрочем, еще ни о чем не говорило.

После этого события про остров благополучно забыли почти на сто лет, и только в самом конце шестнадцатого века на нем высадились англичане, объявили его своей колонией и присвоили название Тобаго. Им он тоже показался необитаемым. Однако никакого поселения англичане там не оставили.

Еще через тридцать лет на остров наткнулись голландцы и, не теряя даром времени, построили там небольшой форт и основали при нем поселение. Но тут вдруг откуда-то вылезли до того никем не обнаруженные индейцы и начали активно резать пришельцев, в силу чего их численность стала быстро сокращаться.

Это привлекло к острову внимание Испании, и она вспомнила, что вообще-то он вроде как принадлежит ей (во память у донов! — восхитился молодой царь). С Тринидада туда была отправлена карательная экспедиция, которая частью перебила, а частью пленила остатки голландцев. После чего отчалила, не ввязываясь в драку с местным населением.

Видя такие дела, Англия заявила, что Тобаго — это ее исконная земля, и направила туда две волны переселенцев — первую, чтобы не тратить времени, с Барбадоса, а вторую уже из самой Англии. Обе были благополучно истреблены индейцами, после чего на острове снова воцарились тишь и благодать.

Незадолго до этого у английского короля Карла Первого стало совсем плохо с деньгами, и он занял у курляндского герцога Якоба фон Кеттлера какую-то не очень значительную сумму. Однако когда пришло время отдавать долг, выяснилось, что сделать это никак невозможно, ибо нечем. Тогда король, не особо заморачиваясь сомнительностью распоряжения не принадлежащим ему имуществом, вместо денег всучил герцогу злополучный остров.

Курляндцы подошли к основанию колонии с умом и сначала заключили мир с индейцами, а только потом отправили туда переселенцев. Однако дальше все пошло в полном соответствии с поговоркой "не понос, так золотуха", и колония благополучно вымерла от какой-то местной лихорадки. От нее осталось только название бухты, которая до сих пор именовалась Курляндской.

Герцог не успокоился и отправил на остров новую партию, но тут про него вспомнили голландцы. Некоторое время происходила грызня, в коей принимали посильное участие и

местные индейцы, но вскоре в Европе началась шведско-польская война, из-за которой курляндцам стало не до какого-то там острова.

А во Франции правил король Людовик Четырнадцатый, который, присмотревшись ко всем этим безобразиям, решил сыграть внаглую и подарил Тобаго какому-то Корнелису Ламсису в качестве баронства. И это при том, что туда вообще не ступала нога ни одного подданного французской короны! Однако это историческое недоразумение было быстро исправлено, и в свару включились еще и французы.

После этого на острове лет двадцать не происходило ничего интересного, если не считать неоднократных попыток курляндцев хоть кому-нибудь по дешевке продать столь сомнительное приобретение. Но желающих купить Тобаго не находилось, ибо понять, кто там с кем, за что и насколько успешно воюет, было уже решительно невозможно.

Наконец, в самом начале восемнадцатого века совместным решением Англии, Франции и Испании остров был объявлен свободной территорией, после чего на нем обосновались выжитые с Тортуги карибские пираты.

Да уж, подумал Сергей, у этого острова богатая история, которая сильно снижает его реальную стоимость. Ладно, а что он собой представляет в смысле формы, климата и природных богатств?

Первое, что сразу бросалось в глаза при взгляде на карту — отсутствие хоть сколько-нибудь закрытых бухт. Ничего даже отдаленно похожего на Порт-Артур, Пирл-Харбор или Скапа-Флоу тут не наблюдалось. Имелось несколько заливов, защищенных от ветров и волн максимум с двух третей направлений. То есть полноценную базу для флота без серьезных земляных работ здесь не организуешь, в лучшем случае получится временная стоянка. Это, пожалуй, минус. Климат? Был бы неплохим, если бы не карибские ураганы и не мангровые болота местами. Хотя там почти везде так, поэтому можно идти дальше. Природные богатства? Весьма умеренные. Есть сандаловые и бальсовые деревья. Причем сандаловые — это ладно, прикинул Новицкий. Не больно-то нам нужно сырье для изготовления ВИП-мебели. Я, в конце концов, император, а не какой-нибудь ворюга Табуреткин. А вот бальса — совсем другое дело, она будет очень полезна при постройке планера. И, учитывая, что много ее все равно не надо, можно составить программу-минимум.

Пусть британцы на своем корабле привезут на остров нашу комиссию, якобы для оценки возможностей создания колонии на месте. Эта комиссия осмотрится, приобретет десятка три бальсовых бревен, а потом, уже в России, обнародует свое решение — не нужен нам остров Тобаго. Если только с доплатой, да и то не факт.

Вот только англичане обидятся, продолжил рассуждения молодой царь. Возможно, даже оскорбятся, в силу чего начнут пакостить. А оно нам надо, в такой-то сложной международной обстановке, когда светят войны с Польшей, Турцией и Швецией? Пожалуй, не очень.

А что у нас получается с другой стороны — то есть какой вред и какую пользу можно ожидать от создания совместного предприятия? Первое, что приходит в голову и о чем говорил Ягужинский — это разорение части наших купцов. Значит, надо разработать какой-то комплекс мер, направленных на защиту тех, кто работает по полному циклу, включающему собственно лесоповал, распиловку и транспортировку пиломатериалов. Впрочем, тут все понятно, они будут поставлять материалы для русского флота по заранее согласованным ценам. А те, кто просто покупает в одном месте и продает в другом, пусть выкручиваются как хотят. В конце концов, есть такое понятие, как свобода предпринимательства, вот пусть ей и пользуются, не испытывая на себе тлетворного влияния вмешательства государства в их дела.

Выходит, что с экономикой дела обстоят не так уж и плохо, осталось разобраться с политикой. Тут тоже вроде получается нормально. Ведь если англичане всерьез подсядут на иглу русских поставок, они окажутся в чем-то сильно зависимыми от нас. Правда, воспользоваться этим можно будет всего один раз, а потом они примут меры, но это все равно неплохо. Главное, не разменять этот "раз" на какую-нибудь мелочь, и все. А то ведь в

той истории, как только начались перебои с поставками из России, англичане сообразили, что в Канаде тоже есть сосны, причем более прочные, чем русские. Нет уж, пусть покупают наши и не лезут в Канаду с топорами по крайней мере до отделения своих американских колоний.

И, наконец, остается еще один вопрос — геополитический. Сейчас, понятное дело, Тобаго России нужен примерно так же, как пятое колесо телеге. Однако потом ситуация может сильно измениться. Например, на соседнем острове, Тринидаде, есть нефть, да и до Венесуэлы там рукой подать. И к тому моменту, когда человечество поймет реальную ценность нефти, русское влияние в том районе окажется совсем не лишним. Надо же, англичане, кажется, предлагают действительно выгодную для нас сделку. Да что это с ними, не заболели ли они часом?

Вот только наш народ жалко, почесал в затылке Новицкий. Русский мужик к тамошнему климату непривычен, не начался бы мор, как это произошло у курляндцев. Хотя Тобаго сейчас вроде как свободная территория? Вот и объявить там свободу, равенство, братство, веротерпимость, вольное предпринимательство и все такое прочее, тогда туда валом повалит местное население. Те же белые рабы с Барбадоса, например. Бывшие пираты, да мало ли кто еще, активного народа в Карибском море хватает. Вот только негров не надо, ни к чему устраивать на Тобаго второе Гаити.

На этом размышления императора были прерваны высунувшейся из-за двери в спальню Леной:

— Питер, уже давно двенадцатый час! Да знаю я, что ты можешь спать по четыре часа в сутки, только потом ходишь весь зеленый и через слово зеваешь. Вдруг переутомишься и снова заболеешь, как два года назад? Нельзя столько работать.

— Да уж, два года назад я действительно переутомился отдыхать, — усмехнулся император. — А завтра у нас воскресенье, тебе на завод идти не надо, так что подъем у нас будет не в семь, а в девять. Побудем вместе, а то я уже забывать начал, когда тебя при дневном свете видел.

— Ага, как же, вместе — небось у тебя опять государственных дел будет невпроворот.

— Вот мы с тобой ими и займемся. Значит, завтра мне предстоит беседа с английским послом. Вообще-то у него есть свой переводчик, но этого мало, нужен еще и с нашей стороны. Так как английский ты знаешь прекрасно, то больше никого искать я не буду. Согласна?

— Конечно, а что он от тебя хочет?

Новицкий вкратце объяснил.

Поначалу Елена воодушевилась, даже спросила, водятся ли на Тобаго слоны или страусы, но потом сникла и выдала:

— Знаешь, а ведь ты прав — ну зачем он нужен России? Нам с тобой пригодился бы, а вот России — нет. Пусть лучше англичане несколько кораблей дадут с капитанами и офицерами, хоть какой-то флот появится.

— Ага, а потом как появится, так и исчезнет. Корабли сгниют, новых же никто сделать не сможет. Капитаны с офицерами состарятся или просто сопьются, а замены им не будет. Да и без того я им полностью доверять не смогу. Хотя, конечно, мысль у тебя правильная. В предполагаемом совместном предприятии российская сторона обеспечит не только сам лес, но и доставку его к месту погрузки на корабли. Вот пусть англичане тоже ответят взаимностью, то есть не просто всучат нам тот Тобаго, но еще и обеспечат доставку туда наших людей и грузов. Матросов мы им дадим, пусть набираются опыта в настоящих походах, а корабли и командный состав — это их дело. Иначе придется им лес из Вологды в Питер на горбу таскать или привозить в Россию своих лошадей, которые на нашем бездорожье быстро сдохнут.

— И посылать туда надо не простых мужиков, а пьяниц, — дополнила идею Елена. — Небось у индейцев водкой-то не особо разживешься, быстро протрезвеют. Жалко, что муж мой помер, там бы ему было самое место. Не простудился бы, и жил долго-долго.

Как же, подумал Новицкий, да на Тобаго его бы в момент крокодил сожрал, несмотря на то, что их там отродясь не водилось. Но сама идея правильная, всяких преступников не обязательно ссылать именно в Сибирь, туда тоже будет неплохо.

Глава 23

— Гера, друг мой, ведь не для тебя посажена эта пальма! — вежливо сказал император, но потом вспомнил, что конкретно с этим собеседником не обязательно придерживаться правил, им же самим для себя установленных. И рявкнул:

— А ну брысь, зараза мохнатая!

Это, в отличие от предыдущего обращения, было сразу понято, и кот Герой, получивший свое имя за беспрецедентный полет на воздушном шаре, опрометью сиганул с бочки, в коей произрастала небольшая пальма, в два прыжка достиг корытца, где специально для него была высажена рожь, и спрятался за стеблями. Потом осторожно выглянул, убедился, что прямо сейчас в него ничего не полетит, отгрыз один стебелек и принялся его демонстративно жевать. Мол, я не виноват, ошибочка вышла, с кем не бывает. Там трава и тут трава, обе зеленые, немудрено и запутаться. Хотя, конечно, он был очень сообразительным животным и разницу между рожьей, которую можно есть, и пальмой, которую нельзя, понимал прекрасно.

Вот и сейчас Герой притих за корытцем, изредка косясь на входную дверь. Едва освоившись в Лефортовском дворце, он уяснил, что в присутствии царской подруги можно позволить себе существенно больше, чем в ее отсутствие, и теперь ждал, когда придет Лена.

Разумеется, кот не был совсем уж неблагодарной скотиной и не забывал своего первого хозяина, Глеба Уткина, который сейчас жил в заднем флигеле дворца. Его Герой навещал раза два в неделю, а все остальное время делил между императорскими покоями и кухней.

Поначалу кота на общих основаниях пропускал караул в приемной, но Сергею быстро надоело по десятку, а то и по двадцать раз в день дергать за шнурок, сообщая, что он готов принять четвероного визитера. Просто же сказать, чтобы его пускали всегда, было нельзя, ибо это означало — дверь может открыться и без специального на то императорского разрешения, что явилось бы вопиющим нарушением всех мыслимых устоев.

Елена предложила пропилить окошко в нижней части двери, но Сергей решил, что ослаблять ее конструкцию не годится. Вместо этого пробили небольшую дырку в стене, а с обеих ее сторон сделали под прямым углом короткие коридоры из кирпича, завесив вход и выход маленькими бархатными портьерами. Столь сложная конструкция была выбрана для того, чтобы ни у кого при всем желании не получилось бы выстрелить через кошачью дырку. Теперь кот мог посещать императора и его подругу когда угодно, не беспокоя караул, и беззастенчиво этой возможностью пользовался.

Дзинькнул звонок, означающий, что пришла Лена. Кот заранее надулся, дабы урчать погромче, когда его возьмут на руки, и приготовился покинуть свое укрытие за рожьей. Вошедшая не обманула его ожиданий — поздоровавшись и поцеловавшись с императором, она сняла плащ и протянула руки:

— Иди сюда, котик, иди. Небось соскучился? Тебя тут без меня не обижали?

Кот заурчал ей прямо в ухо. Полное впечатление, что ябедничает, подлец, подумал император, распорядясь насчет ужина. Совсем его Лена разбаловала, скоро никакого сладу с животной не будет. Ребенка ей надо, вот в чем дело. И мне тоже не помешает, а, значит, пора внести изменения в расписание наших ночных радостей, закончил свою мысль Сергей, немного удивившись, как это он так легко решает один из важнейших в жизни вопросов.

— Опять пальму грыз? — чуть отодвинула от себя кота Лена. — Котенька, ну нельзя же, у нее листья острые и сок для кошек очень вредный, у тебя мордочка порежется и расстройство желудка может приключиться.

Насчет вредности пальмового сока для кошек Елене сообщил император, движимый беспокойством, как бы хвостатый не сожрал целиком экзотическое растение, подаренное

английским послом Томасом Вордом. Как он ухитрился доставить его в Москву в самом конце зимы, не поморозив — непонятно. И, главное, так и не сказал, что на ней должно вырасти — кокосы, финики или еще что-нибудь. Наверное, сам не знал.

Кроме пальмы, посол подарил какую-то отвратного вида полуметровую ящерицу якобы с острова Тобаго, но Лена ее боялась, кот, невзирая на имя, тоже, а Сергею было просто противно смотреть на эту рептилию. В общем, он распорядился устроить при Аптекарском огороде Императорский зоопарк и лично передал туда первого обитателя.

Кот тем временем был достаточно обласкан и опущен на пол, где он тут же начал вертеться вокруг стола, время от времени требовательно мяукая. Как будто этот обжора пришел не с кухни, где его накормили от пуза! Хотя, наверное, взбитых с яичным белком сливок и черной икры ему там не давали.

Короче, Герой пожинал плоды своего подвига, причем новый ему, скорее всего, не светил. Потому как император предчувствовал, что не пустить Лену в первый полет на настоящем воздушном шаре будет непросто, а если полетит кот, то и вовсе невозможно. Значит, первооткрывателем пятого океана станет Уткин, тем более что он и не против. И свершится это событие совсем скоро — во всяком случае, бумажные дольки, из которых будет склеен шар, были уже готовы и лежали в большом зале — том самом, где благодаря усилиям Центра и лично Новицкого Анне Иоанновне так и не довелось высочайше изодрать кондиции. Ангар же для шара строился на противоположном берегу Яузы, за императорским огородом, и подрядчик уверял, что все будет готово к середине мая. Большая керосиновая горелка, коей предстояло нагревать воздух в шаре, была уже сделана и даже испытана. Посмотрев, как она работает, Лена пришла в ужас от безумной расточительности императора. К керосиновым лампам она уже привыкла, но тут каждые пять минут сгорал литр этого бесценного снадобья! Сергею пришлось объяснить, что форсированный режим нужен только для предварительного нагрева воздуха в шаре, а при поддержании уже достигнутой температуры расход горючего уменьшится в несколько раз. А потом император рассказал, как соотношение между спросом и предложением влияет на цену продукта. То есть керосин такой дорогой просто потому, что в продажу его поступает очень мало. Выкинь на рынок десятки бочек, и цена сразу упадет. Поэтому излишки лучше просто сжечь, пока их не своровали, а если это еще и принесет пользу, то тем более.

Никакой тайны из готовящегося полета Новицкий не делал, скорее даже наоборот. Например, рабочие, возводившие ангар, знали, что он нужен для воздушного корабля. Дело было в том, что сам факт скорого создания совместной англо-русской компании был уже согласован, а вот ее устав и прочие тонкости — пока нет. Вот император и хотел козырнуть перед Вордом возможностью создания воздушного флота, после чего якобы морской флот потеряет заметную часть своего значения. Поэтому работы шли быстро.

Тринадцатого мая утром был сдан ангар. Несмотря на обнаруженные недоделки, этим же вечером в нем начали шить и клеить шар, и к вечеру семнадцатого закончили. День ушел на надевание сетки и подвес корзины, и, наконец, на утро девятнадцатого мая был назначен первый полет. В порядке закрепления его результатов Елизавета, как имиджмейстер, была озадачена подготовкой к большому императорскому приему, который должен был состояться двадцать первого мая. Если все получится — то в честь благополучного завершения беспримерного полета, а если нет — то в честь какого-нибудь святого, которого цесаревна должна подобрать сама.

— Петя, неужели ты сам полетишь на этих бумажках и тряпках? — всплеснула руками цесаревна.

— В этот раз — нет. Ну, а как-нибудь потом — почему бы и не слетать?

— Тогда и меня возьми! А праздник я тебе устрою самый лучший, такой, какого в Москве еще не бывало.

И вот настал знаменательный день. Император с подругой встали в шесть утра и, наскоро умывшись, чуть ли не бегом отправились к ангару, но там уже всю кипела работа.

Шар был подвешен на стреле перед входом в ангар. Правда, пока он больше напоминал

мокрую тряпку, опутанную веревками, шестнадцати метров длиной. В корзине сидел Уткин и, по одной принимая бутылки с керосином, аккуратно переливал драгоценную жидкость в топливный бак. Рядом стояли трое уполномоченных во главе с Федором, задачей которых было не допустить хищений топлива. Наконец бак наполнился, и пилот взялся за рукоятку насоса.

Горелка по конструкции была близка к примусу, разве что очень большому, но заканчивалась двухметровой жестяной трубой, чтобы исключить контакт открытого пламени с обшивкой. Действительно, на испытаниях оттуда не летело даже искр — один раскаленный воздух.

Вот Уткин решил, что давление в баке достигло нормы, и протянул руку, в которую тут же была вложена горящая лучина. Примус-переросток несколько раз пыхнул, а потом ровно засопел. Пилот начал крутить ручку керосинового крана, добываясь максимальной интенсивности горения.

Минут через пять примус прогрелся, сопение сменилось прерывистым урчанием, а потом пламя, хорошо видимое в прорезях, стало синим и буквально заревело, хоть и не очень громко. Нижняя часть трубы быстро раскалилась до малинового свечения, и шар начал мало-помалу приобретать положенную ему форму.

Сначала разбух самый верх, из-за чего аэростат стал напоминать сморщенную грушу, но потихоньку он все больше и больше становился похож на яблоко. Правда, странной расцветки — нижняя его половина состояла из чередующихся белых и красных секторов. Верхняя же была матово-черной, чтобы в полете солнечные лучи тоже немного подогревали оболочку, помогая горелке поддерживать температуру внутри.

Округлев, шар натянул веревки, крепящие к нему корзину, а верхним краем почти уперся в стрелу. Уткин отдал команду, и ее быстро убрали. Еще пять минут — и корзина начала потихоньку подниматься, и вскоре повисла в метре от земли, удерживаемая только пятью канатами — четырьмя по бокам и одним в центре. Пилот попробовал натяжение всех боковых веревок и поднял два пальца — по этому сигналу ему передали еще две бутылки керосина. Потом в корзину сунули бараний тулуп и меховую шапку — император предупредил воздухоплавателя, что наверху холодно, и чем выше поднимется шар, тем будет холоднее.

Веревки натянулись до звона. Новицкий, почувствовав, что пора говорить напутственное слово, подошел к корзине, набрал полную грудь воздуха и провозгласил, постаравшись, чтобы его слышали не только ближние, но и собравшийся народ на противоположном берегу Яузы:

— Лети, русский Икар! Родина тебя не забудет.

А потом уже нормальным голосом добавил, протягивая Уткину небольшую, но толстую книжицу:

— На, считаешь в полете, если станет скучно. Это "Юности честное зеркало, или показание к житейскому обхождению", там ближе к концу про правила хорошего тона есть. А то ведь после полета я собираюсь пожаловать тебе потомственное дворянство, так что пригодится, дабы в грязь лицом не ударить. Да, и вот тебе мятные конфетки — если начнет тошнить, пососи, и сразу полегчает.

О том, что дворянство будет наименьшей из всех наград, заготовленных для первого в мире воздухоплавателя, император пока не говорил. Он решил устроить шоу, сравнимое со встречами первых космонавтов в двадцатом веке. И уже подписал указ о статусе нового ордена Петра Великого, дающего за беспримерные личные заслуги перед Российской империей. Орден с номером "1" заканчивали делать на Красном монетном дворе.

Стартовая команда обрубилась четыре боковых каната, и теперь шар, слегка наклонившийся от легкого ветерка, удерживал только центральный. Последний удар топора — и Новицкий подумал, что вот сейчас все и закончится, причем позором, потому как шар, не поднимаясь, заскользил в сторону небольшого холма. Однако это только вначале, а потом корзина потихоньку пошла вверх. Через Яузу она перелетела уже примерно на высоте

двадцати метров.

Дул слабый ветерок с юга, но облака шли довольно быстро и на запад — это говорило о том, что ветер там восточный и заметно сильнее, чем у земли. Шар потихоньку набирал высоту, народ восторженно орал.

— Питер, ну почему ты такой грустный, — тормошила его Елена. — Смотри, он же летит!

Тоже мне невидаль, тепловой воздушный шар, подумал император. Такой без всякой моей помощи всего через пятьдесят лет построили бы братья Монгольфье. Правда, этот, хочется надеяться, все-таки улетит подальше. По плану — пока что-нибудь не кончится. Или керосин, или световой день. Кроме того, кончиться может и сам шар, тогда полет будет продолжаться не так долго.

Вздохнув, царь сказал своей подруге:

— Лететь-то он летит, это хорошо. Но мне сейчас идти с Вордом торговаться, а такое занятие требует предварительной сосредоточенности. Кстати, когда будешь переводить, не показывай удивления, даже если решишь, что я говорю чего-нибудь не того.

Проводив взглядом шар, поднявшийся уже метров на двести и теперь летевший примерно в сторону Кремля, император пошел к Язуе, за которой стоял его дворец.

Из соображений "куй железо, пока горячо" английскому послу было назначено на двенадцать часов дня. План Новицкого не отличался особой сложностью — сначала рассказать Ворду, какие сияющие перспективы открывает воздухоплавание, а потом садиться обедать. Решения же будем принимать послезавтра, если не позже. Пусть англичанин дозреет — ведь если он поверит хотя бы трети того, что ему расскажет русский царь, то дальнейший торг сильно упростится.

— Ваше величество, это невероятно! — так начал беседу английский посол. — Я до сих пор не могу поверить, что видел подобное своими глазами.

— В порядке утешения могу заметить, что услышать ушами вам сейчас доведется вещи, могущие тоже показаться невероятными. Но вы не волнуйтесь, это просто с непривычки. Итак, вы только что были свидетелем начала полета первого в мире воздушного корабля.

— Скорее, небольшой лодки — ведь он поднял всего одного человека.

— Правильно, начинать всегда надо с малого. Но смотрите — шар был построен всего за четыре недели, это вместе с раскроем материалов. Если же сделать его в десять раз больше, то есть диаметром не пятьдесят футов, а пятьсот, то его грузоподъемность возрастет в тысячу раз! То есть он сможет поднять не одного человека, а тысячу. По сложности же и стоимости такой шар не превысит средний линейный корабль, его постройка никак не займет более года. Далее, вы обратили внимание, что шар сначала летел на север, а потом повернул на запад? Дело в том, что на разных высотах ветер дует в разных направлениях, так что всегда можно подобрать нужное. Мало того, воздушный корабль может летать заметно быстрее, чем плавает обычный! До того же Тобаго из Петербурга он будет добираться не два месяца, а максимум неделю. Еще ему не страшны штормы — ведь он будет лететь со скоростью ветра, а волн, причиняющих разрушения кораблю, на небе нет. Наоборот, штормовой ветер только прибавит шару скорости. В общем, теперь я готов пойти вам навстречу. Более мы не конкуренты, ибо Россия отныне намерена строить не морской, а воздушный флот. Поначалу это будут небольшие суда типа того, что сейчас летит, они составят подробные карты небесных течений. Ну а потом, я надеюсь, вы еще увидите пролетающие над Лондоном по пути в Карибский бассейн стройные колонны наших небесных фрегатов.

Елена переводила, изо всех сил стараясь сохранить безразличное выражение лица, но это у нее не очень получалось. Ладно, шар диаметром в сто восемьдесят метров построить из тех же материалов нельзя — это она хорошо понимала. Он просто разорвется, не успев наполниться горячим воздухом. Но сорок метров — очень даже можно! А такой шар сможет поднять тонну топлива и столько же полезного груза. Так что же получается — все, о чем

сейчас говорит ее Питер, на самом деле правда? И наши воздушные корабли скоро начнут летать в дальние страны...

Этот вопрос она и задала императору сразу после ухода английского посла.

— Увы, Леночка, — вздохнул молодой царь, — начать-то они, конечно, начнут. Но совсем нескоро. Боюсь, что мы с тобой это если и увидим, то только в глубокой старости. Да и то исключительно в том случае, если все это время мы будем работать, не покладая рук.

Глава 24

Сэр Томас Ворд, вздохнув, принялся за третье на сегодняшний день письмо.

Первое было адресовано сэру Джорджу Бингу, виконту Торрингтону и первому лорду Адмиралтейства — ведь официально Ворд выполнял именно его задание. Однако письмо это было совсем коротким, в нем описывался только сам факт полета русского воздушного шара. Дело в том, что виконт тяжело болел, и Ворд не был уверен даже в том, что он успеет прочитать его послание. Поэтому второе письмо адресовалось наиболее вероятному преемнику Бинга, сэру Чарльзу Уэйджеру. В нем посол изложил не только то, что видел своими глазами, но и то, что ему довелось услышать, в том числе и от молодого императора. И теперь он собирался приступить к третьему посланию.

Оно было предназначено Роберту Уолполу — пожалуй, самому влиятельному человеку в Англии, которого за глаза именовали премьер-министром, хотя официально такой должности не существовало. Он принял Ворда перед отъездом того в Россию и поручил ему писать о всем, что покажется интересным в этой стране, не думая о том, что слишком подробное послание может показаться скучным. И вот настал момент не только выполнить поручение, но и донести до руководства Великобритании мысли, которые давно не давали покоя Томасу Ворду.

Империя должна узнавать о всех мало-мальски значимых событиях, происходящих в мире. Причем не после того, как они уже свершились и начали приносить плоды, а в тот момент, когда к ним появились первые предпосылки! И, значит, нужна государственная служба, которая будет заниматься именно этим.

Что-то подобное делал недавно умерший Даниэль Дефо, известный широкой публике нашумевшим романом о Робинзоне Крузо, а также политическими памфлетами. Однако он не занимал никаких официальных должностей и не мог привлекать хоть сколько-нибудь значительные средства, а после его смерти само собой разрушилось даже то небольшое, что он успел создать. Ныне, когда Британская империя столкнулась с одной из самых серьезных угроз для своего процветания, такое положение дел смертельно опасно.

Ворд отодвинул бумагу — надо сделать перерыв, а потом свежим взглядом оценить написанное, после чего думать, как наиболее убедительно изложить то, чему он недавно стал свидетелем в Москве.

Итак, вопрос создания летающих кораблей перешел из разряда беспочвенных фантазий в реальную плоскость. А для них то, что Англия — это остров, никакой роли не играет! И могущество королевского флота им тоже почти безразлично. Значит, необходимо собрать максимум сведений о конструкции и возможностях русских небесных шаров.

Кое-что Ворд уже знал — материалом для изготовления шара послужили бумага и легкая ткань, а главной деталью, благодаря которой этот мешок поднялся в воздух, было устройство, похожее на самовар, только с медным баком снизу. Причем оно работало на новомодном и очень дорогим лекарстве — керосине. Каковое свойство, кстати, говорит о том, что молодой русский император придает воздушному флоту огромное значение. Ведь ни для кого не является секретом его прижимистость, а тут он без колебаний пошел на такие большие расходы. Да и выдающееся по пышности празднество в честь благополучного завершения полета, произошедшего аж в Можайске, тоже говорит само за себя. Причем полет явно планировался именно туда, ибо утром, когда воздушный шар только надувался, англичанин ясно слышал, как один из солдат охраны сказал слова "загнать за Можай".

Кроме того, Ворд своими глазами видел, что воздушный шар способен маневрировать, и получил от молодого царя вполне похожие на правду объяснения, как это происходит. Действительно, очень часто приходится наблюдать, как ветер дует в одну сторону, а облака плывут в другую, иногда прямо противоположную. Да и все остальное, сообщенное Петром, выглядело весьма и весьма правдоподобно.

Россия сможет без особого труда увеличить производство бумаги и ткани, ведь сырье для этого она имеет в неограниченных количествах. А шар, всего в десять раз более крупный, чем недавно летавший, действительно сможет поднять в тысячу раз больше, если подъемная сила пропорциональна его объему.

В силу означенных причин Ворд счел нужным согласиться со всеми требованиями молодого императора по поводу совместной компании, дабы Англия поскорее получила возможность отправить в Россию достаточное количество своих подданных. Кроме официальных, перед ними должны стоять две тайные задачи.

Первая — это собрать все сведения, могущие быть полезными Великобритании в вопросе создания собственного небесного флота.

Вторая — сделать так, чтобы Россия на пути в небо столкнулась с как можно более серьезными трудностями.

С тем, что нечто подобное, пожалуй, будет иметь место, русский император был вполне согласен. Если бы эта орава шпионов, которую сюда хочет протащить Ворд, собиралась заниматься только сбором информации, то и хрен бы с ней! Из тех соображений, что на самом деле упомянутой информации очень мало, правдивой среди этих крох и вовсе мизер, а реальная ее ценность не очень сильно отличается от нуля. Но ведь начнут, гады, пакостить еще и материально! Например, без принятия особых мер он, Новицкий, ни за что сейчас бы не стал страховать мануфактуру старшего Уткина. Потому как сожгут, точнее попытаются, это к гадалке не ходи. Да и самому придется принять меры по усилению личной безопасности, ибо ежу понятно, что со сменой императоров Россия скорее всего откажется от создания своего воздушного флота.

Так, это ладно, прикинул Сергей, меня сейчас и свергнуть, и банально прибить не очень просто, причем я даже без всякой авиации не собирался останавливаться на достигнутом. Но ведь и Лене может угрожать опасность! Особенно если на ней жениться, что вовсе не исключено. Значит, ее охрана должна быть усилена в первую очередь.

Тут, конечно, очень вовремя подвернулся отец Антоний, продолжил свои рассуждения император. Не очень ясно, насколько в действительности он был близок к могиле, но то, что после нескольких уколов здоровье пациента пошло на поправку, сомнений не вызывало. И, значит, теперь ему предстояло стать организатором и первым руководителем русской контрразведки, причем в достаточно благоприятных условиях, кои выпадали далеко не всем его коллегам в других временах и странах. Ведь сейчас известно, когда, откуда и в каких количествах явятся потенциальные шпионы, а также что будет являться их основной задачей. Так что пусть организует... как бы его назвать... ладно, с учетом сана основателя конторы пусть это будет Государственное благочиние, сокращенно ГБ. Фронт работы для него уже есть.

Все бы хорошо, но ведь теперь придется действительно развивать воздухоплавание, с чувством, похожим на раздражение, подумал молодой царь. Разумеется, не в тех объемах, кои будут задекларированы, но все равно жалко выкидывать деньги впустую. Так какая польза, кроме спортивно-развлекательной, может быть от воздушных шаров?

Разведка и корректировка артиллерийского огня — это только в позиционной войне, потому как шар сильно снизит подвижность подразделения, к коему он будет приписан. Например, не исключено, что скоро придется осаждать Данциг, и там монгольфьер окажется очень кстати. Да, но почему именно "монгольфьер"?

Император вспомнил, что в детстве, впервые услышав это слово, он решил, что родиной воздухоплавателя была Монголия. Нет уж, нам ни к чему такие аллюзии, пусть тепловой воздушный шар отныне называется "уткиньер". Даже если кто-то решит, что

данное название происходит от утки, ничего страшного. Кроме того, Ломоносова скоро можно будет озадачить открытием водорода, и тогда появится еще одна разновидность аэростатов — например, ломолёты.

Ладно, название дело десятое, сами-то шары к чему еще можно применить? Кажется, Менделеев в свое время поднимался на аэростате, чтобы получше рассмотреть солнечное затмение, однако...

Для того чтобы воздушные шары послужили науке, эта самая наука должна наличествовать в России, сделал логичный вывод император. А ее, почитай, пока и вовсе нет. Хотя, кажется, кто-то из сподвижников Ломоносова исследовал атмосферное электричество при помощи воздушных змеев, в результате чего был убит ударом молнии. Так что тут надо подумать — таким дашь воздушный шар, и последствия окажутся еще хуже.

Еще остается картография, но тут тоже есть нюансы. Для обжитых мест карты уже есть, а в необжитые шар не больно-то доставишь, он нежный и не очень удобный в перевозке. Аэрофотосъемка? Так это надо сначала изобрести саму фотографию, а кто этим будет заниматься? Ломоносов занят, а Кристодемус и так уже насвершал столько открытий, что, существуй сейчас Нобелевская премия, он бы не вылезал из Стокгольма, получая их одну за одной.

В общем, пока вырисовывается потребность примерно в четырех-пяти аэростатах, больше не надо. Один для армии, один для науки, включая картографию, и пару-тройку катать любителей пощекотать себе нервы за большие деньги. Вроде Лизы, но она слетает на халаву, зато потом с лихвой отработает стоимость полета безудержной рекламой.

Вот тут Новицкого и посетила мысль. Осознав ее, он едва удержался от того, чтобы вслух назвать себя дебилом.

Почему он не строит планер или пароплан? Потому, что для полета нужны вполне определенные условия. Либо высокие горы соответствующей формы, где будут образовываться регулярные восходящие потоки, либо самолет, который поднимет планер или паропланеристов на необходимую высоту. А чем аэростат хуже? Сделать такой, чтобы поднял на километр двоих и планер в придачу — это совсем нетрудно. А потом летай себе на здоровье, учись пилотажу! Чтобы к тому моменту, когда появятся достаточно легкие двигатели, пригодные для установки на самолет, уже имелись пилоты с многолетним опытом.

Кстати, ждать сто или больше лет не придется. Ведь уже в середине девятнадцатого века появились движки, с которыми вполне можно было подняться в воздух! Просто никто не знал, как это сделать. А здесь первые нормальные паровики родились раньше, и, значит, их прогресс пойдет быстрее.

Получается, можно не очень суетиться с захватом Крыма, подумал Новицкий. Подожду полной готовности армии, а планеры помогут скрасить ожидание. Тем более что они-то точно смогут применяться в военных целях, прецеденты уже были. Но вот только авиацию, в отличие от воздухоплавания, надо будет развивать в глубочайшей тайне. Кстати, в смысле ее развития остров Тобаго окажется очень кстати, ведь на нем растет бальса, а рядом Бразилия, где можно будет разжиться каучуком. Ибо сразу лететь с воздушного шара — это самоубийство. Сначала нужно научиться хоть как-то пилотировать планер, стартуя с резинового амортизатора. Заодно выкинем на рынок резиновые плащи и сапоги, спрос точно будет немалый. А там, глядишь, и до презервативов дело дойдет.

Потом император задумался о возможности дальнейших демонстраций великолепной управляемости русских воздушных шаров. Это будет необходимо, потому как англичане, только построив свой первый аэростат, быстро убедились, что между усилиями экипажа и направлением полета шара нет ни малейшей связи, что в их глазах сильно уронит ценность прогрессивного новшества. Значит, Россия обязана тут же явить миру дальний, но полностью управляемый полет, причем англичане должны увидеть и старт — к примеру, в Москве, и финиш в заранее назначенном месте. Где-нибудь в Ярославле или даже Вологде. Для этого нужно уже сейчас озаботиться негласным поиском близнецов, причем обоих

полов, дабы нашлось побольше, и подготовкой их в качестве пилотов-аэронавтов. Потому как сделать два абсолютно одинаковых с виду воздушных шара совсем нетрудно, можно даже три. В случае если найдутся тройняшки, не помешает продемонстрировать полет с промежуточной посадкой. Кто сможет различить, что взлетел один шар, а приземлился другой, если и сами шары, и пилоты в них будут совершенно одинаковыми?

— Больше я ничего не забыл? — попытался подвести итог император. И тут же сообразил, что есть еще одна страна, которая при правильной организации утечек информации тут же заинтересуется аэронавтикой. Это Франция. Она давно пытается соперничать с Англией в области военно-морского флота, и ей возможность форсировать Ла-Манш, не обращая внимания на британские линкоры, будет как манна небесная. Значит, описание недавнего полета надо срочно отправить в Париж, Сергею Миниху. Да и в Петербург, Христофору Антоновичу, тоже не помешает. А самого шара — Нулину. Глядишь, это и поможет ему переломить ситуацию с еще одним островом, уже от французов. Мало ли, вдруг он тоже для чего-нибудь пригодится?

Фельдмаршал Миних получил пакет, в коем был описан недавно произошедший беспримерный полет, через неделю после свершения сего выдающегося события. Внимательно изучить его прямо сразу он не мог, потому как в этот день на царскую галерею ставили паровой двигатель, еще в начале мая специальным обозом доставленный из Москвы. Впихнуть на место тяжеленную и неудобную железяку удалось только поздним вечером, а бумаги Христофор Антонович прочитал ночью, к неудовольствию своей молодой жены. И задумался. Фельдмаршалу было интересно — кто все это придумал? Вряд ли его величество, до сих пор он не проявлял ни малейшего интереса ни к каким полетам. А вот Кристодемус где-то с полгода назад, крепко напившись, во всеуслышание заявлял, что мощи его гения подвластна не только земная стихия, но и небесная тоже. Кажется, на него после этого даже доносы в Синод писали. И вот что получается — месяца не прошло, как грек вернулся в Москву, и там появился летающий шар! Значит, в будущем следует повнимательней прислушиваться к пьяной болтовне целителя.

Вечером двадцать девятого мая Тихон Петрович Павшин пребывал в приподнятом настроении. Кажется, он сумел достойно выполнить полученный неделю назад приказ его величества, и ему будет что сказать на завтрашнем докладе. В том же, что правильное и быстрое исполнение подобных приказов не остается без поощрения, полковник уже успел неоднократно убедиться.

Сразу после окончания торжеств, посвященных полету воздушного шара, Павшин был вызван к императору. Где услышал, что для англичан развитие воздушного флота в России — это как нож острый, и они начнут всячески этому препятствовать. Самый же надежный способ — это убийство царя. Так вот, Павшину было поручено продумать за противника все возможные способы одного злодейства, а потом уже за себя — как ему надежно воспрепятствовать.

— Это и для тебя важно, Тихон Петрович, — напутствовал его молодой царь. — Ведь ты меня переживешь самое большее на неделю, да и то вряд ли, скорее всего тебя в тот же день удавят. Причем не обязательно тобой обиженные, хотя их тоже более чем достаточно.

Павшин это хорошо понимал, отчего взялся за дело со всем старанием. Вот только поначалу оно оказалось совсем непростым.

Полковник очень неплохо представлял себе, как охраняют особу его величества, да при этом еще точно знал, что ему известно далеко не все. Поэтому в первые дни планы получались какие-то неубедительные. Однако позавчера Павшина осенило — нужен пожар! Причем не в самом дворце, его там просто так не устроишь, да к тому же каменный он, гореть почти нечему. И не каких-нибудь сараев неподалеку, это ничего не даст. А огромный! Пусть горит вся Москва. Тогда, если еще и ветер будет западный, в дыму, суете и панике появится возможность что-то сделать.

Однако придумать способ покушения — это было даже не половина, а самое большее треть дела. Необходимо ясно себе представлять, как этому можно воспрепятствовать.

Итак, все возможные пути, по которым император сможет в случае необходимости быстро покинуть дворец, уже давно плотно патрулируются семеновцами. Тайную засаду там устроить не получится. Но теперь полк должен провести серию учений, отрабатывая действия именно в случае общемосковского пожара. Но этого мало. Кажется, Петр Великий организовал в Питере первую пожарную команду с брандспойтами, кожаными рукавами к ним и конными бочками с водой, но после его смерти дело заглохло. Значит, его надо возродить в Москве, причем не в виде малочисленной команды, а целого батальона, а лучше даже полка, задачей которого станет недопущение в Москве вообще никаких пожаров. С немалыми полномочиями, это само собой. Осталось только придумать доводы, согласно которым новый полк будет подчиняться полковнику Тихону Петровичу Павшину, и можно смело представлять перед очами его величества. Тогда, глядишь, и генеральский чин не задержится.

Глава 25

— Друга своего сердечного навестить не желаешь? — поинтересовался император. — А то ведь, небось, соскучилась за столько-то лет. Я вот к нему в гости собираюсь съездить, ты уж составь мне компанию.

— Неужели тебе Яков Вилимович зачем-то понадобился? — догадалась бабка. — Конечно, хочу я его увидеть напоследок, нам ведь с ним не так уж много времени осталось небо коптить. Только ты его, будь добр, уж предупреди заранее о своем визите. Да чин-чином, гвардейца посолиднее выбери, бумагу ему важную напиши, я уж не знаю, что там в государственных делах еще нужно.

— Я тоже, но у меня есть специалисты, они все сделают как надо. Так что послезавтра с утра будь на заднем дворе, я там тебя посажу в карету.

— Быть-то я, конечно, буду. Но все же, государь — зачем ты меня с собой берешь? Ведь не для того же, чтобы могла я на старости лет на своего первого галанта взглянуть.

— Почему бы и нет? — усмехнулся император. — Ты у нас в государстве человек отнюдь не последний, отчего бы не доставить тебе такое удовольствие. Но все же права ты, Анастасия Ивановна, от тебя кроме того еще и служба понадобится. Нужно, чтобы Яков Вилимович мне сразу поверил, а что ему для этого сказать, я не ведаю. Вот ты старику про меня и расскажешь. Все, что ему захочется узнать. Все — это значит действительно все, без изъятий.

— Хочешь его на службу взять?

— Ну, во-первых не взять, а пригласить. Во-вторых, это программа-максимум. По минимуму было бы неплохо, если он просто согласится написать для меня одну небольшую книгу. По астрономии, астрологии и еще одной науке, названия для которой я пока не придумал.

— Так ведь, государь, даже я знаю, что Яков Вилимович считает астрологию шарлатанством.

— Здесь я с ним согласен, но это не отменяет ее нужности в данный момент. Однако, в отличие от меня, Брюс должен знать, какие слова в ней употребляются, будь она хоть наука, хоть лженаука, хоть еще что-нибудь.

— Твой Кристодемус, я так мыслю, этих слов знает никак уж не меньше.

— Наверняка, но он мошенник. Ладно бы про это знали только мы с тобой, но по крайней мере подозревают такое достаточно многие. А Брюс, насколько я в курсе, честный человек. Причем это общее мнение, а не только мое, что особенно ценно.

— Опять ты, ваше величество, какую-то... да каким же словом ты подобное называл... а, вспомнила — аферу затеял. Может, со мной поделишься, раз решил к ней привлечь, чтобы я не вслепую мыкалась?

— Вот пока ехать будем, и поделюсь, все равно в пути заняться нечем, а в Брюсово имение ехать придется почти весь день.

Императорская процессия для неискушенного взгляда выглядела как полувзвод Измайловского полка, куда-то отправившийся по своим делам. Наверное, приводить в чувство какого-нибудь зарвавшегося помещика или чиновника средней руки — во всяком случае, именно так думали те немногие, кто видел ее ранним утром, когда она покидала Москву. Два десятка всадников и средних размеров пароконная карета с надписью "Его величества лейб-гвардии Измайловский полк" — в ней, наверное, ехали заплечных дел мастера со всем, что им необходимо для работы.

На самом деле солдаты были семеновцами, а не измайловцами, а в карете находились император и бабка Настя. Первый о чем-то оживленно рассказывал, а вторая слушала, время от времени хмыкая и качая головой.

Как и обещал, царь за день до визита отправил к Брюсу курьера, однако из соображений секретности Якову Вилимовичу было всего лишь сказано, что его желает посетить некая высокопоставленная особа. Ведь в случае обнародования действительного маршрута императора ему пришлось бы брать с собой куда большую охрану, а так можно было обойтись минимальной.

О приближении кавалькады сообщили специально подряженные деревенские мальчишки, и старый ученый вышел на крыльцо, недоумевая, что и главное, кому от него понадобилось.

Вид гостей особого энтузиазма не вызывал — это были измайловцы, уже заслужившие вполне определенную славу. Карета с надписью поперек кузова, подтверждавшей принадлежность солдат, повернулась боком. Открылась дверь, и оттуда выпрыгнул простоволосый отрок, который, почтительно поддерживая под руку, помог выбраться невысокой и полноватой пожилой даме. Кажется, я ее когда-то видел, подумал Брюс, вот только когда и где? Неужели...

— Настенька, тебя ли я вижу? — неуверенно спросил он.

— Как есть меня, не сомневайся.

Последнее было лишним — хоть внешне давняя подруга изменилась очень сильно, голос ее остался практически тем же самым.

— Неужели вы... ты и есть та самая высокопоставленная особа, о приезде коей меня предупреждали?

Тут в разговор вмешался отрок:

— Та самая, Яков Вилимович, именно та самая, других тут нет. Очень Анастасия Ивановна сейчас высоко сидит, иногда и рад бы кого повыше засунуть, да некуда. Мне вам представиться или вы уже сами догадались?

— Ваше величество? — присмотревшись, предположил Брюс.

— Так точно. Скажите, а вон там у вас что — сад или просто парк? Очень красиво, я в нем, пожалуй, немного погуляю, а вы не стесняйтесь, вам с Анастасией Ивановной, думаю, найдется что вспомнить. А как наговоритесь, пошлите кого-нибудь ко мне, у меня тоже есть тема для беседы.

На воспоминания и предварительную беседу Брюсу с бабкой хватило сорока минут, после чего к Сергею подбежал мальчишка и сообщил, что господина просят в дом. Судя по его речам и виду, о том, что господин — это сам царь, ему не сказали.

— Слушаю вас со все вниманием, ваше величество, — чуть поклонившись, сказал старик, мельком покосившись на скромно приткнувшуюся в углу бабку.

— Вам, наверное, Анастасия Ивановна уже сообщила, что ко мне можно обращаться на "ты", тем более людям, кои столь меня старше и образованней, — предположил император.

— Да, государь, но тут нужно было подтверждение от тебя лично. Меня тоже можно звать по-простому, я не обижусь. Но все же — что привело тебя ко мне?

— Успехи аэронавтики, — объяснил царь, присаживаясь в кресло. — И ты тоже садись, двумя словами тут не обойдешься. Итак, неделю назад произошло знаменательное событие — человек впервые поднялся в небо. Причем не просто так, а пролетел более ста верст на аппарате, который я назвал "аэростат", или, если по-простому, то воздушный шар. Но, к

сожалению, окончание "стат" в его первом наименовании взято не с потолка. Этот аппарат действительно статичен относительно окружающего его воздуха. Пилот, то есть человек, управляющий шаром, может только кое-как менять высоту полета, а его скорость и направление зависят исключительно от ветра.

— На различных высотах и скорость, и направление могут отличаться, — заметил Брюс.

— Правильно, но далеко не всегда. И, кроме того, эти отличия непредсказуемы. Да и диапазон высот, где может летать шар, слишком узкий для того, чтобы уверенно пользоваться упомянутой разницей. Но ведь этого почти никто не понимает! Англичане — те уж точно не курсе. Вот, значит, я и подумал...

Далее император минут за двадцать рассказал Брюсу об английских инициативах, острове Тобаго, а так же о том, как он, Петр Второй, всем этим собирается воспользоваться.

— Вот почему бы, например, не быть такой науке, которая в зависимости от места, времени года, фаз луны, расположения созвездий сможет по силе и направлению ветра у земли предсказать, каков он на разных высотах? И как это будет меняться со временем. Ну там Сатурн в созвездии Весов, Юпитер еще где-нибудь и Венера в некой подходящей фазе. И чтоб формулы, формулы были посложнее, в одну строчку не помещались!

Император хотел добавить что-то еще, но Брюс захохотал.

— Так ты... ваше величество... ох... хочешь, дабы я эту твою науку как можно правдоподобнее придумал? — сквозь смех спросил старый ученый.

— Вот именно. Пусть лучше англичане умные книжки читают и пытаются в них разобраться, это для общего развития полезно, чем просто так вывозят наш лес да еще и пакостят при этом по мере возможностей. Ах да, чуть не забыл. Формулы, разумеется, должны быть разными для самых разных мест. Начни с той, что, скажем, для Вологды, потом придумай для Казани, а там, глядишь, со временем и до Архангельска доберемся. И наука твоя будущая пусть называется астрография.

— Эх, ваше величество, лихо ты все придумал, да вот только неохота мне в памяти потомков оставаться шарлатаном. И почему именно астрография?

— Ты там останешься как великий политик, ученый и дипломат, — пообещал император. — Про астрографию будет мой секретный указ о том, что это такое и зачем оно мне понадобилось, с пометкой, что через сто лет его можно будет предать гласности. Хотя, конечно, сто лет водить всех за нос не получится, тут бы десять продержаться, и то хлеб. А назвал я новую науку астрографией, потому как астрология и астрономия уже есть, а более, кроме "графии", я окончаний для наименования наук не знаю. Ну как, согласен?

— Да, государь, — кивнул Брюс, но тут на его лице появилась хоть и еле заметная, но все равно явно хитрая улыбка. — Придумать нетрудно, но для того, чтобы получилось правдоподобно, мне свои формулы надобно будет сверять с действительным положением планет и созвездий. А телескоп у меня уже старенький, да он и новый был, прямо скажем, плоховат.

— Понятно, — кивнул молодой царь. — Раз уж императору взбрела в голову такая блажь, то пусть от нее хоть науке будет польза — так? А то ты будто без телескопа не вычислишь, где в какое время что в небе находится. Сам же составил астрономический календарь еще тридцать лет назад! В общем, будет тебе самый лучший телескоп, но это, по моему, как-то мелковато. Нужна настоящая обсерватория, и в ней не только телескопы, потому как одного для всех задач мало, но прочее необходимое. Углы там между звездами мерить и все остальное, я уж не знаю, что именно.

Тут император опять пожалел, что никто до сих пор не изобрел фотографию, тогда открытия, сделанные в данной обсерватории, сразу имели бы документальное подтверждение. Да и траектории небесных тел по снимкам изучать удобней, чем просто часами пялясь в телескоп. Может, пусть этим сам Брюс и займется после завершения трудов по основам астрографии? В конце концов, ему же это и пригодится.

Решив вернуться к данному вопросу попозже, император продолжил:

— Только ты побыстрее реши, где эта обсерватория будет располагаться — здесь или в Горенках. Там у меня сейчас университет. Что, не слышал? Видишь, как оно вредно, в глуши-то жить. Может, переберешься поближе к Москве? А то у меня в том университете астрономию преподавать совсем некому. Дом тебе предоставят, там таких, которые пока ни подо что не заняты, еще осталось несколько штук. Ко мне в гости будет нетрудно съездить при случае, да и я не надорвусь тебя навестить. Опять же с Анастасией Ивановной почаще станешь видаться, а уж насколько это достойная женщина, ты, небось, знаешь не хуже меня. Как, уговорил я тебя или мне дальше продолжать языком трудиться?

— А ты, государь, это долго можешь делать?

— Два с половиной часа сподоблюсь проболтать с минимальными перерывами, это уже проверено, насчет же больше — точно не знаю, но думаю, что тоже смогу.

— Тогда, ваше величество, я согласен, мне столько на одном месте все равно не высидеть. Откушать с дороги не желаете? Небось так от самой Москвы и ехали, в трактиры не заглядывая.

— У нас с собой курица была, но и нормально поесть, конечно, тоже не помешает.

Получив согласие старого ученого на все свои предложения, Новицкий не стал задерживаться в брюсовом имении Глинки, и выехал оттуда в сопровождении бабки ранним утром следующего дня. Брюс же сказал, что ему на сборы нужно время, но обещал прибыть в Горенки не позже чем через неделю.

— Расскажи, Анастасия Ивановна, что ты обо мне сообщила Якову Вилимовичу, — попросил Сергей, когда их процессия выехала из усадьбы.

— Поначалу-то мы про свое говорили, — немного смутилась бабка. — Но потом, конечно, и до тебя речь дошла. Брюс ведь тебя несколько раз видел, когда ты был совсем малым, но почему-то ему ты тогда не понравился. Вот он и спросил, что выросло из мелкого капризы и упрямца Петьки. Я, как и было велено, в ответ изрекла чистую правду. Мол, упрямства меньше не стало, скорее наоборот, только оно у тебя теперь разумное. Ежели какую глупость ляпнешь да тебе про нее объяснят, то на своем, подобно ослу, ты зря не настаиваешь. В капризах я тебя ни разу не замечала, чем сразу поделилась с Яковым Вилимовичем. Далее интересно ему стало, что в действительности случилось с Ушаковым и Дмитрием Голицыным, и получил он в ответ чистую правду. Не было меня при том, поэтому точно сказать ничего не могу, а напраслину на людей возводить не привыкла. А вот что потом стало, я ему поведала в точности. Про Михаила Голицына он даже спрашивать не стал, так что рассказала я, как мы Уткина с котом нашли, после чего разговор зашел, ты уж меня прости, про Лизу твою хитромудрую. Пришлось Яше поведать и про приворот, и про отворот, и про цены на них, отчего он долго смеялся. А потом прояснилось, что Лёну Верещагину, которая теперь Татищева и при твоей особе инженером служит, видел Яков Вилимович еще десять лет назад и уже тогда обратил внимание, сколь сообразительна сия девочка. Так что попросил тебе передать, что рад он и за тебя, и за Лёну. В общем, кажется мне, что понял он, как ты предпочитаешь вести дела да в какую сторону, и это ему понравилось. Спрашивал еще про машины, что вы с Нартовым на заводе у ручья строите, но тут я ему почти ничего сказать не смогла, ибо сама в них ничего не понимаю. Только объяснила, что они крутятся и ухают, а из труб дым валит.

— И, наконец, последний вопрос. Как ты объяснила свое внезапное возвышение?

— Как оно было, ничего не придумывая. Рассказала я про родственника своего, Афоню Ершова, который из простых лакеев аж в мажордомы взлетел, да и привел меня во дворец, а я там сподобилась тебе помочь в делах, про которые на каждом углу трепать не след. Похоже, подумал Яков, что в сердечных, но это уж не мое дело, что ему в голову может прийти.

Остаток пути император размышлял о том, что, оказывается, к материалам из будущего, загруженным в планшеты, нужно относиться с определенной осторожностью. Ведь там черным по белому было написано, что никакой пользы, ни военной, ни экономической, от тепловых воздушных шаров не было! А здесь она уже есть. Вон, Ворд,

например, документы по образованию компании подписал не глядя и абсолютно ни на чем не споткнулся. Даже то, что русским рабочим придется платить не меньше, чем в среднем по отрасли в данном регионе, проглотил без возражений, только спросил, как будет определяться это самое среднее. Сергей, не моргнув глазом, ответил, что по статистике. По опыту жизни в двадцать первом веке он точно знал — эта наука может с минимальными усилиями доказать что угодно. Например, перед самым убытием в Центр он с удивлением прочел в газете, что на основе уточненных статистических данных инфляция за прошедший год составила шесть с половиной процентов, а средний доход москвича увеличился на семь с чем-то. Да как же это может быть, недоумевал молодой человек, если ценники в магазинах выросли чуть ли не на треть, а кое-где и выше? И с доходами не наблюдалось ничего подобного ни в его семье, ни в тех, про дела в которых он знал.

Однако вскоре Новицкий догадался, что рост цен считается не только по тому, что он покупает в магазине. Например, если сложить яйца, подорожавшие в полтора раза, с "Мерседесами", которые вообще даже слегка подешевели, то получится близкая к объявленной цифра. А если туда добавить еще и "Бентли", то вообще с инфляцией все станет просто замечательно.

С ростом доходов тоже особых сложностей нет. Если к тысяче бабок-пенсионерок, слыхом не слыхавших ни о какой прибавке, добавить одного даже не самого главного директора из Газпрома, то их средний доход вырастет не то что на семь, а на все десять процентов. Если же по каким-то причинам потребуется показать более существенный рост народного благосостояния, то можно применить иную методику — например, одного миллиардера и девятьсот девяносто девять нищих посчитать как тысячу миллионеров. Короче говоря, сделал вывод император, пора основать какое-нибудь статистическое управление. И уж оно найдет, что с чем сложить и на что поделить для получения нужных результатов. Если, конечно, не захочет считать моржей в акватории Охотского моря.

Кроме платы рабочим, англичанин не стал возражать и против еще одного пункта, на принятие которого Новицкий, честно говоря, и не особо надеялся. Великобритания обязалась предоставить России сроком на пять лет три корабля водоизмещением не менее шестисот тонн каждый, с английскими капитанами, офицерами и даже старшими матросами. Эти корабли будут курсировать исключительно между Петербургом и Тобаго, а в другие порты смогут заходить только для пополнения запасов и ремонта, если он срочно потребует. Для наблюдения за исполнением данного пункта на каждом корабле будет присутствовать российский комиссар, а в подчинении у него — десяток вооруженных морских пехотинцев.

Правда, с военной точки зрения шары пока не представляли особой ценности, однако Новицкий считал — время еще есть, наверняка и тут можно будет придумать что-нибудь этакое — сногшибательное и, главное, безукоризненно правдоподобное.

Глава 26

Император смотрел на свою подругу и думал, что режим дня у нее какой-то совсем неправильный. Ест вроде не так уж мало, но практически только за ужином! С утра быстро сгрызет печенье с чаем — и на завод. Там, хоть и есть вполне приличная столовая, Новицкий сам не раз в ней обедал, тоже не больно-то питается, все больше носится, как угорелая — именно такими словами докладывал старший ее охраны. И ладно бы она бегала по полю или по лесу, среди всяких там лопухов и березок, это полезно. Но нет, мечется между литейкой и механическим цехом. В первой вообще ужас, там можно действительно угореть без всяких "как". В механическом получше, но приходится почти все время стоять. Хорошо хоть сейчас лето, там не холодно, но ведь за ним обязательно наступит зима!

Новицкий как-то раз попытался объяснить ей, как он представляет себе работу инженера. Мол, сидит человек в большой, чистой, теплой и светлой комнате, весь из себя в белом халате, и вдохновенно чертит какой-нибудь механизм. А потом любуется всякими экзотическими цветами на подоконниках, дабы глаза не перетруждались. Елена тогда

ненадолго задумалась, видимо попытавшись представить себе столь завлекательную картину, но с сожалением в голосе заявила, что ничего из этого не выйдет.

— Я, во всяком случае, так не смогу, — объяснила девушка. — Мне нужно видеть, как все это создается, а лучше так вообще хоть что-то сделать своими руками. Я же делаю расчеты только для того, дабы убедиться — все придумано правильно. Юбку, например, из-за которой мы познакомились, сделала сразу без рисунков, дома тогда вообще бумаги не было. И с паровым двигателем то же самое — пока не посмотрела, как у него каждая деталь работает, в действии этот механизм себе представить не могла. Зато теперь, действительно, следующую машину могу рисовать, она наверняка начнет крутиться и не развалится при этом, но все равно ее потом придется доводить. То есть комнату-то такую, наверное, сделать можно, вот только хороший инженер там будет сидеть довольно редко.

Вообще-то император мог показать подруге несколько фотографий конструкторских бюро примерно середины двадцатого века — они были в одном из планшетов. Однако тайну, что на самом деле его фамилия не Романов, а Новицкий, он не был готов открыть даже самому близкому здесь человеку. Из-за чего, между прочим, наган последние полгода больше валялся на самом дне сундука в маленькой комнате за спальней, чем занимал свое законное место в плечевой кобуре. Однако чем дальше, тем больше молодому царю не нравилось такое положение дел.

Нет, рассказывать полную правду он не собирался. Но почему ее нельзя изложить частично? Например, скрывать явление ангела бессмысленно — его видели сразу двое и давно во всех подробностях поделились увиденным с кем только можно. Но ведь ангел, по всеобщему мнению, не только исцелил умирающего Петра Второго, но и добавил ему мозгов! А это он мог сделать в том числе и методом полного погружения в среду. То есть взял да и отправил умирающего в далекое будущее, где тот и дожил почти до восемнадцати лет, а потом безвременно помер, и его душа вернулась обратно в восемнадцатый век, в исцеленное к тому времени тело. Почему ангел сделал именно так — а хрен его, ангела, знает! Неисповедимы пути господни. Мало ли, может, отремонтировать тело, когда внутри бултыхается душа, неудобно. Лучше вынуть. Но не класть же ее прямо на пол перед кроватью! Там Кристодемус валяется бесчувственный, вдруг еще заблует чистую душу, да и самому ангелу лишнее беспокойство — как бы случайно не наступить в процессе работы. Вот ее и отправили подальше на время.

Да, но откуда тогда взялся наган, планшет и все остальное? Так ведь ангел — он добрый. И, значит, позволил взять с собой все, что поместится на руках. Про то, что в его бывшей квартире никак не мог оказаться не только наган, но и планшет, который даже в случае появления был бы мгновенно пропит матерью, Новицкий решил не распространяться. И вообще, раз уж он решил, то тянуть с признанием ему было неохота. Правда, времени заранее сочинить речи совсем нет, но ничего, тут допустим и экспромт.

Император вновь поднял глаза на подругу, она уже покончила с ужином. И Сергею показалось, что ситуация чем-то напоминает зеркальную — Лена тоже явно хотела сообщить ему что-то важное! Решив помочь девушке, Новицкий предложил:

— Лен, начинай первой. Я тоже хочу тебе кое-что сказать, но моя очередь наступит потом.

— Я... - начала подруга, — мы... у нас... Питер, у нас будет ребенок!

И замолкла, даже, кажется, со страхом глядя на молодого царя.

— Правда? — чуть привстал тот. — Это же просто замечательно! Я ведь уже говорил, что люблю тебя.

— Целых два раза, сейчас третий, — смутилась Лена.

— Всего? — расстроился император. — Надо же, какая, оказывается, я скотина нечуткая, никогда бы не подумал. Но ты не волнуйся, это только снаружи. В общем, Леночка, я тебя люблю, как... ну прямо как я не знаю кто. И предлагаю тебе руку и сердце. Согласна стать моей женой?

Подруга пискнула нечто нечленораздельное и кивнула.

— Спасибо, дорогая. Со свадьбой тянуть не будем, сыграем ее еще до отъезда в Петербург. Но, раз уж ты скоро станешь моей женой, а пред Богом давно ей уже являешься, то надобно мне раскрыть тебе одну тайну. Итак, слушай...

Рассказывая, Новицкий прикидывал — вот интересно, что больше всего заинтересует Елену в будущем и в какой последовательности она начнет про это расспрашивать? Или не поверит, и придется что-то доказывать?

Однако подруга поверила сразу, и первый ее вопрос император не угадал.

— Так, выходит, ты намного старше меня? Сначала тут четырнадцать лет, потом там восемнадцать, потом снова тут еще два. Итого получается тридцать четыре — вот хорошо-то как! Я же всегда чувствовала, что ты настоящий взрослый мужчина, а вовсе не недоросль какой. А что ты привез с собой из будущего?

Новицкий сходил в секретную комнатку и вышел с планшетом и наганом. Лена в первую очередь заинтересовалась именно им, так что император, вынув патроны, передал револьвер своей подруге.

Что это такое и как с ним обращаться, она поняла почти сразу. Пощелкала курком, пожаловавшись, что в режиме самовзвода спуск слишком тугой, потом откинула барабан и посмотрела, как работают его фиксатор и подвижный упор.

— Надо же, какой умный человек придумал! — было ее резюме. — Хотя, наверное, он уже видел подобные конструкции других мастеров — так бы и я смогла.

— Да? Тогда нарисуй мне, пожалуйста, схему его внутреннего устройства.

— И нарисую!

Елена действительно быстро набросала эскиз и протянула его императору. Тот с гордостью за свою подругу увидел, что на рисунке представлены все основные детали механизма револьвера, после чего высказал ей свое мнение и, сходяв за мультитулом, быстро снял с нагана боковую крышку. Лена глянула, охнула, покраснела и потерянно прошептала:

— Господи, какая же я дура! Расхвасталась, как незнамо кто, нарисовала аж целых три пружины, а там всего одна, да к тому же полностью отпущенная в исходном положении! Она же, в отличие от моих, никогда не ослабнет, хоть сто лет храни этот револьвер.

Действительно, особенностью нагана было то, что все функции выполняла всего одна пружина, похожая на букву "Л", только немного кривую.

— Зато ты про все детали догадалась правильно, — утешил свою будущую жену император. — Не расстраивайся, давай лучше вот это посмотрим.

— Книжка?

— Точнее, целая библиотека, объемом в сотни раз больше той, что, например, есть в Академии наук.

Следующий вопрос стал для Новицкого полнейшей неожиданностью:

— А про любовь там есть?

Молодой царь чуть не ляпнул, что ни эротики, ни порнухи он туда не закачивал, но вовремя сообразил, что девушке надо именно про любовь, причем не фильм, а книгу. Задумался, потом нашел пушкинского "Дубровского". Хоть он вроде и изучал его на уроках литературы, но содержания почти не помнил. Правда, в памяти почему-то задержалась фраза "Дубровский сношался с Машей через дупло", но вряд она была прямой цитатой. Зато училка точно говорила, что это любовный роман, поэтому планшет был передан Елене.

На этом беседа оказалась законченной. Лена прилипла к компьютеру почище отъявленного игромана, и оторвать ее от этого занятия было проблематично. С похождениями благородного разбойника она разделалась за час, после чего самостоятельно научилась открывать папки.

"Все, пропала ночь", — вздохнул про себя император, но тут же вспомнил, что ему недавно рассказала подруга. Может, оно и к лучшему, ведь она же беременная?

На каких сроках беременности еще допустимы супружеские отношения, молодой царь не знал, в курсе сексуальной культуры этот вопрос не рассматривался. И вообще Лене надо

показать гинекологу, подумал Сергей. Правда, врачей с таким названием в России наверняка еще нет, но уж бабка-то просто обязана досконально разбираться в данном вопросе, а ее подруга, знахарка и травница, с которой они вместе измывались над Воскобойниковым, и тем более.

Тут Лена охнула, отодвинула планшет и растерянно обернулась к императору.

— Питер, а почему здесь про тебя совсем ничего нет? И что за императрица такая — Елизавета? Неужели это наша цесаревна?

Что за ерунда, подумал император, подходя к столу, неужто она добралась до материалов по истории? Туда же вовсе не так просто попасть, они довольно глубоко запрятаны. Да и вообще все, кроме библиотеки и нескольких простейших игрушек, загруженных перед самой отправкой просто потому, что в памяти оставалось свободное место, под паролями! Что она там нашла?

Как выяснилось, это была книга Федорова "История винтовки". Точно, девушка как раз дочитала до Семилетней войны.

Ну вот, подумал Новицкий, сразу начали вылезать побочные последствия, с которыми надо что-то делать. Но вообще, конечно, ситуация абсурдная. Только представьте себе — вы сделали девушке предложение, она согласилась и тут же уткнулась в книжку, да так, что за уши не оттащишь? Император сильно подозревал, что в двадцать первом веке ему такая не попала бы ни при каких условиях — там их, таких, просто нет. Здесь, оказывается, есть одна, но точно не больше. Однако пора что-то объяснять подруге.

Сергей взял лист бумаги, карандаш, провел горизонтальную линию и начал:

— Вот смотри, так течет история. И дотекла, она, значит, вот до этого места.

Тут молодой царь положил на бумагу чайную ложку.

— И все, прямо дальше нельзя, препятствие мешает. Это препятствие в данном случае — смертельная болезнь императора Петра Второго, то есть меня. Какие тут возможны варианты? Первый — вот такой.

Новицкий продолжил линию так, что она обогнула ложку снизу, но обратно поднимать не стал, а продолжил в первоначальном направлении.

— Но есть и еще вариант. Прилетел ангел и устранил препятствие, то есть вылечил императора. Значит, истории ничего не мешает течь прямо, как она это и раньше делала.

Сергей убрал ложку и продолжил линию. Теперь на листе примерно от середины их стало две — одна точно посередине, другая на пару сантиметров ниже.

— Так вот, ангел отправил меня примерно сюда.

Император показал самый край нижней линии.

— И все книги относятся к той истории, в которой не было никакого ангела. Там в тридцатом году на трон села курляндская герцогиня Анна Иоанновна, а потом, лет через десять — Елизавета Петровна, то есть та Лиза, которая сейчас имиджмейстер, балы и приемы устраивает.

— Так она же, змея, там (Лена потыкала пальцем в планшет) с Фридрихом воюет, да так, что от него только перья летят. А здесь с ним спит! Ну разве так можно? Это же надо совсем совести не иметь.

— Она в этой истории спит, а в той только воюет... или воевала... нет, скорее будет воевать, — совсем запутался Новицкий.

— Вот я и говорю — сначала ноги пошире раздвинет, а потом голову отрежет!

— Да не волнуйся, мне ее отрезать не так просто, я это и сам при случае сделаю ничуть не хуже, причем заранее. И не собираюсь я с цесаревной дальше поддерживать тесных отношений, у меня ты есть! Милая, что с тобой?

— Тебя жалко, — всхлипывая, объяснила подруга. — Вдруг я умру, и что ты тогда станешь делать? Опять вернешься к этой гадюке, а она подговорит кого-нибудь, чтоб тебя убили, и сама на трон сядет!

Тут, видимо, Елене что-то пришло в голову, она ненадолго задумалась, а потом расплакалась уже самым настоящим образом.

— А теперь-то что тебя так расстроило? — растерялся Новицкий. — Не волнуйся, про то, что Лиза — человек опасный, я давно знаю. Отчего ты плачешь?

— Оттого, что где-то вот тут, — Елена показала на нижнюю линию, — живет бедная и несчастная Лена Верецагина, которая никогда тебя не встретит, а так и продолжит до самой смерти маяться с этим пьяным уродом! И не будет в ее жизни ничего хорошего. Ни любви, ни кораблей, уходящих в дальние моря, ни паровых машин, ни даже револьверов. И детей тоже не будет! Жа-а-алко...

Император судорожно соображал, как объяснить подруге все эти хронологические выверты, в которых он сам мало чего понимал. Впрочем, в отличие от Лены, его это как-то не очень расстраивало. Возможно, думал молодой царь, действительно есть миры, где Сергей Новицкий не встретили дядей Виталиев и не оказались в Центрах. И что теперь, рыдать об их горькой судьбе? Да ну, они парни крепкие, по себе знаю. Как-нибудь сами разберутся. А не выйдет — значит, судьба у них такая.

Наверное, это у девушки просто нервный срыв от избытка информации, продолжил рассуждения Сергей, нежно гладя ее по голове. Небось только сегодня узнала, что беременна, иначе сразу сказала бы. Затем — перспектива стать женой Петра Второго, то есть императрицей. Ой, блин, это же еще и коронацию устраивать надо, вот ведь не было печали! Как бы Лиза с досады чего-нибудь не учудила — небось подумает, что на месте Лены могла быть она. Надо заранее озаботить Павшина и бабу, а самому разъяснить цесаревне, что быть прусской королевой даже лучше, чем русской императрицей. Во всяком случае, это далеко не так опасно — с учетом особенностей личностей императора и будущего короля.

А на бедную Лену, как будто всего случившегося было мало, ее жених, чурбан бесчувственный, вывалил еще и информацию о будущем. Неужели трудно было подождать, пока девушка оправится от предыдущих потрясений? Не все же такие толстокожие, как я, корил себя молодой царь. И ведь, главное, поводы для подобных раздумий уже были. Вон, Остерман, пройдя на волосок от смерти, до сих пор почему-то толком прийти в себя не может, а всего-то глядел в дырку готового к выстрелу ствола минут пять, не больше. А теперь надо срочно придумать что-нибудь простое, но в то же время оптимистичное, потому как Лене вредно волноваться. Например, можно повернуть дело таким образом:

— Лен, я просто не очень точно нарисовал, а ты сразу в слезы. Правильно будет вот так.

Император взял нож и, используя его вместо ластика, процарапал несколько пробелов в нижней линии, из-за чего она стала пунктиром.

— Теперь это всего-навсего воображаемое будущее. Таким оно могло стать, если бы ангел не вмешался. Но кому-то наверху такая перспектива не понравилась, вот они и убрали ложку, то есть исцелили меня. Сейчас есть только верхняя линия, а нижняя существует всего лишь в нашем воображении да еще в файлах планшета.

— А откуда тогда он сам взялся?

— Так ведь ангел же, — пояснил очевидную вещь император. — Они, небось, еще и не такое могут. Во всяком случае, превратить воображаемую вещь в реальную — им это раз плюнуть, точно тебе говорю.

— А что ты говорил про скорую свадьбу? — вытирая слезы от слез, поинтересовалась Лена. — У меня хоть время подготовиться к ней будет? А то ведь на люди выйти не в чем, вот ей-богу!

"Кажется, отошла от стресса", с облегчением подумал Новицкий. И предложил:

— Давай в планшете посмотрим. Там, хоть и не очень много, но все же есть про женскую моду разных времен. Выберешь что тебе понравится и станешь неотразимой. Для публики, разумеется, а для меня ты уже давно такая независимо от тряпок.

Глава 27

В связи со свадьбой Новицкий решил навести окончательный порядок в вопросах

престолонаследия, а также законодательно определить, что такое императорская семья и каковы ее права и обязанности.

Первый шаг на этом пути был сделан почти год назад — тогда появился указ, что император может назначить наследником кого угодно, изложить это письменно, после чего прилюдно запереть завещание в сейф, запираемый и отпираемый тремя ключами. Первый ключ хранит церковь, второй — Сенат, а третий — специально для этого выбранное народное представительство. Если же эта процедура не проводилась, то порядок престолонаследия должен был определяться по закону, которого пока еще не было. Вот его и предстояло по-быстрому написать, причем не было нужды придумывать ничего особенного — в качестве основы вполне годился закон Павла Первого. Тем более что в данное время для этого были просто идеальные условия.

Попробовал бы, например, Николай Второй придумать что-нибудь, хоть в малейшей мере ограничивающее права великих князей! Да ему бы мгновенно устроили такое, что небо с овчинку показалось бы, слишком уж их было до фига, этих "великих". Для полного же подсчета достаточно близких родственников Петра Второго хватило бы двух пальцев.

Итак, согласно пишущемуся "Учреждению об императорской фамилии" к оной причислялись супруги, братья, сестры, дети и внуки императоров. Правнуков Сергей решил сюда не привлекать, а то больно жирно им будет. По такому правилу в настоящий момент обладателями великокняжеского титула являлись Елизавета Петровна и Карл Петер Ульрих Гольштейн-Готторпский, в той истории ненадолго ставший императором Петром Третьим. И если против первой Новицкий в общем-то ничего не имел, то кандидатура второго вызывала у него решительное отторжение. Людям, не способным позаботиться даже о собственной безопасности, не место вблизи от трона. Под каким бы предлогом его удалить из великих князей? Да это же ежу понятно!

И молодой царь недрогнувшей рукой приписал "рожденные на территории Российской империи". Ибо ни к чему давать возможность править всяким забугорным недоумкам — в России должны царствовать русские. Потом он вспомнил о курляндской герцогине Анне Иоанновне, но быстро успокоился — она дочь царя, а не императора, так что ей тут вообще ничего не светит.

Потом следовал пункт, из-за которого создание подобного документа и стало насущной необходимостью. Он выглядел так:

"Император может жениться на ком угодно, руководствуясь лишь своей волей, коя является высшим законом". Вообще-то по факту так оно и было, достаточно вспомнить женитьбу Петра Первого, но Сергей решил закрепить это на бумаге.

Далее настала очередь великих князей, княгинь и княжон.

"Брак оных должен быть одобрен императором, в противном случае упомянутые автоматически извергаются из действительных членов императорской фамилии", написал Сергей. И все, никаких требований о равнородности, они могут привести только к вырождению.

А как установить порядок наследования? Пожалуй, лучше всего таким образом. Первые в очереди будут сыновья, а при их отсутствии — дочери, в порядке старшинства по возрасту. Если таковых не обнаружится, в дело вступают внуки и внучки. И, наконец, предпоследними являются братья и сестры, а последними — супруги.

Новицкий решил не исключать женщин, особого смысла он в этом не видел, хватит того, что их очередь наступит только в случае отсутствия подходящих мужчин. Например, та же Екатерина Великая правила уж всяко не хуже своего сына! Да и внука, пожалуй, тоже. В Англии королевы Елизавета и Виктория добились таких успехов, что в честь них называли эпохи.

Итак, что это нам дает сейчас? Пока у Лены никто не родился, наследницей является Лиза. Не самый лучший вариант, но другого просто нет. Дергаться она не станет — прекрасно понимает, чем чреваты подобные действия, да и осталось-то совсем немного. Потом Лена кого-нибудь родит, и наследником станет он. Или она, неважно. Ага, чуть не

забыл! Надо дописать "ежели на то не было специального распоряжения императора, то в случае необходимости регентом при несовершеннолетнем наследнике становится императрица".

Молодой царь придирчивым взглядом оглядел свое творение — а вроде ничего получилось, явных ляпов не просматривается. Коли понадобится, мелкие уточнения можно будет внести и потом, а пока пора отдавать бумагу в секретариат и со спокойным сердцем начинать готовиться к свадьбе. Ее по просьбе Елены решено было сделать не очень пышной и продолжительной.

Император, в первый раз услышав такое пожелание своей невесты, поначалу даже усомнился — а вдруг это она из-за него, ведь она знает про его нелюбовь к масштабным мероприятиям, а на самом деле ей очень даже хочется оказаться в центре великого праздника? Но, присмотревшись к подруге, успокоился и даже на треть сократил и без того невеликий список приглашенных. Потому как Лена очень боялась опозориться.

— Я ведь даже танцевать толком не умею! — жаловалась она.

— И что? — не понял Новицкий. — Тебя кто-то заставляет пускаться в пляс? Я, например, танцую еще хуже, но меня это совершенно не расстраивает. И вообще, давай прикинем, кто будет за столом. Эти люди недаром носят название "придворные". Они при моем, а отныне нашем дворе. Получают за это кто удовлетворение чувства собственного величия, кто деньги. Силой их сюда не тянули. А это означает, что ко всему увиденному при дворе они обязаны относиться с восторгом. То есть перед ними стоит очень простой выбор, который большинство уже сделало, а меньшинство сделает на свадьбе, причем я не сомневаюсь, что правильно. Выбор таков. Или искренне, всем сердцем признать, что императрица по определению есть самая прекрасная из всех женщин, сравнивать которую с кем-то еще просто кощунственно. Или покинуть двор к фигам свинячьим и больше здесь никогда не появляться!

— И цесаревна? — неуверенно пискнула "прекраснейшая из женщин". Дело было в том, что Елена искренне считала Елизавету гораздо более красивой, чем она сама.

— Вот уж за нее не волнуйся, Лиза недостатком ума не страдает. Кстати, она придет с подругой, после взгляда на которую даже Анастасия Ивановна будет казаться неотразимой.

— Ты и ее собираешься пригласить?

— Разумеется, ведь она выполняет одну из самых важных в государстве функций — следит за здоровьем царицы и будущего ребенка.

Вообще-то Новицкий решил, что бабке пора обзавестись какой-нибудь официальной должностью, объясняющей ее частые появления во дворце. В результате три дня назад она получила чин лейб-повитухи и двадцать четыре рубля в год прибавки к жалованью.

— А как быть с вином? — сменила тему невеста.

— Хм... — ненадолго задумался император, — безалкогольная свадьба — это, я так думаю, окажется уж слишком революционно. Пожалуй, немного на столах все же будет, ты не против? Лиза же заранее предупредит всех склонных к излишествам, дабы не вздумали сверх меры нажраться в нашем присутствии. А то ведь придется наказать, чем не хотелось бы омрачать столь торжественный день.

— Может, их ради свадьбы простить?

Император посмотрел на свою невесту с таким удивлением, что она даже смутилась — надо же было ляпнуть этакую глупость! Действительно, раз простишь, два простишь, а потом такое начнется, что хоть из дому беги. И, чтобы побыстрее увести разговор в сторону, пожаловалась:

— Платье, что мы с тобой нашли в планшете, очень красивое и удобное, у него подол по полу не волочится. Но больно уж короткое, все на меня глазеть начнут даже против воли.

Новицкий хотел было возразить "пусть только попробуют", но потом прикинул, что проблемы это не решит. Ну стесняется девушка, и все тут! И не без причины, ибо всегда найдутся ревнители нравственности. Что тут можно сделать? Да просто перенацелить их внимание на другой объект! Решено, Лиза явится на праздник в еще более коротком

платье. И Мавру свою оденет аналогично, тогда Лена на их общем фоне вообще будет смотреться образцом как красоты, так и целомудрия.

Это Сергей и объяснил своей подруге.

— И не беспокойся за цесаревну, — подытожил он. — Если ей это покажется полезным, она вообще голой на прием явится, а не то что в короткой юбке. И, скорее всего, ухитрится иметь успех. А в данном случае польза для нее будет бесспорной, об этом я позабочусь.

Император вздохнул. Ох, если бы позаботиться надо было только об этом! Однако нет, впереди маячили несколько дел, причем во многом взаимоисключающих.

Нужно было съездить в Петербург хотя бы на неделю с целью проинспектировать завершение строительства царской галеры, то есть первого парохода.

Далее следовало посетить Берлин, куда он был приглашен прусским королем, и прозондировать там почву насчет женитьбы Фридриха на Елизавете. На обратном пути заскочить в Митаву, где побеседовать с курляндской герцогиней Анной Иоанновной.

И, наконец, впереди была еще коронация Лены. Причем, в отличие от свадьбы, она никак не могла быть скромной, Новицкий это подозревал и сам, а недавно его подозрения категорически подтвердил прибывший в Москву архиепископ Феофан. И как, спрашивается, проделать все это, не разорвавшись и, главное, не заставляя волноваться Лену?

Пора, пожалуй, начинать помаленьку сваливать дела на подчиненных, сделал вывод молодой царь. Галеру прекрасно спустят на воду и Миних с Меншиковым, а потом как-нибудь дотащат ее до Ладоги, где и приступят к испытаниям двигателя под руководством Нартова. Насчет же всего остального...

Император вызвал дежурного секретаря и велел ему отправить курьера на Тверскую, к цесаревне, с сообщением, что завтра его величество предполагает пообедать у ее высочества. И поговорить с ней тет-а-тет о важных государственных проблемах.

Елизавета, разумеется, отлично знала о предпочтениях своего бывшего любовника, поэтому на обеде не было ни лишних людей, ни тем более лишней торжественности. После приема пищи император с цесаревной удалились в ее кабинет, где Елизавета сразу взяла быка за рога:

— Ну, Петенька, рассказывай, зачем тебе понадобилась твоя бедная старая тетка. Ты же знаешь, что для тебя я готова на все.

— Знаю, — подтвердил Новицкий, — за что тебя и ценю. И не прибедряйся, вовсе ты не старая. Ну, а насчет бедности — дело поправимое, я как раз и приехал отчасти для того, чтобы посоветоваться о делах, кои могут при правильном исполнении заметно поправить твое благосостояние.

После чего цесаревна была посвящена в проблемы, волнующие молодого царя.

— Ничего сложного не вижу, — пожалла красивыми и умеренно обнаженными плечами Елизавета. — В Пруссию, разумеется, надо отправить пышное посольство, которое быстро двигаться не сможет. Но зачем тебе его возглавлять? Лучше поступить по примеру Петра Великого, то есть государю там присутствовать инкогнито, в качестве бомбардира. Или, пожалуй, тебе больше подойдет инженерское звание. Разумеется, знать о сем будут все заинтересованные. Но на самом деле ты это посольство догонишь только в Штеттине, туда на хорошей яхте от Петербурга самое большее пять дней хода. Далее, зачем тебе тащиться в Митаву на обратном пути? Анна сама как-нибудь доедет до Риги, не надорвется, невелика шишка. А тебе туда завернуть на той же яхте будет совсем нетрудно. Коронацией же пусть занимается Ягужинский, у него уже есть опыт. И готовит ее как раз к твоему возвращению в Москву, кое случится никак не позже середины августа. Срок у Елены тогда еще будет не очень большой, она все перенесет легко. Хотя, конечно, Павла Ивановича следует предупредить, дабы имел в виду положение императрицы. Как, хорошо я все придумала?

— Неплохо, — кивнул Новицкий, — вот только кто будет возглавлять это самое великое посольство?

— Как кто? Разумеется, я. Зря, что ли, у меня мундир имиджмейстера в шкафу висит?

Насколько император знал, этих мундиров было примерно полтора десятка в четырех шкафах, но спросил он другое.

— А в Москве кто за порядком присмотрит?

— Остерман с владыкой Феофаном. Причем Андрею Ивановичу ты лучше самолично объясни, что с ним случится, ежели с головы твоей Лены упадет хоть один волос. А владыке я о том под большим секретом сама поведаю.

— Ладно, согласен. Но у меня есть еще один маленький вопрос, касающийся мундира и прочих тряпок. Как мне кажется, на днях в России должна появиться новая женская мода. Вот такая.

Император разложил перед цесаревной несколько скопированных изображений с планшета.

— Петенька, неужели ты хочешь, чтобы я вышла в свет в таких одеяниях? Это же неприлично!

— Где тут у тебя зеркало? Подойди к нему, пожалуйста. Встань вот здесь и задержи юбку. Да не так высоко, до колен хватит! И где ты тут видишь какое-то неприличие? Лично я наблюдаю только прелестную молодую даму с очень красивыми ногами, и более ничего. Да и вообще, что при дворе прилично, а что не очень, решает император. Кстати, тебе придется донести эту мысль до тех дам, кои, по твоему мнению, смогут усмотреть в новой моде хоть что-нибудь неподобающее. Объясни им, что длинными юбками просто замечательно будет подметать снег в Сибири, потому как ноги не замерзнут, особенно если захватить с собой валенки. А мужчин я возьму на себя. В общем, надеюсь, что на моей свадьбе вы с Маврой достойно продемонстрируете модные новинки.

Елизавета захохотала.

— Бедная подруга, — отсмеявшись, объяснила она, — да за что же ты ее так, у нее же ноги не только кривые, но еще и волосатые!

— Ничего, пусть сапоги наденет, — отмел возражения император. — До колен... хотя, пожалуй, лучше будет даже выше. Сверху она тоже не совсем Афродита, однако это не мешает ей щеголять в декольте чуть ли не до пупа.

Побеседовать с Анной Иоанновной молодой император хотел о том, под каким предлогом ввести в Курляндию несколько русских полков. Потому как дата смерти Августа Сильного неумолимо приближалось, и пора было думать о том, как максимально приблизить русские войска к возможному театру боевых действий. Правда, говорить об этом самой Анне было явно преждевременно, поэтому с нее хватит утверждений о том, что поляки вынашивают коварные планы в отношении ее Курляндии. Ну, а если она не согласится с миролюбивым предложением русского императора, то войска неплохо войдут и просто так, а заодно и присоединят отгрызок будущей Латвии к России. Все равно это должно случиться в не таком уж далеком будущем, так почему бы немного не поторопить события? И Миних, и Румянцев утверждали, что в военном отношении подобная операция особых трудностей не представит. А Головкин дополнял, что и с точки зрения дипломатии в ней не будет ничего из ряда вон выходящего.

Император улыбнулся, вспомнив, как в далеком детстве он впервые услышал про Курляндию. Тогда маленький Сережа решил, что это какая-то далекая экзотическая страна, в которой живут куры, оттого их правитель и называется "курфюрст". Однако потом он с разочарованием узнал, что это всего лишь Латвия, да и то не вся, кур там даже меньше, чем в России, а правит там герцог, причем даже не великий, а простой. А сейчас — так и вовсе герцогиня. Которой, кстати, не помешает намекнуть, что ежели Курляндия в порыве добрых чувств к России передаст свои хоть и весьма относительные, но все же отличные от нуля права на остров Тобаго, то Россия в ответ даст ей гарантии безопасности аж до конца восемнадцатого века. Потом, конечно, присоединит, никуда не денется, но зачем волновать такими подробностями пожилую женщину, которой и жить-то осталось всего семь с небольшим лет? Кстати, надо будет глянуть в планшете, отчего она помрет, и в случае благоприятного развития событий, то есть правильного поведения герцогини, командировать

в Курляндию великого целителя Кристодемуса с пузырьком... нет, не будем жмотничать. Пусть едет аж с целой бутылкой керосина.

Глава 28

Елена провожала мужа без слез и особых волнений. Она хорошо понимала, что император не может всегда сидеть рядом с женой, у него много других обязанностей. Да и едет он не на войну и не в дальние заморские страны, а всего лишь в Пруссию. Что там с ним может случиться? А если что и будет, так ее Питер смелый, сильный, ловкий и отлично стреляет как из ружья, так и из своего семизарядного револьвера, с которым он обещал не расставаться. К тому же при нем будет охрана, а это тоже совсем непростые люди, каждый стоит пятерых, если не более. А уж то, что Питер сможет ей изменить, это вообще невероятно. Он же очень верный по натуре и не падкий до доступных девок, да к тому же любит ее, это видно с первого взгляда! Нет, Елена отлично понимала, как ей повезло, и не собиралась искушать судьбу нелепыми подозрениями.

Ну, а недолгая разлука — это неизбежно. К тому же она не будет слишком тяжелой, ведь Питер сделал еще одну радиостанцию и берет ее с собой. Причем она более совершенная, чем та, что стоит в Петербурге, по ней можно просто переговариваться с Лефортовским дворцом, не прибегая к телеграфной азбуке, которой Лена пока еще владела не очень хорошо. Правда, когда император удалится более чем на восемьсот верст, или километров, придется перейти на телеграфную азбуку, но к тому времени Елена уже сможет ее достаточно выучить. Не хотелось бы доверять тех слов, что будут предназначены любимому, чужим глазам и ушам. Тем более что с той стороны у радиации будет сидеть именно он.

Император, пожалуй, волновался даже чуть больше своей молодой жены, ставшей таковой всего четыре дня назад. Обнимая Елену, он припоминал, все ли возможное сделано для ее безопасности, не забыто ли чего и не нужно ли еще что-то добавить.

Разумеется, внушение Остерману было произведено как положено, он все понял аж до заикания и дрожи в коленках, но ограничиваться только этим молодой царь не собирался. Сразу после беседы с вице-канцлером он пригласил на обед Павшина и объяснил, что в случае, если с Леной все будет в порядке, тот примет участие в ее коронации уже в следующем чине. Да и имение себе из тех, что были конфискованы у Долгоруковых, тоже может начинать присматривать.

О том же, что случится с его собеседником в обратном случае, император предпочел умолчать. Чай, фантазия у Тихона Петровича богатая, опыт в подобных делах тоже немалый, он сам себе придумает гораздо более страшные перспективы, чем ему сможет пообещать молодой царь.

На время отсутствия императора бабка переселялась в Лефортовский дворец. Объяснение было вполне правдоподобное — чтоб, значит, она денно и ночно блюла здоровье императрицы и ее будущего ребенка. Но в канцелярии и секретариате были предупреждены, что все распоряжения лейб-повитухи, даже и не касающиеся императрицы, должны исполняться немедленно и с тем же тщанием, что императорские. О том же самом состоялся разговор с командиром Семеновского полка Шепелевым и, разумеется, с братьями Ершовыми.

Афанасий давно знал, что его дальнюю родственницу связывают с императором какие-то тайные дела, но то, насколько она, оказывается, высоко взлетела, было для него новостью. Федор же принял происходящее без малейшего удивления. Раз эта тихая старушка будет заботиться о самом дорогом для царя человеке, а сама она и мухи в случае чего не обидит, то, значит, именно ему, Федору, надлежит немедленно выбить дух из любого, на кого она ему укажет. Чего ж тут удивительного? Так оно и должно быть, ежели по уму и совести рассуждать.

Никаких специальных внушений Новицкий бабке не делал — считал, что она и сама

все прекрасно понимает. И не ошибся.

— Знаю я, что ты хочешь мне сказать, да почему-то не решаешься, — покачала головой Анастасия Ивановна, выслушав новость о своем задании. — Чтоб, значит, в случае чего пусть лучше вся Москва дотла сгорит и Семеновский с Измайловским полки до последнего солдата костями лягут, чем с Леной что-нибудь случится! Так, государь?

— Именно так, бабушка, — подтвердил Новицкий.

— Не беспокойся, ваше величество, сохраним мы твою ненаглядную. Уж до чего же ты хорошую себе девочку нашел, просто душа за тебя радуется! Не чета Лизе, ведь, пока ты с ней был, я никак от подозрений избавиться не могла. Эта же — просто ангел! И хорошо, что она наивная — для всяких подлостей и злодейств, то есть тьфу, богоугодных дел, без коих в управлении государством никак обойтись не можно, у тебя я есть. Так что ты, государь, за нас зря не волнуйся.

И вот, обнимая жену перед отъездом, император думал, что, кажется, она остается под охраной надежных людей. Елена же, в последний раз поцеловав мужа, высвободилась из объятий и начала оглядываться.

— Ты чего, забыла что-нибудь? — не понял император.

— Да нет, тут еще котик бегал, тоже, наверное, хотел с тобой попрощаться. Гера, Гера, где ты? Ага, вот он! Кисонька, иди сюда, у нас Питер уезжает, поцелуй его тоже. Видишь, какой он умный? Все понимает!

Новицкий ткнулся носом в теплый кошачий нос и подумал, что этот наглец, конечно, недостатком сообразительности не страдает. Воспользовался всеобщей суетой — и шасть с утра на кухню! Куда в него столько лезет, совершенно непонятно.

Кот снисходительно висел на руках у хозяйки, которой он с недавних пор с полными на то основаниями считал Елену. И пытался понять — чего это их всех разобрало? Вскочили с утра пораньше, даже ему, Герою, не дали толком выспаться. Но завтракать почему-то даже не собираются! Ладно, он и сам может о себе позаботиться, вот и заскочил мимоходом на кухню. Но ведь непорядок же! Когда кота кормить будете, люди? Впрочем, этот, строгий, кажется, куда-то уходит. И правильно, не надо отвлекать хозяйку от завтрака, а то так вообще скоро обед наступит.

Император посмотрел, как Елена аккуратно опустила кота на землю, и решил, что на этом ритуал проводов можно считать законченным. Вскочил в седло и, пропустив вперед пятерку охраны, поскакал в сторону Немецкой слободы. Еще десяток телохранителей пристроился сзади.

Вообще-то охрана молодого царя только казалась столь незначительной, но на самом деле основные ее силы были заранее распределены по маршруту.

Сейчас Новицкий собирался проделать путь до Петербурга быстро, дней за шесть. И не оттого, что хотел успеть к спуску на воду своей галеры — еще вчера вечером пришла радиограмма, что оное событие свершилось и галера при этом не утонула. Нет, молодой император хотел своими ушами послушать рассказы про то, что творилось в Питере до спуска, и своими глазами посмотреть, как обстоят дела после него. В пути же Сергей собирался основательно поразмыслить на тему — кому и в каких вопросах можно доверять без сомнений, а кому и в каких с ними.

Взять, например, завод, расположенный на левом берегу Яузы примерно в полукилометре за Госпитальным мостом. Места, где можно будет соорудить генератор, выбирали специалисты Центра, и это позиционировали как самое предпочтительное. Они, конечно, имели высочайшую квалификацию в своей области, отчего Новицкий решил руководствоваться их рекомендациями. И, как выяснилось, зря, ибо он не принял во внимание их цели. Потому как они не совсем точно совпадали с целями молодого императора. Который уже понял, что в таком месте должная секретность может сохраняться только какое-то, весьма небольшое время. Да, генератор был сделан настолько быстро, что им никто толком не успел заинтересоваться. Собственно, Центру надо было только это, ничего другого его не интересовало. Хотя, пожалуй, это не совсем так. Если бы перед ним

стоял выбор из двух равнозначных в смысле выполнения задания мест, но одно имело бы какие-то преимущества в смысле дальнейших действий Новицкого, то курсанту порекомендовали бы именно его. Но таковых не нашлось, и теперь завод стоял там, где стоял. И секреты из него текли несколько интенсивнее, чем это хотелось молодому царю. Чего еще можно ждать, когда от Немецкой слободы до завода всего-то чуть больше получаса ходьбы? А смотреть на его территорию можно вообще аж с правого берега, поднявшись на холмик.

Разумеется, император сразу принял кое-какие меры, например велел увеличить высоту забора со стороны реки и ввел жесткий пропускной режим, но это было, во-первых, просто латание дыр. А во-вторых, если раньше всем было без разницы, чего там строит царский токарь Нартов, то теперь народу стало любопытно, с какой такой стати этот завод уже второй раз подряд обносят забором. И почему зевак с холма гонят в шею, причем особо наглых — прикладами.

Тогда Новицкий озаботил бабку отслеживанием слухов, возникающих вокруг завода. Поначалу все было нормально — говорили, что здесь делают изумительные диковинки для царя типа всяких хитрых звонков и баков, из которых через краны течет горячая вода. Потом появились слухи, что там производят еще и станки. Это было хоть и не очень приятно, но терпимо — сам факт их производства Новицкий особо скрывать и не собирался. Однако недавно прошел слухок про машину, которая поднимает вверх тяжеленную гирю силой пара, и молодой царь забеспокоился. Не получилось бы так, что двигатель Уатта скоро начнут производить и в Англии! Потому как следующим шагом станет установка его на корабли, а это уже совсем ни к чему.

Поэтому пришлось, во-первых, срочно озаботиться развитием воздухоплавания. Тут пусть копируют на здоровье, нам не жалко. В силу чего тот факт, что горелка для шара была сделана на заводе Нартова, не скрывался вовсе. Этот гибрид самовара с керогазом торжественно вынесли за ворота и под большой охраной понесли в сарай, недавно построенный напротив Лефортовского дворца, а пост на холме, с которого все было прекрасно видно, как раз в этот день напился и нес службу из рук вон плохо.

Следующим этапом была спешная постройка большого качающегося маятника, причем такой высоты, что он даже немного возвышался над забором. Эта конструкция очень сильно напоминала насосную часть парового двигателя Ньюкомена, как раз сейчас весьма распространенного в Англии. Пусть понимающие люди думают, что и у Нартова работает такое же устройство. Потому как на самом деле пароатмосферная машина, строго говоря, вообще не является универсальным двигателем. В силу отсутствия кривошипно-шатунного механизма и запредельной прожорливости она годится только для откачки воды на шахтах. А на заводе качающуюся поперечину приводил в движение двигатель для будущего паровоза — так он проходил ресурсные испытания. И все никак не мог пройти, но это был уже другой вопрос, с секретностью не связанный.

Двигатель же для парохода был отправлен в Петербург под видом огромной горелки для гигантского сорокапушечного воздушного шара грузоподъемностью в пятьсот тонн. Вот Новицкий и желал лично проверить, насколько тамошние слухи соответствуют данной легенде.

Император вздохнул. Нет, он, разумеется, не собирался строить ничего даже отдаленно похожего, но все-таки жалко, что от этих шаров пока нет никакой прибыли, одни сплошные расходы. Оно, конечно, запудрить мозги вероятному противнику — дело хорошее, но как бы сделать так, чтобы оно давало не только политические, но и чисто финансовые дивиденды?

Можно, конечно, просто продать штуки две-три. Точнее, не совсем просто, а написать перед этим указ, что шары грузоподъемностью до пятнадцати пудов военной ценности не имеют и потому могут продаваться за границу. Мало ли, вдруг англичане наберут денег сразу на десятитонный, и где тогда его прикажете брать? Может выйти неудобно, а так — нельзя, и все тут. Берите маленькие, их можно. Хотя... да нет, ни к чему вообще эту самую продажу разрешать. Ее надо строго-настрого запретить полностью, независимо от

грузоподъемности, а в качестве наказания для нарушителей установить смертную казнь. Бабку же озадачить созданием канала контрабанды, тогда шары пойдут с хорошей такой надбавкой за нешуточную опасность подобного бизнеса. Мол, а чего вы хотели — чтобы вам головой рисковали за копейки? Фигушки.

Потом мысли императора перенеслись от завода в Петербург, где недавно завершилась постройка корпуса для первого в мире парохода. Казалось бы, Миних — человек верный, грамотный инженер, опытный государственный деятель — кого же слушать, если не его? Ан нет, здесь он выбрал место для постройки, руководствуясь только ее интересами и вовсе не думая о секретности. Мол, где же строить корабль, если не на верфи северной столицы? Других-то приличных верфей в России нет, разве что в Архангельске.

Да где угодно, только подальше от чужих глаз! Как минимум в Ярославле, а лучше так вообще в Чебоксарах. Сначала построить верфь, а потом пароход, и хрен бы кто за границей про него узнал хоть что-нибудь, пока он плавал бы туда-сюда по Волге. Однако нет, теперь придется как-то изворачиваться в Петербурге. Интересно, что там сейчас?

Именно в это время старший комендант Василий Нулин, изредка заглядывая в бумажку, заканчивал инструктаж очередной смены, которой вскоре предстояло разойтись по кабакам города, уделяя основное внимание тем, что располагались ближе к Галерному острову.

— Значит, так — запоминайте, орясины горемычные. Шар будет иметь на борту сорок пушек, а всего сможет поднять пятьсот тонн, это восемьдесят три тысячи триста тридцать три пуда. Уложилось в головах ваших бестолковых али мне еще раз повторить?

— Да больно число-то сложное, ваше благородие, — раздалось откуда-то из задних рядов. — Как же его можно запомнить? Это надо целый день повторять с утра до вечера, а нам уже идти скоро.

— Ладно, кто не может запомнить восемьдесят три и триста тридцать три, запоминайте просто восемьдесят. Ясно? Сорок пушек и восемьдесят тысяч пудов, куда уж проще. Далее. Сам шар размера будет невероятного, то есть просто гигантского, это я говорю для умных. Остальным же хватит того, что он будет ну очень большим, больше Меншиковского дворца.

— Ввысь или вширь? — снова подал голос непонятливый.

— Конечно, вширь, дубина! Ввысь в нем, небось, и десяти сажений не будет. Во дворце, ясное дело. Шар же потому и именуется шаром, что он хоть вверх, хоть поперек себя в любую сторону одинаковый. Вот такой.

Старший комендант показал руками, какой именно, после чего продолжил инструктаж.

— И, значит, в последний раз повторяю общую диспозицию. Кто нарушит — больше к серьезным делам на пушечный выстрел не подпущу. Разбиваетесь по парам и расходитесь по кабакам. Водки заказываете умеренно, закуски еще меньше — вам там работать, а не брюхо набивать на дармовщину. Войдя в кондицию, начинаете спорить. Один говорит — я недавно шар летучий видел. Другой ему — да врешь ты все, ты тогда пьяный до изумления в канаве валялся, а шар видел я, и он совсем не такой, как ты сдуру глаголешь. Но до мордобития дело не доводить! Разве только до самого небольшого. Если кто интерес к шару проявит, вот тогда ему и рассказываете все то, что сейчас слышали. У тех, кто интересоваться шаром будет, имен не спрашивайте, и уж тем более, упаси Господь, проследить за ними не пытайтесь. На то другие люди есть, вам, неотесанным, не чета. Но у того, кто в порученном деле добьется успехов, будет дорожка к ним, а там, глядишь, и еще выше. Все поняли? Тогда — по местам несения службы р-р-а-зойдись! Да на картинку, на картинку в последний раз глянуть не забудьте.

Глава 29

Король Пруссии Фридрих Вильгельм, благодаря своей редкой наследственной болезни, был одновременно и очень вспыльчивым, и весьма педантичным человеком. Он давно это знал, знали и его придворные, поэтому такое положение никому особенно не мешало. Разве

что кроме тех, кто попал под горячую руку и в результате испытал на своих ребрах крепость королевской трости, но это, как правило, были случайные люди. Или не случайные, а специально находящиеся при особе его величества именно с целью оттянуть внезапно возникший гнев короля на себя, чтобы потом те, кто в действительности принимал участие в управлении Пруссией, могли без всяких досадных помех беседовать с Фридрихом Вильгельмом. В частности, генерал Докум, прибывший в королевский дворец с важным докладом, не стал торопиться на аудиенцию, а сначала по своим каналам разузнал, каково состояние его величества. Услышав, что оно предгрозовое, генерал вздохнул и приготовился ждать.

Много времени он не потерял — уже через час с небольшим генералу сообщили, что король наорал на некстати подвернувшегося под руку гофмейстера, но бить не стал, а, ткнув чем-то провинившегося сановника тростью в живот, удалился в кабинет, откуда теперь доносится явственный запах керосина.

"Надо же, как помогает лечение, а ведь многие поначалу считали Кристодемуса шарлатаном", подумал генерал, подходя к зеркалу — его ожидание явно подходило к концу. И действительно, через пятнадцать минут он уже смог приступить к докладу, посвященному прибытию в Штеттин русского так называемого "Великого посольство".

В кабинете царица полутьма, ибо его окна были завешены плотными бархатными шторами — король со всем вниманием отнесся к предупреждениям русского медика, заявившего, что при такой болезни солнечный свет очень вреден. О том же внимании говорили сильные запахи керосина и чеснока.

— Скажите мне, Альберт, правда ли то, что русский император спал со своей теткой? — спросил король, когда основная часть доклада была закончена. Дело в том, что подобное противоречило пуританскому воспитанию его величества. Разумеется, Петр Великий, к которому король относился с искренним уважением, позволял себе и не такое, но все же...

— С одной стороны, это похоже на правду, ибо об оной связи, не особо скрываясь, говорят и при московском, и при петербургском дворах, — усмехнулся генерал. — С другой, у меня давно есть сильное подозрение, что там вообще говорят только то, что санкционировано самим Петром. Во всяком случае, имеется немало примеров наказания слишком болтливых. Отсюда можно сделать предположение, что имеющиеся слухи распускались с одобрения молодого царя.

— Но зачем ему это?

— А вы вспомните обстановку, которая сложилась два года назад. У царя не было ни власти, ни денег, ни сил, чтобы открыто потребовать сие от Совета, ни опыта, чтобы добиться своего тайно. Значит, ему позарез нужны были верные и квалифицированные соратники. Первого он нашел быстро, это Миних. Однако, при всех его достоинствах, он слабо разбирался в отношениях между советниками, да и вообще не имел опыта придворных интриг. Поэтому Совет, хоть и был обеспокоен его возвышением, все же не считал Бурхарда Христофора настолько серьезным противником, чтобы принимать радикальные меры. Однако Петр все равно сделал выводы. Ему был нужен кто-то, прекрасно знающий все тайные побуждения Совета, но при этом не питающий к нему никаких теплых чувств. Цесаревна в точности подходила под эти требования — она с детства варилась в этом котле и всей душой ненавидела Долгоруковых, однако ее открытый переход в лагерь молодого царя мог вызвать ненужные подозрения. Тогда Петр сделал так, что все считали ее всего лишь его любовницей. Когда Совет был низложен, надобность в маскировке отпала, и вскоре Елизавета якобы лишилась места в царской постели. Однако сразу после этого ей был присвоен высший придворный чин, и она по-прежнему остается в числе ближайших советников молодого царя, благоволящего к ней ничуть не меньше, чем ранее. И денег он ей дает куда больше, чем тогда, когда они, по всеобщему убеждению, были любовниками.

— Вы правы, Альберт, ваши умозаключения действительно похожи на истину, — кивнул король. — Тогда становится понятно, почему официальным руководителем

посольства назначена именно она. Однако не знаете ли вы, где сам император? И взял ли он с собой моего сына, это еще один вопрос.

— Оба должны быть в составе посольства. Император присутствует вроде как инкогнито, под видом капитана инженерной службы Петра Михайлова-второго, но об этом знают все. Ваш сын — тоже, он изображает из себя лейтенанта воздушного флота Манфреда фон Рихтгофена. Однако на линейном корабле "Петр Первый" их нет. Но это всего лишь значит, что они на одной из десятка яхточек, сопровождающих линкор. Кстати, принц действительно поднимался в воздух, об этом говорят достойные доверия свидетели. Кроме того, он награжден довольно редкой и почетной в России медалью — бронзовой звездой "аэронавт третьего класса".

Тут генерал оказался не слишком точен — эта медаль была не просто редкой, а вообще единственной. Фридрих получил ее за десятиминутный полет в качестве пассажира. Кроме того, в России имелись три аэронавта второго класса с серебряными звездами — Новицкий, Елизавета и Елена. Они летали по два раза. Золотыми же звездами аэронавтов первого класса обладали граф Глеб Уткин и кот Герой. Одному из них вскоре предстояло стать главнокомандующим российским Военно-Воздушным флотом.

Посольство въехало в Берлин через пять дней после прибытия в Штеттин. Оно преодолеvalo сто пятьдесят километров столь долго для того, чтобы его мог догнать император, и этого времени ему вполне хватило. Он даже успел побывать в гостях у коменданта Штеттинского замка, генерал-лейтенанта Кристиана Августа Ангальт-Цербстского, чем привел его в нешуточное изумление и чуть было не вверг в непосильные расходы, но один из приближенных русского царя выдал коменданту в порядке компенсации триста пятьдесят талеров. А вообще у генерал-лейтенанта сложилось странное впечатление после визита. Ему казалось, будто он был затеян только для того, чтобы царь мог познакомиться с его трехлетней дочерью, Софией Фредерикой. Это наводило на мысли о том, что молодой император уже присмотрел для нее какую-то достойную партию, и теперь оставалось только осторожно разузнать, какую именно. Впрочем, это не так уж и важно, ибо русские вельможи, как правило, очень богаты. Но, конечно, генералу все-таки хотелось узнать имя своего будущего зятя.

Однако это желание было неосуществимым, ибо того имени не знал и сам русский царь. Он просто хотел посмотреть на ту, что при иных условиях могла стать русской императрицей Екатериной Великой. Вряд ли теперь ей светит престол, однако в том, что это выдающаяся женщина, у Новицкого не было ни малейших сомнений. И, раз уж она один раз очень неплохо справилась с управлением всей Российской империей, то теперь почему не поручить ей заняться только Дальним востоком и Аляской? Для чего следовало подумать, за кого ее выдать замуж. Но это не горит, пусть невесте исполнится хотя бы лет пятнадцать.

С этими мыслями Новицкий пустился в путь до Берлина, который вместе ночевкой занял у него чуть более суток. Посольство он нагнал, когда оно уже въезжало в пригороды прусской столицы.

Первым делом император встретился с Елизаветой, гарцевавшей во главе длинной колонны, и сообщил ей, что никаких изменений в первоначальных планах нет.

— Петенька, а ты случаем не заболел? — с беспокойством в голосе осведомилась цесаревна, принимаясь. — Как-то раньше от тебя вроде керосином не пахло.

— Да нет, это меня на постоялом дворе клопы достали, вот и пришлось их им травить.

— И как, помогло?

— Вполне. Одни сразу разбежались, а те, кто не успел, потом сдохли. Но выспаться толком все равно не удалось.

Император не стал уточнять, что в значительной мере тому было виной его любопытство. Ведь до сих пор он ни разу не видел живого клопа! Лесные не в счет, это совсем другие насекомые. В хрущобе, где он жил в двадцать первом веке, водились только тараканы — правда, их было много. В Лефортовском же дворце клопов не было, и в Летнем тоже. И вот они нашлись на немецком постоялом дворе, но поймать хотя бы одного

оказалось не так просто.

Надо сказать, что легендарный клоп, про которого Новицкий много читал, но смог увидеть только сейчас, разочаровал молодого царя. Какой-то он был мелкий и медлительный, а, посаженный на руку, даже не пытался кусаться, а явно хотел только одного — побыстрее удрать. Правда, вонял он как положено, то есть столь же противно, как и коньяк. Для истребления коего запаха Сергей и залил все углы в комнате керосином.

— Ой, как интересно! — всплеснула руками цесаревна. — Петя, ведь у меня на Тверской сии мерзкие твари тоже недавно появились! Прямо как есть всю искушали, кое-где до сих пор красные пятна не все сошли. Показать? Ну, раз не надо, тогда не выделишь ли на борьбу с ними немного этой чудодейственной жидкости — скажем, литр в месяц?

— Хорошо, выделю. Ты только не обижайся, я еще раз напомню — если начнешь продавать налево излишки, то половину денег — мне. И не вздумай, пожалуйста, уронить цену! Ниже ста пятидесяти рублей за шкалик не опускайся.

— Конечно, Петенька, я же не дура. Можно, я тебя в знак благодарности поцелую по-родственному?

— Можно, но только в процессе этого не забывай, что я уже скоро месяц как женат и изменять жене совершенно не собираюсь.

Так как день прибытия посольства выдался пасмурным, то король не отказал себе в удовольствии пройтись по Берлину — правда, на всякий случай надев плащ с капюшоном. Компанию его величеству составил генерал Докум, а вскоре к ним присоединился лейтенант Леман, сопровождавший наследника в Россию, а ныне вернувшийся на родину вместе с ним. Они, не привлекая внимания, вышли на Грюнштрассе, где для расположения русского посольства были выделены два дома. Там сутились люди, ими распоряжалась энергичная молодая дама — ее звонкие команды далеко разносились по тихой до прибытия русских улице.

— Лейтенант, почему она заявила этому почтенному господину, что имела интимные отношения с его матерью? — поинтересовался генерал, неплохо, но не в совершенстве знавший русский язык.

— Это непере译имое русское словосочетание, ваше высокопревосходительство. Им можно выразить все, что угодно. В данный момент при помощи него цесаревна выразила свое неудовольствие шталмейстеру за избыточные, по ее мнению, траты в дороге.

— Серьезная женщина, — одобрительно кивнул король, — и бережливая к тому же, что весьма похвально. Не знаете, куда она послала того офицера, что кинулся прочь аж самым натуральным галопом?

Лейтенант, наклонившись к королевскому уху, вполголоса объяснил про адрес.

— Не в буквальном смысле, ваше величество, — счел нужным внести дополнительные пояснения Леман. — У русских принято посылать в данном направлении, когда они желают не только чтобы собеседник как можно быстрее их покинул, но и дать ему понять всю степень неуважения, к нему испытываемого.

— Надо же, совсем коротенькое слово, а какой глубокий смысл! — удивился король. — Лейтенант, повторите его, пожалуйста, еще раз — у меня в Большом городском дворце тоже много таких, которых не помешает... хм... послать именно туда.

Наследный принц Фридрих, то есть в данный момент лейтенант Манфред фон Рихтгофен, перед аудиенцией у короля Пруссии чувствовал себя странно. Примерно такие же чувства одолевали его совсем недавно в Большом зале Лефортского дворца, где ему вручали медаль "Бронзовая звезда".

Когда Фридрих зашел в зал, тот был пустым, только посередине стояло устройство, сильно напоминающее обычный канцелярский стол, но несколько длиннее его и с немного раздвинутыми в сторону ногами.

"Механизм власти!" — мелькнула заполосная мысль. И хотя наследный принц почти точно знал, зачем он сюда приглашен, по коже вдруг побежали мурашки, причем даже более интенсивно, чем перед вчерашним полетом.

Открылась дверь в противоположном конце, и в зал вошел император в сопровождении двух семеновцев и мажордома. Тот подбежал к столу, наклонился над его левым краем, а Фридрих чуть ли не в панике пытался вспомнить, что там находится — выдвижной ящик с зеленым сукном или рычаг, освобождающий брусья, похожие на шею и хвост какого-то зверя? И какое же облегчение он испытал, увидев, как мажордом расправляет на столе зеленую тряпку!

Самого процесса награждения Фридрих почти не помнил.

Вот и сейчас, стоя перед дверью королевской приемной, он испытывал схожие чувства, хотя Петр уже беседовал с его отцом и сказал, что тот на него не сердится. И, кроме того, приступ бешенства у короля был совсем недавно, и он запил его керосином, а это означает, что другого сегодня наверняка не будет.

— Рад видеть вас, сын мой! — приветствовал король вошедшего Фридриха. — Вижу, пребывание в России пошло вам на пользу. От прошлой, будь она неладна, французской утонченности не осталось и следа! Надеюсь, вы там изучали что-то более полезное, нежели новейшие философские концепции.

— Так точно, ваше величество! Изучал тактику боя в условиях стесненной застройки, методы подавления бунтов в городских и сельских условиях, прогрессивные способы выращивания кабачков, приемы дрессировки кошек, игру на барабанах и теоретические основы полета воздушных шаров, именуемые прикладной астрографией. Однако... его величество император, услышав про обстоятельства, предшествующие моему появлению в России, лично познакомил меня с одной русской философской концепцией.

— Да? — нехорошо прищурился король. — И как же она звучит?

— Не учи отца...!

Последнее слово принц произнес по-русски, а потом перевел как "делать детей".

— Замечательная концепция! — настроение короля на глазах улучшалось. — Он ее чем-нибудь обосновал или преподнес как постулат?

— Обосновал — тем, что хлебало не казенное.

— Правильно, император с первого взгляда показался мне весьма достойным молодым человеком. Так вот, сын мой, исходя из только что сказанного вами, извольте выслушать мою монаршую волю. Сообщаю, что вскорости вам предстоит жениться. Помолвка назначена на послезавтра, свадьба — скорее всего на весну следующего года, но это еще подлежит уточнению. Что же вы не спрашиваете, кто ваша будущая супруга?

— Полностью доверяю вашему выбору, отец.

— Хитрец! Наверняка вы уже что-то знаете. В таком случае, имейте в виду, что сразу после помолвки я надеюсь выслушать ваши соображения о политических выгодах и возможных опасностях грядущего брака для Пруссии. А также о том, как можно будет усилить первые и ослабить вторые.

Принц кивнул. На эту тему можно не волноваться — тезисы у него уже были, ведь Петр еще в Москве предупредил о желательности их наличия. Значит, скоро Елизавета станет его женой...

Во время путешествия она открылась ему с несколько неожиданной стороны, хоть он и раньше знал, что цесаревна — женщина весьма решительная. Однако он не думал, что командовать она может не хуже прусского фельдфебеля. Хотя подобные метаморфозы вполне объяснимы. Если монарх из каких-то своих соображений всегда вежлив и почти всегда доброжелателен, то это может означать всего две вещи.

Или он просто никуда не годный монарх.

Или в государстве есть специальные люди, кои вместо него орут, матерятся и пускают в дело кулаки либо специально для таких случаев предназначенную трость.

В путешествии Елизавета была назначена именно таким человеком и смогла очень быстро освоить соответствующие приемы, вот и все. Тем более что, учитывая ее пол, цесаревну сопровождали два уполномоченных из штата Федора Ершова. Никакие трости им были и даром не нужны, в крайнем случае они могли прекрасно обойтись оглоблей.

Теперь Фридриху предстояло решить — кто в их сначала наследном, а потом, глядишь, и царственном дуэте какую роль будет исполнять. Пока принц склонялся к мысли, что девушка пусть довольствуется той, что играет сейчас. В конце концов, у нее очень неплохо получается.

Глава 30

Великое посольство пробыло в Берлине десять дней. За это время император и король успели не только тихо, без лишнего ажиотажа помолвить Фридриха с Елизаветой, но и договориться по некоторым другим пунктам. В частности, в ответ на прямой вопрос Петр клятвенно заверил собеседника, что прекрасно осознает, сколь ему необходим коридор через польские земли в Восточную Пруссию, и с пониманием отнесется к любым шагам в этом направлении. Действительно, император хорошо помнил из курса истории, что от приобретения польских земель Россия не получит ничего, кроме нешуточной головной боли. И, хотя делить Польшу будут на троих, ее народ начнет видеть основного оккупанта именно в России. Не в последнюю очередь потому, что та в конце концов прибрала к рукам столицу — Варшаву. И Новицкий не собирался наступать на те же грабли. Нет уж, пусть дорогой Фридрих, которого, чем черт не шутит, за это потом назовут Великим, сам завоевывает Варшаву, потом же разбирается с перманентными бунтами. А Россия даже не станет помогать подавлять их — зачем, спрашивается? Немцы прекрасно справятся и сами. Зато если когда-то в отдаленном будущем Пруссия начнет вести себя недружелюбно, всегда можно будет поддержать освободительную борьбу братского польского народа. Раз уж Польше все равно суждено скоро закончить свое существование как независимого государства, то пусть она это делает побыстрее и в когтях прусского, а не русского орла.

Более того, Новицкий считал, что Австрию к дележу Польши лучше не допускать — если, конечно, получится. Тогда она будет долго обижаться на державу, утащившую лакомый кусок прямо у нее из-под носа, каковая обида резко снизит возможность заключения австро-прусского союза. Правда, сейчас он и без того крайне маловероятен, но так будет далеко не всегда.

И, значит, император пообещал королю всяческую поддержку в том случае, если Вена вдруг начнет возникать по поводу пробития коридора из основной Пруссии в ее восточную часть.

Кроме того, монархи определились со временем свадьбы немецкого принца и русской цесаревны — оное действие было назначено на апрель грядущего тридцать четвертого года. Причем Новицкий выразил желание взять все расходы на себя, против чего Фридрих Вильгельм возражал исключительно ради соблюдения приличий и совсем недолго — всего секунд тридцать. А потом согласился, в том числе и с тем, что император явится на свадьбу в сопровождении небольшого количества русских войск. Потому как из Пруссии было даже ближе до театра грядущих боевых действий, чем из Курляндии. То есть надобность во встрече с Анной Иоанновной отпала, но Новицкий все равно по дороге домой собирался завернуть в Ригу. Ведь обещал же! А о чем при этом говорить — разберемся по месту. Например, вполне можно будет побеседовать про остров Тобаго.

Но вот, наконец, все дела были завершены, и посольство начало собираться домой. Обратный путь предполагался таким же порядком, что и сюда. То есть все на "Петре Первом" в сопровождении десяти яхт типа "Спрей", а император на килевой яхте проекта "Беда" в сопровождении второй точно такой же их не ждет, а быстро плывет сначала в Ригу, потом оттуда в Питер.

Отъезд был назначен на завтрашнее утро, а пока Сергей шел по коридору дома, где пока еще квартировало посольство — он собирался перед отъездом сказать пару слов своей тетке. Однако перед дверью в ее покои стояли двое часовых.

— Ваше величество, — неуверенно сказал прохаживающийся по коридору унтер, — ее высочество велела никого не пускать до особого распоряжения.

- И меня тоже? — немного удивился император.
— Нет, вас-то мы, конечно, пустим, но... может, вам туда не надо?
— Почему?
— А вы послушайте.

С этими словами унтер чуть приотворил дверь. Теперь оттуда явственно доносились страстные охи и стоны.

- Это она там с Фридрихом?
— Так точно, вашеество!
— И давно?
— Со вчерашнего вечера. После полуночи вроде ненадолго утомонились, а сейчас вон, по новой начали.

Ясно, подумал Новицкий, перед разлукой Лиза пытается оставить у жениха самые яркие воспоминания. Чтобы он, зараза, потом неделю в раскоряку ходил и месяц на баб смотреть не мог! Ладно, пусть трудится.

— Если цесаревна закончит личные дела до десяти вечера, то передайте, чтобы зашла ко мне, — велел император. — Если же нет, то ей будет письмо.

По пути в Ригу Сергей смог оценить яхту, в создание которой внесла немалый вклад его молодая жена. Суденышко, без затей несшее имя "Елена", легко шло чуть ли не против ветра! Причем довольно сильного, капитан Спиридов оценивал его в семь баллов. Угол между направлением, с которого он дул, и курсом яхты составлял градусов сорок пять, при этом "Елена" уверенно держала скорость около восьми узлов. В трех кабельтовых сзади, не отставая, шла вторая такая же яхта — "Елизавета".

На второй день плавания Новицкий подумал, что не очень удачно подобрал серию названий. Но он считал, что таких яхт будет всего две — все-таки они получились заметно сложнее в производстве и дороже "Спреев". Но насколько же лучше! Да, но тогда как прикажете называть следующие — продолжать линейку женских имен? До подозрений Лена, конечно, не опустится, но все же у нее может мелькнуть нехорошая мысль. И что теперь делать?

Назвать следующую яхту "Маврой", решил молодой царь. Вот уж про эту никто не станет думать ничего, выходящего за рамки приличий! А ту, которая пойдет после "Мавры" — "Анастасией". Про бабушку Лена тоже вряд ли вообразит что-нибудь нехорошее. Ну, а потом видно будет.

От раздумий императора отвлек голос капитана:

— Государь, волнение усиливается, и вам лучше пройти в каюту. На палубе сейчас должна оставаться только команда.

— Ладно, ухожу, — кивнул Сергей.

Хороший моряк, подумал он про капитана, хотя ему всего двадцать лет. Но из них плавает он уже семь, причем именно плавает, а не где-то там числится. Да и фамилия вроде какая-то знакомая. По возвращении в Москву надо будет глянуть в планшете — вдруг он оставил заметный след в истории? Если так, то ничего удивительного в этом не будет.

"Елена" с "Елизаветой" прибыли в Ригу спустя двое суток после выхода из Штеттина. И тут случился сюрприз — вместо Анны Иоанновны императора ждало письмо от нее. В коем курляндская герцогиня сообщала, что она, к своему отчаянию, не может прибыть в Ригу по состоянию здоровья, и приглашала "своего царственного брата" в Митаву.

"Да ведь она мне никакая не сестра, а то ли троюродная, то ли вовсе четвероюродная тетка", в растерянности подумал Новицкий. Или это просто принятое в дипломатии выражение такое? Надо будет уточнить у Головкина. И заодно узнать, является ли отказ выехать навстречу императору под таким предлогом дипломатическим оскорблением или нет — Сергей и в этом не был уверен. Вот, например, если набьют морду послу — это точно будет оскорбление, после которого надо или объявлять войну, или принимать симметричные меры. А тут как быть?

Немного подумав, император сел писать ответ.

— Дорогая царственная сестра, — начал он. — Приношу вам глубокое соболезнование в связи с постигшей болезнью, что в вашем возрасте может быть опасно. Но, несмотря ни на что, все же надеюсь, что вы выздоровеете, и тогда мы сможем увидаться. Сейчас же это невозможно, ибо после моей болезни, от которой меня с большим трудом излечил великий целитель Шенда Кристодемус, у меня еще не до конца восстановилась иммунная система, что делает мой неокрепший организм уязвимым к инфекциям.

Интересно, прикинул Новицкий, хотя бы слово "инфекция" эта старая зараза знает? То, что про иммунную систему она не в курсе, это точно. Хотя какая разница, понятны ей обоснования того, что император к ней не поедет, или нет. Тут важен сам факт.

Сразу после отправления письма герцогине "Елена" и "Елизавета" отчалили — молодой царь торопился в Москву.

К Санкт-Петербургу яхты подошли вечером, и царь отправился ночевать в Летний дворец, где перед сном имел продолжительную беседу с отцом Антонием про то, какие слухи из распускаемых людьми Нулина укоренились, а какие нет, и насколько питерцам был интересен сам факт спуска на воду царской галеры. Здесь никаких неожиданностей не было — уже появились разговоры, что эта посудина зачем-то нужна при запуске воздушных шаров. Причем один рабочий с верфи, крепко выпив в компании нулинских распускателей слухов, сам начал их убеждать именно в этом. Мол, вряд ли железяки с трубой, что туда впихнули, являются баней или пекарней. Потому как молодой царь неприхотлив, это все знают, и просто так на ненужную роскошь денег никогда не кидает. Оное устройство нужно для предварительного подогрева воздуха в шаре! Чтоб, значит, не возлагать такую задачу на установленную в нем горелку. Ибо та работает на керосине, а его надо экономить, больно уж дорог. А то, что стоит на галере, использует дрова. Правда, из-за этого оно и весит дай-то бог, люди чуть пупки не надорвали, впихивая его на место, но ведь ему же не летать. Оттого у галеры и мачты совсем небольшие, да к тому же разнесены на нос и корму. Чтоб, значит, в середине было где разместить надуваемый воздушный шар.

Что интересно, именно таких слухов люди старшего коменданта вообще не распускали.

Выслушав главного благочинного, Новицкий велел арестовать рабочего за разглашение государственной тайны, причем сделать это настолько явно, насколько получится, не вызывая подозрений, что это спектакль. А потом быстро доставить в Москву. По дороге обращаться с арестантом вежливо и бережно, дабы он не потерпел никакого, даже самого малого, ущерба в своем драгоценном здоровье. Сергей решил, что человек, смогший придумать такую в общем-то технически непротиворечивую гипотезу, наверняка способен и на нечто большее. Мозги у него точно есть, и он умеет ими пользоваться.

На этом встреча с руководителем ГБ завершилась, и Новицкий отправился спать.

Хоть император и спешил в столицу, он все же на полдня задержался в Новгороде для встречи с купцом Никодимом Владимировичем Уткиным, отцом известного аэронавта и владельцем бумажной мануфактуры.

Купец, предупрежденный всего за пару часов до визита, успел накрыть великолепный стол, коему молодой император отдал должное, но в молчании. Затем, вытерев губы салфеткой, начал:

— Уважаемый, у меня к тебе два дела. Первое, возможно, покажется не слишком приятным, но тут уж ничего не поделаешь. Итак, вы с сыном регулярно переписываетесь. Дело хорошее, но ведь чуть ли в каждом письме ты просишь за кого-то замолвить словечко передо мной! Я проанализировал просьбы и не верю, что тобой двигал чистый альтруизм. Признавайся — подносят небось за просьбы-то? И, похоже, не так уж мало. Я прав?

— Да, ваше величество, — побледнел купец.

— Но ведь, если разобраться, ты тут вообще почти ни при чем. Замолвить должен сын, а дал ему такую возможность я, приблизив к своей особе. То есть тебе с того если что и причитается, так это небольшой процент.

Услышав последнее слово, купец воспрянул духом.

— Вот видишь, ты и сам все понял, — кивнул император. — Значит, от подношений

отныне оставляешь себе четверть, а три четверти жертвуешь на развитие воздухоплавания в России. Ты, наверное, уже слышал, что бывало с людьми, пытавшимися меня обмануть? Не хотелось бы, конечно, применять репрессии против ближайшего родственника такого человека, как граф Глеб Никодимович, но придется, ежели ты не внемлешь моим настоятельным предупреждениям.

Новицкий специально употреблял явно незнакомые купцу слова для усиления эффекта своей речи.

— Да я... государь... да ни в жисть! Вот святой истинный крест на том целую. Но только как быть, ежели меня иногда благодарят натурой?

— Оценить ее по минимальным рыночным ценам и пожертвовать, исходя из оценочной стоимости.

— Так ведь, ваше величество, — замялся купец, — это ж какая натура-то... ее так сразу в деньгах и не оценишь. Я ведь вдов уже двенадцатый годочек, новую жену искать поздно, вот как-то потихоньку один и бедую.

— То есть как это не оценишь? — развеселился молодой царь. — Не волнуйся, есть у меня в Москве одна знакомая, она все расценки в этой области знает досконально. Значит, на днях пришлю тебе прејскурант, и ты согласно нему будешь производить пожертвования и с натурной оплаты тоже. Ибо грех это — на халяву блудить, мне точно духовник говорил. На чем, пожалуй, с первым пунктом можно закончить. Переходим ко второму, который наверняка покажется тебе более приятным. Итак, предлагаю расширить дело. Нужно поставить на Ладожском озере, где-то недалеко от Шлиссельбурга, бумажную и полотняную мануфактуры. Спрос гарантирую я, кредит на постройку тоже.

— А с людишками для работы на них как?

— Их тебе сын купит, он граф, ему можно. Вот только крепостными они будут всего пять лет, а потом станут свободными. И это уже тебе решать, что дешевле — покупать новых, потом учить их да терпеть убытки из-за первоначального неумения — или платить старым столько, чтобы они сами никуда не хотели уйти.

— Да куда же они, окаянные, денутся?

— К соседям. Думаешь, там только две твои мануфактуры на весь край будут? Нет, у меня более обширные планы.

Действительно, молодой царь решил всю возню с первым, а потом, глядишь, и последующими пароходами перенести на Ладожское озеро, где гораздо меньше лишних глаз. Например, на остров Валаам. Правда, там, кажется, уже стоит какой-то довольно известный монастырь, ну и что? Пусть себе стоит и даже процветает, рабочим секретных предприятий не помешает духовное окормление, да и монахам, если будут себя правильно вести, тоже кое-чего перепадет от царских щедрот. К тому же остров большой, чуть ни не десять километров в поперечнике. Там, кроме монастыря, прекрасно поместится сначала верфь, а потом пара машиностроительных заводов и специальное конструкторское бюро. Кроме того, вокруг много совсем маленьких островков, и на одном из них нужно будет построить химзавод по производству гремучей смеси для капсулей.

Император отправился в путь ближе к вечеру, часов в шесть. По плану в этот день нужно было проехать еще около двадцати километров, чтобы заночевать в селе Бронницы. По идее, там все уже должно быть готово, и молодой царь, трясаясь в седле, начал сочинять текст очередной радиогаммы, которую он отлучит в Москву перед тем, как лечь спать.

Начало особых трудностей не вызывало, оно было стандартным — "любимая!". Но дальше Новицкий решил его как-то разнообразить и усилить, а то ведь все предыдущие начинались именно с этого слова. Значит, надо добавить что-нибудь вроде "ненаглядная моя супруга". Дальше, само собой, осведомиться о протекании беременности, невзирая на то, что бабка на эту тему и так шлет регулярные доклады. Да, и не забыть спросить о самочувствии кота, Елене это будет приятно. Хотя, конечно, что может случиться с этим нахалом? Разве что понос его проберет от обжорства, но и то вряд ли. Про свои дела можно особо не распространяться, ограничившись тем, что пока вроде все идет по планам. В последних

строках не мешает сообщить, откуда была произведена передача, и добавить, что их хоть и не очень долгая, но все равно с трудом переносимая разлука совсем скоро кончится. Финал пусть будет обычным — "целую, обнимаю, твой Питер".

Новицкий улыбнулся, вспомнив, в связи с сочинением текста, полузабытую песню Высоцкого "Письмо из деревни". Да, слова, конечно, далеко не всегда соответствуют тем чувствам, которые они вроде бы обозначают. Однако император на самом деле скучал по своей молодой жене и с нетерпением ждал конца путешествия.

Глава 31

Приближаясь к Москве, молодой царь немного волновался. Он слышал, что у женщин в начале беременности портится характер, вплоть до того, что могут начаться всякие беспочвенные капризы или даже истерики. Вот только на каких точно сроках такое проявляется, он не знал. Однако помнил, что перед расставанием ничего подобного не было, и во время него, судя по радиограммам Лены и докладам бабки, тоже. Значит, все еще впереди, а тут как раз коронация. На всякий случай Новицкий пытался вспомнить, что такое предупредительность, вежливость и, увлекшись, дошел даже до толерантности, но вовремя спохватился. Быть не может, чтобы его милая Лена из-за какой-то беременности превратилась в такого монстра, для общения с которым придется прилагать усилия! Ну, а если что-то такое и промелькнет, то ее надо будет просто кормить получше, вот и все. Как она там, не похудела ли без него? Бабка утверждает, что нет, но она может и не заметить.

С такими мыслями император даже не сообразил, что его кавалькада уже въехала в Москву, и теперь с удивлением смотрел на непонятную суету около Тверской заставы. Там стояла рота конных измайловцев, а чуть в стороне — две кареты. Одна императорская парадная, другая обычная разъездная.

От строя отделился Павшин, быстро проскакал разделяющие его и Новицкого полтора метра и браво доложил:

— Ваше императорское величество! Осмелюсь доложить, что ваша царственная супруга не потерпела не малейшего ущерба в своем драгоценном здоровье. В Москве тоже все в порядке, город готовится ликовать по случаю вашего возвращения.

Левая половина лица Тихона Петровича не выражала ничего, кроме верноподданного восторга, а правая — еще и легкое беспокойство. Мол, не забыл ли император, что он обещал перед отъездом?

— Я все помню, — кивнул Новицкий и пустил лошадь вскачь, к большой карете. Там, как он и ожидал, сидела Елена в компании Анастасии Ивановны. Бабка тут же вскочила и исчезла, только успев сказать, что никаких срочных сведений у нее нет, и Сергей смог наконец-то обнять свою молодую жену. С его точки зрения, она ничуть не подурнела, а, наоборот, стала еще более красивой.

Через полчаса существенно увеличившаяся царская процессия тронулась в путь, теперь уже без всякой спешки, медленно и величаво. В карете же тем временем закончились объятия и поцелуи, и Новицкий наконец-то смог спросить Елену, как она себя чувствует.

— Да что мне будет, — беспечно отмахнулась та, — у Анастасии Ивановны попробуй заболит! Ты лучше послушай, какой у меня для тебя есть сюрприз. И на бабушку не сердись, я еле упростила тебе не докладывать. Наш паровоз позавчера поехал!

— Куда? — удивился император, — на заводе же нет рельсов. Или уже есть?

— Конечно, целых четыреста пятьдесят метров пути, почти до самого болота. И забор тоже есть, так что никто лишнего ничего не видел. Ух, ну и зрелище было! Пар свистит, кругом дым, паровоз несется аж быстрее кареты, прицепная тележка сзади гремит. В конце машинист еле успел дать контрпар, насилу остановил машину.

При этих словах Новицкий немного успокоился, а то поначалу ему показалось, что Лена сама испытывала это чудо техники. Но не успел он порадоваться ее невесте откуда взявшемуся благоразумию, как она объяснила причину:

— Там краны получились очень тугие, у меня просто сил не хватает их вертеть. Но ничего, я думаю, они со временем должны разработаться. Когда сам смотреть будешь?

— Завтра.

— Хорошо, — кивнула Лена, но императору показалось, что в ее голосе промелькнуло разочарование, и он счел нужным добавить:

— В таком деле нужна будет свежая голова, а сегодня я уже немного устал, с семи утра в седле трясся. Так что сейчас ужинаем, потом я быстренько принимаю Ягужинского с докладом о грядущей коронации. Не волнуйся, нам с ним пятнадцати минут хватит, а после... Что там бабка говорит — нам с тобой можно?

— Не только можно, но и нужно! — выпалила Елена. — Говорит, что это будет полезно и мне, и малышу. Только...

Женщина замялась, но все же закончила:

— Только она не советовала прямо в карете этим заниматься. Но ничего, мы потерпим, ведь уже больше половины пути проехали. И ты, наверное, голодный? На вот, я тебе хлеб с мясом захватила, покушай. Тогда и с ужином можно будет не очень спешить, ведь еще только шесть вечера.

На следующий день сразу после завтрака императорская чета села в кибитку и отправилась на завод. Несмотря на внешнюю непрезентабельность, это было, пожалуй, на сегодняшний день самое совершенное транспортное средство в мире. Во-первых, оно имело не только многослойные полуэллиптические рессоры, но даже гидравлические амортизаторы — правда, простейшие, без клапана, но они все равно заметно повышали комфортность езды. Во-вторых, передний мост не поворачивался целиком, а имел нормальный параллелограммный механизм, что сильно повышало устойчивость на поворотах. Поначалу Сергей вообще хотел сделать независимую подвеску передних колес, да еще добавить стабилизатор поперечной устойчивости, но потом решил плюнуть. В конце концов, тут не те скорости, чтобы идти на такое усложнение конструкции. И в третьих, обода колес покрывали трехслойные кожаные шины. Вообще-то Новицкий уже попросил Ворда организовать доставку нескольких пудов застывшего сока гевеи, объяснив, что хочет попробовать сделать шины из него. Англичанин обещал сделать это к весне, но счел нужным добавить — такие попытки уже делались, но ни чему хорошему не привели. Однако император заявил, что хочет в том убедиться лично.

И, наконец, данное средство передвижения правильнее было бы назвать не кибиткой, а кабриолетом, потому как его верх был складывающимся. Или даже лимузином, ибо салон отделялся от места кучера застекленной перегородкой.

К их приезду паровоз уже стоял под парами. Из высокой тонкой трубы шел густой дым, но не черный, а серый — в качестве топлива использовались березовые дрова. На месте машиниста стоял здоровенный русоволосый парень в черном комбинезоне. Император вспомнил — он лично перед отъездом приставил его к Елене, велел неотлучно сопровождать девушку по заводу и не давать ни к чему прикладывать физическую силу. Если вдруг понадобится чего приподнять или повернуть, то пусть делает это сам. Надо же, как высоко парень взлетел! Пожалуй, теперь в штатное расписание придется вводить должность лейб-машиниста. Да и лейб-кочегара тоже, вон как ловко стоящий рядом с ним заморыш поленья в топку кидает.

Паровоз по размерам был примерно с "Жигули", только поставленные на бок, то есть заметно уже их и существенно выше, даже не учитывая трубу. Но зато имел колесную формулу "4x4"! Цилиндры располагались между передними и задними колесами параллельно земле.

— Давление пара в норме, государыня, — доложил машинист, но глянул на императора и смутился:

— Прости дурака, государь, привык уже барыне докладывать.

— Ничего, продолжайте, командует здесь она, а я просто смотрю.

— Езжай, Ваня, — разрешила Елена.

Машинист взялся за большой кран в центре и с видимым усилием провернул его оборота на полтора. Из крана потянулась тонкая струйка пара, и паровоз тронулся. Сначала из левого, потом из правого цилиндра с громким шипением ударили струи пара. Разогнался механизм быстро, не как поезд, а почти как электричка, прикинул император. Правильно, он же легкий, снаряженный вес всего три с половиной тонны. Да плюс еще тележка с дровами сзади, но в ней и тонны не будет. Несмотря на то, что при столь коротком пути запас дров был не нужен, паровоз испытывался в полной комплектации.

Примерно к середине рельсового отрезка мини-поезд разогнался, как прикинул Новицкий, километров до тридцати в час.

— Да что же он контрпар не дает, бестолочь, ведь специально по обеим сторонам столбики вбиты, а он проехал мимо, будто их нет, — возбужденно шептала Елена, вцепившись в локоть императора. — Ну давай же, давай! Господи, ну за что же мне такого уroda подсунули! Кто же так тормозит? Питер, ты только глянь — он же еще не меньше чем на оборот кран отвернул, у него, обалдуя, уже колеса в обратную сторону вертятся! Ведь говорила же я ему, что надо осторожно, а так пользы никакой, только сцепление с рельсами уменьшается. Все, сейчас улетит в болото, доставай его потом оттуда.

Девушка закрыла глаза.

— Любимая, да не волнуйся ты так, тебе вредно, — шепнул ей на ухо император. — Подумаешь, паровоз улетит. Ничего страшного, достанем и починим, а заодно посмотрим, что с ним случится от прыжка в болото. На то они и испытания, чтобы выяснять подобные вещи.

Однако локомотив все-таки ухитрился остановиться всего метрах в двух от конца рельсов. Окутался клубами пара, постоял минуты полторы, а потом тронулся задним ходом. Теперь поезд ехал медленно, примерно со скоростью пешехода.

— Это он чтобы с разгона в ангар не врубиться? — поинтересовался император.

— Да, но не только. Почему-то тележка с дровами вперед едет нормально, а как задом, то, если чуть разогнаться, она сразу начинает болтаться из стороны в сторону, того и гляди с рельсов слетит. Наверное, у нее колеса слишком маленькие. Ну и как тебе мой сюрприз?

— Потрясающе. Вообще-то я с самого начала знал, что у меня жена умная, но что настолько, не подозревал. Сколько времени ушло на укладку рельсов?

— Неделя, работали двенадцать мужиков и лошадь с телегой. Причем поначалу совсем плохо выходило, а потом приловчились и последние триста метров сделали за два дня. Но тут место ровное, его почти не пришлось готовить. Зато дальше болото, там столь быстро и легко рельсы положить не получится. Хотя их все равно больше нет, следующую партию из Тулы обещали отправить только в сентябре.

Император прикинул — если и дальше рельсы будут поставляться такими темпами, то железная дорога между Санкт-Петербургом и Москвой откроется аккурат к трехсотлетию дома Романовых. Пора, пожалуй, подключать дополнительных поставщиков, среди которых самыми главными будут уральские заводы Демидовых. Тем более что Акинфий Никитич, приглашенный на коронацию Елены, уже почти приехал в Москву. Как хорошо, что у него есть предпринимательская жилка, и сколь вовремя она себя проявила!

В планшете про Демидовых имелась здоровенная статья, где в числе прочего было описано и открытие серебра на Алтае. Причем Акинфий, как достойный предок олигархов двадцать первого века, основал там якобы медеплавильный завод, который на самом деле выплавлял серебро. И, как предполагали авторы статьи, даже чеканил из него монету. А уже сильно потом, в конце царствования Анны Иоанновны, видимо, решил, что не надо зарываться, и за не очень большие деньги передал и завод, и месторождение в казну. Новицкий тогда решил, что такие прекрасные порывы надо стимулировать, дабы они случались пораньше. И, когда на Урал был направлен Павшин для защиты золотопромышленника Баташева от екатеринбургского губернатора и брата Акинфия, Никиты Никитича, он выполнил еще и небольшое дополнительное задание. Уходя, он оставил на Урале десяток агентов с заданием прояснить ситуацию с алтайским серебром.

Недавно трое из них вернулись с весьма обширным докладом, согласно которому даже чеканка монет оказалась чистой правдой, не говоря уж обо всем остальном. То есть на Акинфия Никитича уже вполне можно было заводить дело, о чем император собирался с глубокой скорбью сообщить ему при личной встрече. После чего намекнуть, что оную скорбь можно уменьшить поставкой рельсов по цене, не более чем на десять процентов превышающей себестоимость. И, главное, с бесплатной доставкой, как в любом приличном интернет-магазине.

Тут молодой царь вздохнул — похоже, ему придется поступать как российским властям гораздо более позднего времени, то есть за деньги уводить проворовавшихся олигархов от уголовного преследования. Но потом Новицкий сообразил, что тогда будут совсем другие олигархи. Ведь сколько полезного сделал этот Демидов, да и почти все остальные тоже! Чтобы в том убедиться, достаточно просто побывать на Урале. А будущие даже то, что досталось им практически даром, привели в почти полную разруху, но зато воровали от души и на себя тратили столько, сколько не снилось и всем Демидовым, вместе взятым. Нет уж, Акинфия Никитича на таком фоне можно простить с чистой совестью — но, разумеется, не бесплатно. Ну, а если кто-то начнет поступать по примеру своих будущих последователей, то вот тогда ему предстоит встреча с виселицей, сделанной из ценных пород дерева и украшенной художественной резьбой на темы о пользе нестяжательства.

Гость с Урала был принят императором почти сразу после приезда. Он явился в Москву поздним вечером, а аудиенция была назначена на четыре часа дня. Новицкий специально выбрал такое время, когда Елена заведомо должна быть на заводе. Потому что однажды молодая жена сказала ему — ей просто страшно смотреть, как иногда на месте ее милого и доброго Питера вдруг появляется холодное равнодушное чудовище, которому ничего не стоит отдать приказ стоящему рядом Федору, дабы тот свернул виновному шею или просто прибил его одним ударом своего огромного кулака. Она, конечно, понимает, что это просто маска и на самом деле настоящий Питер никуда не девается, но ей все равно страшно.

Новицкий тогда еще немного удивился. По его мнению, страшно должно было быть в случае, если бы он никак не реагировал на нерадивость в исполнении своих приказов, ибо тогда долго просидеть на троне, да и просто остаться в живых у него вряд ли получилось бы. Соответственно изменится и судьба самой Елены. Но, разумеется, спорить с женой не стал, а просто отныне старался проводить воспитательные разговоры в ее отсутствие.

Началась беседа строго по плану, то есть император вежливо рассказал гостю про его делишки с серебром, а потом про то, что за такие фокусы полагается согласно указам их величеств Петра Первого и Петра Второго. Однако дальше все пошло немного наперекосяк — Демидов не испугался. То есть он, конечно, не усомнился в том, что от уже упомянутой виселицы его отделяет до удивления малое расстояние, но такого ясно видимого ужаса, как, например, у Остермана в гораздо менее опасных ситуациях, гость не продемонстрировал. Вместо этого он хмыкнул:

— Да, крепко я влип на старости лет. Но ведь вы, государь, наверняка хотели сказать мне что-то еще? Для сообщения, что меня повесят, приглашать во дворец было необязательно.

"Молодец дядя", мысленно поставил ему плюс Новицкий и рассказал про рельсы.

— Сделаем, — без особого удивления согласился Демидов. — Сам рисковал, сам просчитался, самому теперь и убытки считать. Не сомневайтесь, ваше величество, слово мое нерушимое, это все знают. Но вот только куда вам столько рельсов? Если по ним тележки с рудой или углем гонять, то ведь такого количества на сотню заводов хватит.

— Давай на "ты", Акинфий Никитич, раз уж мы с тобой так хорошо договорились, — предложил император. — Рассказать я тебе, конечно, могу. Но, наверное, показать все-таки будет лучше? Только предупреждаю — бумага, что ты сейчас подпишешь про секретность, она очень серьезная. Если хоть кому даже случайно проболтаешься, мне придется иметь дело уже с твоими наследниками. Согласен? Тогда подписывай тут и вот тут, и пошли. До завода недалеко, всего версты полторы.

Завод, а особенно паровоз, лихо таскающий уже три тележки, потрясли уральского промышленника.

— Да, государь, великое дело ты задумал. И нужна такая дорога не столько между Москвой и Питером, сколь на Урал. Тогда мое железо здесь вдвое дешевле будет. Постой, а ежели оную машину на баржу поставить, дабы она ее вместо бурлаков тянула — поди, у нее намного быстрее получится? Или саму баржу можно будет сделать больше.

Тут Демидов глянул на согласно кивнувшего Новицкого и предположил:

— Небось генералы с адмиралами тебе уже предложили ее на военный корабль водрузить. Не слушай ты их, ваше величество! Один корабль ничего не решит, два тоже, а больше машин на этом заводе не построить. Многие десятки их нужно, тогда у России и армия, и флот станут такими, с коими ни один враг совладать не сможет. И где же сии заводы ставить, как не на Урале? Дай мне пару человек, умеющих станки и машины строить. Я тогда чугунную дорогу до Камы или даже Волги дотяну, а уж оттуда мое железо по всей России разойдется и за ее пределы.

— Кого это я тебе отдам — Нартова или жену свою беременную? — возмутился молодой царь. — Ты хоть думай, прежде чем предлагать такое. Сам найдешь у себя людей и пришлешь их ко мне на учебу.

— Так ведь времени сколько на то уйдет...

— Каких людей пришлешь, столько и уйдет времени. Коли отправишь дураков, так они, действительно, до самой смерти тут ничему не научатся. Ищи грамотных, и чтоб инструмент в руках держать умели, да еще имели большое желание учиться всяким наукам, для строительства машин необходимым. Пришлешь человек сто таких — глядишь, из них и получится десяток пригодных. Вот так, а пока еще один пункт, о котором я чуть не забыл. Про соляную монополию даже не заикайся, ежели не хочешь со мной поссориться. Не будет ее тебе ни за какие деньги! Ясно?

Тут наконец Демидова проняло. Ведь про желательность соляной монополии он только-только начал задумываться сам, и никому пока об этом не говорил. Неужели правда, что государя исцелил самый настоящий ангел? И после исцеления подарил ему способность видеть людей насквозь. Ежели так, то с таким императором надобно вести себя еще осторожнее, чем с его дедом, Петром Великим. Интересно, смотреть в душу он умеет только при личной встрече или на расстоянии тоже?

Глава 32

Миних с Нартовым прибыли в Москву третьего сентября, сразу после окончания коронационных торжеств. Фельдмаршал первым делом извинился перед императорской четой, сказав, что они очень спешили, но им помешали дожди. Император кивнул — а что, вполне приличная отмазка, последние три дня действительно иногда с неба слегка капало. Если бы дело не касалось его жены, то на их месте он поступил бы точно так же. Все-таки до чего это нудное дело — два дня подряд с утра до вечера быть в центре внимания! Впрочем, Лене поначалу торжества даже понравились, да и потом она их переносила нормально.

— Ладно, — кивнул император, — опоздали так опоздали, ничего не поделаешь. Надеюсь, вы не настолько устали в дороге, чтобы приступать к отдыху прямо сейчас? Отлично, тогда мы с императрицей ждем вас на ужин и надеемся услышать подробный рассказ, как ведет себя на воде моя галера.

По словам Миниха, она вела себя прекрасно, то есть на паровом ходу дошла от Шлиссельбурга аж до Свири менее чем за четверо суток, лишь изредка помогая двигателю парусами. Насчет весел сразу выяснилось, что они помогать ходу не могут, а только мешают.

Нартов интерпретировал те же события несколько иначе. По его словам, галере не хватало мощности идти даже против пятибалльного ветра, а когда он стал боковым, то она принялась раскачиваться так, что черпала воду бортами. Из-за чего весь путь пришлось проделать вдоль берегов, что удлинило маршрут в полтора раза. И все равно на преодоление

каких-то жалких ста шестидесяти километров потребовалось четыре полных дня! Да еще два раза пытались идти ночью, но потом бросили это никчемушное занятие.

— Через туннель гребного вала текло хоть и сильнее, чем я рассчитывал, — продолжал Андрей Константинович, — но все-таки насос на валу с этим справлялся. Однако корпус тоже здорово протекал, и тут пришлось подключиться команде с ручной помпой и просто ведрами. И все равно кочегарам иногда приходилось работать по щиколотку в воде. Впрочем, они этим были даже довольны, потому как в котельной очень жарко. Я, например, там больше часа высидеть не мог. Развить полную мощность машины не удалось, ибо на трехстах оборотах винт начинал трястись так, что я опасался за гребной вал, в то время как на испытаниях машина давала почти четыреста оборотов под полной нагрузкой. Это именно винт, ибо мы его заменили на запасной в Лодейном Поле, и он начал трястись уже при двухстах семидесяти оборотах. В общем, по морю на таком корабле плавать категорически нельзя. По Ладоге тоже страшно. По реке можно, но противно. Если бы всю команду посадить за нормальные весла, скорость получилась бы та же.

— Ты, Андрей Константинович, придираешься, — благодушно заметил Миних. — Видел бы, на чем иногда нам приходилось выходить в море, не говорил бы так. Насчет же весел — сколько мы шли вверх по Свири, пока добрались до Лодейного Поля? Четырнадцать часов. Ты бы взялся столько времени веслами махать всего с одним перерывом? Вот и я нет, хотя меня господь силой уж никак не обидел. А тут только кочегары умаялись, да и то потому, что три смены мало — надо было брать людей на четыре.

Нартов собрался было возразить, но император вмешался:

— Господа, хватит споров, суть я уже понял. По-моему, все нормально — ни одно принципиально новое устройство не начинает работать сразу. Галера не утонула? Нет. Машина ее двигала? Да. Все, для первого раза этого достаточно. Остальное — неизбежные недостатки, подлежащие планомерному исправлению. И нам осталось только решить, где это будет делаться, потому как Питер не годится — больно уж много там лишних глаз и ушей.

Император совсем было собрался предложить остров Валаам, но вспомнил, что на военных советах вообще-то первым говорит младший по званию. И, как сразу выяснилось, вспомнил он это очень вовремя, ибо взявший слово Нартов сказал:

— По-моему, тут и придумывать ничего не надо. Государь Петр Великий не зря поставил верфь в Лодейном поле. Вот уж там никаких лишних на много верст нет, даже необходимых не хватает, верфь за последнее время захирела. Но все равно гораздо проще привести в порядок ее, нежели где-то строить новую. И строевого, и мачтового леса в округе достаточно. Рядом Олонецкие заводы, там точно такая же картина.

— Правильно, — согласился Миних. — Если бы верфи уже не было в Лодейном Поле, я бы предложил поставить ее в устье Волхова. Но там, во-первых, все-таки довольнолюдно, это же известный торговый путь. И с лесом хуже, так что пусть стоит там, где ее Петр Великий поставил.

— А ничего, что дотуда Ладожский канал не дотягивается? — поинтересовалась Елена. — Ведь Ладога — она хоть и озеро, но во время осенних штормов становится злее иного моря.

— Придется, конечно, дотягивать до Свири, — кивнул Миних, — а пока возить грузы с осторожностью. Я тот, что имеется, канал строил, и в его продолжении больших трудностей не вижу.

Император ограничился кивком, тихо радуясь, что не успел озвучить свою идею насчет острова. Ведь туда же придется возить и лес, и металл, и вообще все! А по Ладоге, оказывается, плавать настолько опасно, что приходится рыть каналы вдоль берега. Надо же, никогда бы не подумал.

Убедившись, что более никто ничего предлагать не собирается и все ждут его решения, Новицкий изрек:

— Тогда, значит, все вопросы, связанные с верфью в Лодейном поле и Олонецкими заводами, кроме оснащения их станками, на тебе, Христофор Антонович. Станками и

машинами займется Андрей Константинович, но чуть попозже. А пока надо как-то разобраться, почему в Туле до сих пор не готовы казнозарядные штуцеры. Всего-то тридцать штук от них требуется, а там все возникают и возникают какие-то трудности! Андрей Константинович, будь другом, съезди и разберись.

— Давай лучше я съезжу? — предложила императрица. — Засиделась ведь в Москве, света божьего не вижу. Да и не получается у меня с большим станком для обточки цилиндров без господина Нартова, это ведь его детище. А со штуцерами разберусь, не такая уж это сложная механика. Дорога в Тулу хорошая и не длинная, всего двести верст, а в нашем возке ехать — одно удовольствие, его совсем не трясет.

Действительно, подумал Новицкий, пусть прогуляется, если бабка разрешит. Вроде бы беременным это полезно. Да и мне не помешает в Тулу съездить — в конце концов, оружейному делу меня обучали куда основательней, чем доисторическому станкостроению, на нартовском заводе от меня точно никакого толку не будет.

— Согласен. Коли Анастасия Ивановна против не будет, съездим с тобой в Тулу. А к тебе, Андрей Константинович, скоро ученики прибудут с Урала. Демидов обещал, что не дубы, а лучшие в своем деле. Так что ты к ним присмотришь на предмет того, кого из них после учебы обратно отправить, а кого оставить у себя.

Нартов глянул на государя с некоторым сожалением — мол, да неужели ты думаешь, что этот выжига такого не предусмотрел и не принял каких-либо мер, чтобы самые достойные обязательно вернулись к нему. Во взгляде же Миниха читалось одобрение — надо же, а молодой царь, кажется, и такую акулу, как Акинфий Никитич, уже успел на какой-то крючок подцепить, иначе не предлагал бы подобного. Далеко пойдет юноша, ох далеко, и уже сейчас видно, что не совсем так, как его дед. Тот все предпочитал делать напором да натиском, а у этого любимый метод — резко, но потихоньку. Без, как он сам часто говорит, лишнего визга.

На этом общая беседа закончилась. Нартов пошел на завод, у Елены тоже нашлось что-то срочное, и в кабинете, кроме царя, остался один Миних. К нему у молодого императора было еще два дела.

Ведь если сейчас отправить Христофора Антоновича на Ладогу, то он, скорее всего, не обидится — сам же инициировал всю эту возню с пароходом. Однако может остаться небольшой осадок оттого, что его вроде как оттирают от руководства военным ведомством, где все больший вес обретают Ласси с Румянцевым. Нет уж, на ровном месте создавать почву для обид ни к чему, тем более что подготовка к грядущей войне за польское наследство все-таки куда важнее, чем один пароход, пусть даже и сколь угодно хорошо плавающий.

— В общем, я с тобой, фельдмаршал, хочу поделиться своим беспокойством, — начал император. — Больно уж распутную жизнь ведет польский король Август Сильный, совсем себя не бережет. Тут и пьянки, и пляски до утра, и бабы. Вредно такое в его возрасте, мне это точно Кристодемус сказал. Я даже опасюсь, не помер бы король. Вот так прямо не взял бы и в самом начале февраля не помер бы. И что мы тогда делать будем, ведь на трон полезет Станислав Лещинский, причем поначалу его поползновения могут увенчаться успехом. Кажется, пора писать диспозицию — какие полки и корабли куда двигать. С прусским королем я уже договорился — часть сил можно будет заранее отправить на его территорию.

— Э...э... ваше величество, — осторожно переспросил Миних, — а ты точно знаешь, что нам уже пора начинать волноваться?

— Абсолютно точно.

Ну и дела, растеряно подумал фельдмаршал. То-то этот Кристодемус так надолго ездил в Пруссию! Получается, что он еще кое-куда успел, подлец. Интересно, как он ухитрился чем-то таким опоить короля, что теперь может гарантировать Петру дату смерти? Знает ведь, что ежели обманет государя в таком вопросе, то ему не жить. Или Шенда не опаивал Августа, а проклинал — говорят, он и это может? Ох, грехи наши тяжкие, давно ведь чувствовал, что с этим мерзавцем надо поосторожнее.

Однако фельдмаршал, разумеется, задал совсем другой вопрос.

— Кто, кроме Лещинского, будет претендовать на трон? И кто для нас более желателен?

— Фридрих Август, сын нынешнего короля. И прусский принц Фридрих, жених нашей цесаревны. Кто из них победит — не знаю. Нам, в общем-то, все равно. Правда, там вроде может путаться под ногами еще какой-то португальский инфант, но его как кандидата на победу можно не рассматривать.

Покидая Лефортовский дворец, Миних пребывал в задумчивости. Причем не только оттого, что требовалось срочно готовиться к войне с Польшей, где, как уже сказал государь, лично на нем будет быстрое взятие Данцига. Здесь у фельдмаршала особых сомнений не было, раз надо — значит, возьмем. Христофора Антоновича больше беспокоило то, как изменилась обстановка вокруг молодого царя за недолгое время его, Миниха, отсутствия.

Во-первых, окончательно подтвердилось, что роль Кристодемуса далеко выходит за пределы простой заботы о царском здоровье. Оказывается, он не только врач, но и инженер, только это было бы еще полбеды. Но Шенда, похоже, еще и занимается такими делами, про которые не то что спрашивать — догадываться и то следует, соблюдая сугубую осторожность.

Во-вторых, при дворе появилось новое действующее лицо — лейб-повитуха. Причем видно, что к ней с большим уважением относятся не только императрица, это было бы вполне понятно. Но ведь и сам царь прислушивается к этой бабке! Интересно, чего он в ней увидел?

Уже подъезжая к дому, фельдмаршал нашел ответ на этот вопрос. Ведь и Петр, и Елена — по существу сироты. Материнского тепла ни он, ни она не знали никогда в жизни, но наверняка по нему тосковали, пусть даже для самих себя незаметно. Вот, значит, эта заботливая старушка и заменила мать сначала императрице, а потом и самому императору. Хорошо хоть она в политику не лезет — понимает, что там и без нее хватает желающих, причем куда более весомых. Но попытаться как-то наладить с ней отношения все-таки стоит. Хотя бы из самых простых соображений — к кому обращаться, ежели вдруг заболеешь? Не к Блюментросту же с Бидлоо, кои чуть не утомили молодого царя. И уж тем более не к Кристодемусу — тут мало того что от его запросов без штанов останешься, так еще неизвестно, чего этот безбожник сотворит с тобой за твои же деньги.

Император же, оставшись в одиночестве, положил перед собой лист бумаги и задумался — что сделано для того, дабы грядущая война за польское наследство обошлась России минимальными потерями и вообще заняла как можно меньше времени? Что из желательного уже никак не успеть, а что еще можно, если слегка поднапрячься? Времени-то осталось совсем немного.

Первые записи на этом листе были сделаны полгода назад, и сейчас Новицкий с сожалением перечеркнул первое слово — "минометы". Да, при взятии крепостей это было бы очень прогрессивное оружие, но тут обнаружились трудности, связанные с тем, что ключевым словом в данном предложении являлась частица "бы". То есть они были бы, если бы действительно были.

К сожалению, к текущему моменту удалось сделать всего пять штук — изготавливать вручную тонкостенные бесшовные стальные трубы оказалось очень непросто. Правда, умельцы с Сестрорецкого оружейного завода предложили отливать стволы минометов из бронзы. При этом одно из достоинств миномета — малый вес — безвозвратно терялось, но и соответствующая траектория полеты мины, и высокая скорострельность сохранялись. Новицкий воспрянул было духом, но тут выяснилось, что до массового производства мин если и ближе, чем до Луны, то не очень намного. А так как любое секретное оружие остается таковым только до первого боевого применения, то молодой император решил вообще отказаться от его использования в грядущей войне. Все равно тут придется брать всего одну крепость — Данциг, так что пускай Миних ее берет, используя только классическую артиллерию. Раз уж в той истории при Анне Иоанновне у него это получилось, то получится

и в этой, при Петре Втором. Тем более что артиллерии ему сейчас будет придано раза в полтора больше, чем тогда. А минометы надо готовить к завоеванию Крыма — вот уж там недостатка в крепостях, подлежащих взятию, не будет.

Чуть ниже "минометов" на бумаге имелась надпись "штуцеры". Ее молодой император перечеркивать не стал, а, наоборот, подчеркнул двойной чертой. Потому как их требовалось немного, всего три десятка, и они были уже почти готовы — только почему-то после полутора десятков выстрелов нарушалась обтюрация, то есть пороховые газы начинали прорываться из казенной части.

Эти штуцеры Новицкий изобрел сам — после того, как убедился, что нормальные револьверы Тульский оружейный завод в принципе делать может, но самое большее по две с половиной штуки в год. Пришлось упрощать изделие, и в результате получился странный уродец — однозарядная револьверная винтовка с клиновым затвором. Под унитарный патрон с картонной гильзой и медным донцем.

Вместо нормального барабана у нее имелась всего одна камера, закрепленная на петле, один в один скопированной с тех, на которых в окнах Лефортовского дворца висели форточки. Камера могла откидываться вбок и вниз почти на сто восемьдесят градусов и, кроме того, двигаться миллиметра на два взад-вперед за счет продольного люфта петли. Сзади находился рычаг с клиновым упором, который при повороте сначала до упора выталкивал камеру вперед, так что она попадала проточкой спереди в цековку ствола, а затем фиксировал ее в этом положении. Тем самым обеспечивались и необходимая соосность, и обтюрация. Никакого экстрактора штуцер не имел, стреляные гильзы надо было выбивать небольшим шомполом, закрепленным на ложе справа. Впрочем, это не представляло особой трудности, ведь камера была совсем короткой. Да и сам ствол тоже особой длиной не отличался, пока у тульских мастеров получалось нарезать только такие, полуметровые.

Так вот, несмотря на убожество конструкции, штуцеры продемонстрировали прицельную дальность в триста метров. Ну, а с их крайне невеликим ресурсом император собирался разобраться на месте.

Новицкий надеялся обойти закономерность насчет секретности и боевого применения — ведь оно планировалось единственным и не совсем боевым, а скорее бандитским. Стоп, одернул себя молодой царь, по отношению к своим таким слов нельзя употреблять даже в мыслях. Вот если нас кто-нибудь ограбит, то это будет самый настоящий бандитизм, а если мы — то, например, экспроприация. Или даже принуждение к жертвованию на благородные цели.

Разобраться с ускоренным износом штуцеров действительно получилось быстро, в первый же день по прибытии в Тулу. Вот только вышло это не у Новицкого, а у Елены. Едва увидев изделие тульских оружейников, она наморщила носик и попросила кого-нибудь из сего ружья выстрелить. После чего обратилась к мужу:

— Питер, да как же так можно! У него же рамка не только открытая, но еще и с совершенно недостаточной жесткостью. Вон как при выстреле играет! Зачем тут такой длинный вырез? Да и приварить сверху усиливающую планку ничего не мешает.

Новицкий хотел было сказать, что револьверов с незамкнутой рамкой было наделано довольно много, но потом вспомнил, что ему говорил инструктор по стрелковой подготовке. Мол, главным недостатком переломных револьверов являлось то, что со временем этот механизм разбалтывался. А штуцер не переламывается, так что, действительно, мешало сделать рамку замкнутой?

Елена тем временем задала следующий вопрос:

— А почему здесь вместо нормального барабана стоит какой-то откидыш?

— Да потому, что пришлось выбирать — сверлить можно или быстро, или точно, сразу и так и так не получается. Но даже при самом старательном изготовлении две трети барабанов уходили в брак.

— Это, наверное, оттого, что их делали без оснастки, на глаз. Теперь уже не успеть,

ведь эти ружья тебе нужны срочно. Но если точно такую же камору на такой же петле прикрепить еще и слева? Тогда можно будет довольно быстро выстрелить два раза подряд, перезаряжать же что сразу две каморы, что одну — разница небольшая.

— Ты у меня молодец, — шепнул император, целуя жену в щеку. Мысленно же добавил — жаль только, что у тебя муж такой дурак. И не потому, что придумал нежизнеспособную конструкцию — грамотный мастер уже при изготовлении мог увидеть ее недостатки и исправить их. Но ведь он же сам привез своими руками сделанные чертежи на завод! Вот никто и не решился поправлять императора. Так что на будущее надо поручить Афанасию подобрать трех курьеров. Одного с умной физиономией, другого с не очень, а третьего с вовсе дебильной. И посылать в подобных случаях кого-то из них, а самому только решать, какой повезет бумаги в каждом конкретном случае.

Глава 33

Его императорское величество Петр Второй отошел от окна, за которым свирепствовала январская метель. Вот и наступил тысяча семьсот тридцать третий год. Скоро исполнится три года, как он, Сергей Новицкий, работает российским императором. Причем за это время успел добиться определенных результатов.

Первым делом следовало сделать так, чтобы его власть была действительно самодержавной, и это вроде как получилось. Во всяком случае, давно не случалось примеров явного пренебрежения императорскими указами — как из-за развитой системы контроля, так и благодаря неотвратимости наказания провинившихся. Но, разумеется, этого совершенно недостаточно. Нужно еще, чтобы сами императорские указы всегда соответствовали задачам, ради которых они издавались, не содержали явных глупостей и, в идеальном случае, приводили к предсказуемым последствиям. В общем, кроме штата проверяющих, нужны еще и люди, способные написать царский указ по нескольким словам императора. А потом, естественно, нести ответственность за то, что у них получилось. Вот с этим пока было, мягко говоря, не очень, хотя Новицкий уже начал работу и в данном направлении.

Тут Сергей вспомнил дядю Виталия, благодаря знакомству с которым он оказался сначала в Центре, а потом в восемнадцатом веке. А именно — его рассказ о том, какие бывают ученые степени. И как можно их получить. Например, перед тем, как писать диссертацию, представляющую собой развернутую просьбу присвоить автору ученое звание кандидата наук, надо было сдать экзамен, называющийся кандидатским минимумом. То есть доказать, что соискатель не только когда-то где-то учился, но еще и помнит что-то из изученного. Может, и в здешней России ввести что-нибудь подобное? А то тут, кажется, есть всего два ученых звания — либо ты вообще никто в научном плане, либо сразу академик. Хотя, возможно, все-таки имеются и другие градации. Взять, например, Бидлоо, которому благодаря Новицкому два раза подряд сильно не повезло. Сначала доктор упорно пытался уморить Петра Второго, но, когда до положительного результата оставались считанные часы, прилетел ангел и все ему испортил. Потом Бидлоо взялся лечить Михаила Голицына, и опять пациенту не дали мирно помереть от рака печени, осложненного безграмотным лечением. Правда, тут обошлось без ангела — хватило простой пули, выпущенной лично молодым императором. Так вот, Сергей своими ушами слышал, как кто-то при нем назвал Бидлоо профессором. Интересно, это степень или звание? Пожалуй, пора разбираться, а то ведь в России уже есть несколько ученых, причем двое среди них вообще русские — Мятный и Ломоносов. Или даже целых трое, если бабка не ошиблась, раскопав по Кристодемуса, что родом он из-под Коломны, зовут его не Шенда, а Мишка, подлинной же фамилии он вовсе никогда не имел из-за низости и невразумительности происхождения.

Впрочем, подобные мелочи императору были до лампочки, и он продолжил государственные размышления.

Сколько было состроено всяких планов! Вот только в жизнь воплощались далеко не все. Правда, отсеивались в основном либо откровенно дурацкие, либо просто

преждевременные, и молодой император решил без ложной скромности признать, что в таком положении дел есть и его заслуга. Зато случилось много незапланированного — но, несмотря на это, в конце концов обращенного к пользе. Например, развитие авиации в России началось как-то случайно, однако теперь, благодаря немалой императорской поддержке, есть уже целых два воздушных шара и строится третий, в полтора раза больший по размерам. А Ворд лезет из шкуры, пытаясь выяснить, как они все-таки ухитряются летать.

Или взять женитьбу. С самого своего появления здесь Новицкий был уверен, что жениться по любви ему не удастся — только по расчету. Женитьба императора должна преследовать всего две цели — дать здоровое потомство и принести стране какие-либо дипломатические выгоды. Никакие противоречащие этому личные мотивы для настоящего монарха недопустимы. Так вот, кандидатуру Елены он поначалу рассматривал именно из вышеуказанных соображений. То, что в ее роду никогда ничем наследственным не болели, выяснилось быстро. Ну, а с дипломатическими выгодами было совсем просто. Ведь только после царской свадьбы Елизавета, до конца уяснив, что теперь русский трон для нее абсолютно недоступен, всерьез, с душой занялась охмурением Фридриха. И добилась успеха — до свадьбы оставалось совсем немного.

В общем, молодой император считал, что вступает в брак по расчету, а оказалось — фигушки. По любви, да еще какой! Сергей никогда не подозревал, что способен на столь глубокие чувства. Но ведь ни здоровье будущих наследников, ни грядущие дипломатические выгоды от этого никуда не делись.

Впрочем, важнейшее, что задумал молодой император сразу по занятию престола, пока шло строго по планам. И Сергей иногда даже впадал в сомнения — хорошо это или плохо. Имелась в виду постепенная отмена крепостного права. Как было бы здорово, если бы кто-то вдруг взял и предложил свой план, позволяющий заметно ускорить процесс! Но увы, таковых пока не находилось.

Новицкий не сомневался, что именно крепостное право было тем главным фактором, который предопределил прогрессирующую техническую отсталость России в девятнадцатом веке. Но идти по стопам Александра Второго у него не было ни малейшего желания. Сначала устроить всероссийский бардак, а потом дожидаться, чтобы тебя прибили те, кому ты дал свободу слишком резко и в превышающем разумное количество? Нет уж, ни к чему повторять ошибок "царя-освободителя", да и весь его жизненный путь тоже не следует рассматривать как пример для подражания. Скорее он сойдет как пример того, к чему могут привести благие намерения.

Например, в той истории крепостное право было отменено манифестом в тысяча восемьсот шестьдесят первом году, но многие его проявления существовали аж до начала двадцатого века. Сергей же собирался сделать наоборот — то есть сначала по факту похоронить крепостничество. Причем, если потребуется, то и вместе с его наиболее яркими сторонниками. А уж потом, когда все успокоится, выпускать манифест. Однако не скоро, на весь процесс император отводил себе пятнадцать лет. Ну, а пока следовало сделать очередной шаг в данном направлении.

Поначалу Сергей хотел написать указ, запрещающий продажу крестьян без земли, но потом задумался. Ладно, можно сделать исключение для крестьян,купаемых для выполнения проектов государственной важности. Но зачем? Пусть лучше все, проданные без земли или даже с ней, но меньше среднего надела, через пять лет подлежат освобождению. Если же новый хозяин не хочет их лишаться, то он должен заплатить специальный сбор, основой для расчета которого будет им же заявленная рыночная стоимость купленных людей. И, значит, ее всегда можно будет объявить заниженной, что даст повод к наказанию вплоть до каторги с конфискацией имущества. Начать, разумеется, следует с самых одиозных, уже замеченных в неодобрении политики императора, но со временем все помещики должны постепенно понять, что ни продавать, ни покупать людей без санкции государства нельзя. Никак нельзя, если не хочешь в голом и босом виде оказаться где-нибудь на реке Лене в качестве рабсилы для купца Иконникова.

Вот когда с крепостничеством будет покончено, подумал Новицкий, то только тогда я и смогу без всяких натяжек считать себя настоящим императором. Ну, а то что делается сейчас — это всего лишь сдача кандидатского минимума, и не более того.

Тут Сергей вдруг неизвестно почему вспомнил Саломатина. Похоже, я несколько преувеличил его роль в смерти дяди Виталия, подумал молодой царь — впрочем, без всякого раскаяния. Потому как ныне у меня есть опыт управления, и теперь я точно знаю, что на том уровне, где пребывал Яков Николаевич, решения о ликвидации не принимаются. Более того, даже намекать на такое ему было не по чину! Максимум, что он мог — это высказать свои соображения, когда их потребует начальство, что на самом деле означает — оно уже почти все решило само. А это говорит о том, что дядя Виталий на деле оказался лучшим психологом, чем специалисты Центра. Он, видимо, предчувствовал свою участь и знал, что для выполнения миссии, возложенной им на в общем-то обычного пацана, нужна сильнейшая мотивация. Только она позволит ему годами работать с запредельным напряжением всех сил. А что может быть лучше, чем справедливое, да еще изощренное наказание злодея, причастного к гибели единственного близкого человека?

Интересно, мысленно усмехнулся Новицкий, успел Яков Николаевич сбежать или нет? И если успел, то было бы любопытно глянуть — как он там себя чувствует среди хвощей и трилобитов.

Эпилог

За три года, что курсант номер семь провел в восемнадцатом веке, на островке у края мелководного моря, раскинувшегося там, где примерно через четыреста пятьдесят миллионов лет предстояло возникнуть Московской области, тоже произошло немало событий.

Теперь в самом центре острова стоял дом, хоть и совсем небольшой, но аккуратно построенный. Местные растения, с виду похожие на хвощи и папоротники, после просушки давали неплохую древесину, по фактуре напоминающую бамбук. Правда, за крупными деревьями пришлось ходить за несколько километров и потом сплавлять их по протокам до островка, но Яков Саломатин никуда особенно не спешил.

Отчаяние, испытанное им в первый день, когда он понял, куда попал и что этому предшествовало, прошло быстро. Чуть дольше продержалась обида, что он в общем-то страдает за чужие грехи. Ведь Яков почти ничего не помнил из того, что, если верить написанному им самим для себя же письму, способствовало его появлению где-то между ордовикским и силурийским периодами. Кроме того, обстановка требовала не заниматься душевными переживаниями, а как можно быстрее сделать все необходимое для длительного и относительно комфортного существования здесь.

На это хватило трех лет.

Теперь вокруг хижины росли подсолнухи — здешний климат оказался для них очень подходящим. У самой воды располагался курятник. На трех соседних были поля с пшеницей, картошкой и помидорами. Крупный остров за большой протокой почти весь зарос крапивой. Чуть дальше — невысокий островок, отведенный под капусту и редиску. И, наконец, то ли на материке, то ли на крупном острове в паре километров от жилища Саломатина прижились ростки финиковых пальм, эвкалиптов и норфолкской сосны. Никаких сельскохозяйственных вредителей здесь не водилось, так что отдаленные поля ничуть не страдали.

Одна из протоков была огорожена, и теперь там жили животные, которых Яков считал ракоскорпионами. То есть нечто вроде лобстеров, но с длинным хвостом, заканчивающимся колючкой. Кстати, почти не ядовитой, да и вообще эти ракоскорпионы не отличались особой подвижностью. Но зато на вкус они были выше всяких похвал. Так считал не только сам Яков, но и кошка, что скрашивала ему одиночество в доисторических временах.

Все потребности в электричестве с запасом обеспечивали ветрогенератор и четыре больших солнечных панели.

То ли из-за здорового образа жизни, то ли из-за прыжка в столь далекое прошлое Саломатин заметно помолодел, чему не мешало даже более низкое, чем в двадцать первом веке, содержание кислорода в воздухе. Во всяком случае, уже к первой годовщине напрочь исчез выпирающий живот. И прибавилось выносливости, что Яков обнаружил во время дальних походов за подходящими деревьями.

И вот, наконец, аккурат к третьей годовщине пребывания в прошлом все дела по обустройству были закончены, каковое событие робинзон во времени решил отметить торжественным ужином.

— Ну что, Пятница, будем здоровы! — обратился он к кошке, подняв стакан с пшеничным самогоном тройной очистки, настоящим на корнях голубого папоротника.

Кошка кивнула. Вообще-то она просто выбирала, с какого кусочка ракоскорпиона начать трапезу, однако Саломатин был уверен, что животное его в общих чертах понимает.

— Ух, — выдохнул человек, откушав стакан. — Ты, киса, закусывай, закусывай, не стесняйся. Тут тебе не Москва, все кругом в высшей степени экологически чистое.

Кошка согласно мяукнула.

— Итак, дорогая Пятница, сегодня мы с тобой подводим итоги. Все оказалось не так плохо, как могло бы быть. Ты вон тут поправилась килограмма на два и поумнела, а ведь в Москве, уж прости за откровенность, была дура дурой. Я, наоборот, похудел, но тоже поумнел, это несомненно. Что, капуста хочешь? Можешь есть прямо из моей тарелки, разрешаю. Так вот, киса, я, как уже говорилось, тоже здесь поумнел. И понял, что наши с тобой возможности несколько шире, чем это представлялось ранее. И даже чем это предполагал Виталий Ханин. Он, конечно, был гением, не к ночи будь помянут. Интересно, чего он наговорил про меня тому парню? Не мотай головой, киса, это действительно интересно. Потому что Ханин, хоть и будучи гением, ошибался, считая, что в один мир переход можно осуществить только один раз. Нет, можно и больше, но только не из будущего, а из прошлого. Особенно из такого далекого, в каком мы с тобой находимся. Да, ты правильно поняла — это получится сделать при помощи той аппаратуры, что я перекинул сюда из Москвы. Да ты кушай, кушай! Что, уже наелась? Ну, а я, пожалуй, пропущу еще стаканчик. Не возражаешь?

Собеседница не возражала.

Пока Саломатин выполнял обещанное, кошка подвинула лапой тарелку, улеглась на столе поудобнее и теперь внимательно смотрела на человека.

— Только, киса, тут есть один не очень приятный момент. Открыть переход можно будет исключительно по сигналу маяка, что захватил с собой Новицкий. Вряд ли он его разобрал, да это и не очень просто. Так что теперь раз в декаду маяк выдает короткий сигнал, а встроенной батарее ему хватит лет на пятнадцать. Все бы ничего, да вот попасть можно будет только в место, отдаленное от маяка не более чем на сто с небольшим метров. А ведь этот курсант... ик... он совсем не дурак. Думаю, что Сергей там очень неплохо устроился, в царях-то. И что он нам скажет, когда мы с тобой свалимся прямо ему в лапы? Тебе-то, наверное, ничего. И мне тоже ничего... ик... в смысле ничего хорошего. Где нам будет лучше — здесь? В Центре, там тоже мог с-сохраниться маяк? Или в гостях у его величества П-петра Второго? В общем, тут надо крепко п-подумать. Думай, киса, думай! А я, пожалуй, прилягу, что-то меня развезло... ик. Говорят, утро вечера мудренее.